РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN:1818-4049

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

М.В. ДЕГТЯРЕВ

Инновационные публично-правовые режимы в стратегическом развитии российского Дальнего Востока: мера должного в глубинных логистических и парадигмальных подходах

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

М.В.ТОМИЛОВ

Современные тренды в международной торгово-экономической интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Н.В. МЕДВЕДЕВА, Н.А. МАСЛЮК

Новые инструменты привлечения инфраструктурных инвестиций в экономику региона

СОЦИОЛОГИЯ

Ю.В. БЕРЕЗУТСКИЙ, Н.М. БАЙКОВ, М.А. БУЛАНОВА

Социальные представления учащихся общеобразовательных школ Хабаровского края: социологическое измерение

№3 (100)
2022

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2022 г. № 3 (100)

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2022 г. № 3 (100)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: А. И. Медведев

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

scientific journal
2022, no. 3 (100)

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: A. I. Medvedev

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education "The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation" (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)
Yu.V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)
E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)
I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)
Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)
S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)
E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)
A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)
E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)
O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)
O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)
A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)
O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)
S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)
Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)
Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)
Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)
Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)
Zhong Tsyanpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal "Power and Administration in the East of Russia". Articles are subject to review.

The authors' opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Медведев А. И. Приветственное слово главного редактора 8

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Дегтярев М. В. Инновационные публично-правовые режимы в стратегическом развитии российского Дальнего Востока: мера должного в глубинных логистических и парадигмальных подходах 9

Зикунова И. В. Социально-экономическая динамика в изменении институтов публичной власти: опыт Хабаровского края 18

Кравчук С. А. Социально-экономическое развитие городского округа «Город Хабаровск»: состояние и перспективы 25

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Томилов М. В. Современные тренды в международной торгово-экономической интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона 33

Бай Сяогуан Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы 42

Чу Ци Исследование трансграничного сотрудничества с Россией в Хэйлунцзянской пилотной зоне свободной торговли 53

Теория и практика экономики и управления

Бардаль А. Б. Изменение потребностей экономики Дальнего Востока в транспортных услугах 62

Веприкова Е. Б.
Кисленок А. А.
Гулидов Р. В.
Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности 71

Медведева Н. В.
Маслюк Н. А.
Новые инструменты привлечения инфраструктурных инвестиций в экономику региона 87

Ефременко В. Ф.
Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России 101

Глазырина И. П.
Калгина И. С.
Брезгин В. С.
Парадоксы экономики россыпного золота 108

Социология

Березутский Ю. В.
Байков Н. М.
Буланова М. А.
Социальные представления учащихся общеобразовательных школ Хабаровского края: социологическое измерение 118

Лукина К. В.
Широкова А. С.
Захарычева Т. А.
Социологическое измерение реакции пользователей на блокировку Инстаграм: оценка экспертов 132

Бейдина Т. Е.
Проблемы Забайкальского края в рамках политической социологии 142

Черевко М. А.
Педагогическое наставничество как фактор профессионального самоопределения молодых педагогов: региональный аспект 150

Обсуждаем проблему: развитие человеческого капитала

Маниковская М. А.
Гуманитарный фундамент человеческого капитала: теоретические прозрения и региональная экспликация 160

Арутюнян М. П.
К управленческому дискурсу «человеческого капитала» 171

Костина Е. Ю.
Орлова Н. А.
Стратегия развития человеческого капитала Дальнего Востока России 184

CONTENTS

Medvedev A. I. Welcoming speech of Editor-in-Chief 8

The Far East: strategies and development models

Degtyarev M. V. Innovative public-legal regimes in the strategic development of the Russian Far East: the proper measure in deep logistic and paradigm approaches 9

Zikunova I. V. Socio-economic dynamics in changing the institution of public authority: experience of the Khabarovsk region 18

Kravchuk S. A. Socio-economic development of the urban district the city of Khabarovsk: state and prospects 25

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

Tomilov M. V. Prospects for the deepening of trade integration between EAEU participants and Asia-Pacific countries 33

Xiaoguang Bai Sino-Russian humanitarian cooperation: state, problems and prospects 42

Chu Qi Study of the cross-border cooperation with Russia in the Heilongjiang pilot free trade zone 53

Theory and practice of economics and management

Bardal A. B. Change in the needs of the Far-Eastern economy for transport services 62

Veprikova E. B.
Kislenok A. A.
Gulidov R. V.
Methodology for evaluating socio-economic development of the territories based on revealing of the local backwardness attributes 71

Medvedeva N. V.
Maslyuk N. A.
The new instruments of the attraction of the infrastructure investments in the regional economy 87

Efremenko V. F.
Structural factors of migration of the population of the Russian Far East 108

Glazyrina I. P.
Kalgina I. S.
Brezgin V. S.
Paradoxes of the placer gold economy 118

Sociology

Berezutskiy Yu. V.
Baykov N. M.
Bulanova M. A.
Social representations of the students of secondary schools of the Khabarovsk territory: sociological measurement 132

Lukina K. V.
Shirokova A. S.
Zakharycheva T. A.
Sociological measurement of user reaction to Instagram blocking: expert assessment 142

Beidina T. E.
Problems of the Trans-Baikal territory within the framework of political sociology 150

Cherevko M. A.
Pedagogical mentoring as a factor of professional self-determination of young teachers (regional aspect) 160

We discuss a problem: Humen capital development

Manikovskaya M. A.
Humanitarian foundation of human capital: theoretical insights and regional explication 160

Arutyunian M. P.
Managerial discourse of «human capital» 171

Kostina E. Yu.
Orlova N. A.
Strategy for the development of human capital of the Russian Far East 184

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и авторы!

В 2022 г. мы празднуем двойной юбилей нашего научного журнала «Власть и управление на Востоке России»: ровно 25 лет назад, в декабре 1997 года, из стен нашего учебного заведения вышел в свет первый номер журнала, и сейчас Вы держите в руках его 100 номер!

Рождение научного журнала было связано с образованием нового высшего образовательного учреждения – Дальневосточной академии государственной службы в системе Российской академии государственной службы при Президенте РФ. У руководства было понимание, что надежной основой в подготовке управленческих кадров для новой российской государственности должно быть научное и экспертно-аналитическое обеспечение их деятельности. Важная роль в этом отводилась научному журналу, на страницах которого ученые, исследователи, преподаватели и практики делились своими взглядами о социально-экономическом развитии и административно-политическом устройстве Дальнего Востока России.

Своим зарождением, научный журнал обязан тем, кто стоял у истоков его создания: А.Г. Янкин и Н. М. Казакова, которые имели журналистский опыт в партийной и советской печати.

Значительный вклад в создание и развитие журнала внесли д-р экон. наук, профессор Н. М. Горбунов; д-р социол. наук, профессор Н. М. Байков; д-р экон. наук, профессор Е. Н. Галичанин; д-р ист. наук, профессор Н. И. Дубинина; канд. полит. наук, доцент Т. И. Захарова; д-р ист. наук, доцент В. И. Куприянова; канд. экон. наук, доцент О. Г. Поливаева; канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский; канд. филос. наук, доцент В. Н. Шевченко: канд. ист. наук, доцент Е. Н. Чадаев; редактор С. В. Очкасова и др.

Этому коллективу пришлось приложить немало усилий для получения свидетельства Роскомнадзора и международной регистрации (ISSN 1818-4049).

Сегодня в состав редакционной коллегии журнала входит 19 известных отечественных и зарубежных ученых – доктора и кандидаты экономических и социологических наук, имеющие высокие публикационные рейтинги и признанный авторитет в своей области знаний.

«Власть и управление на Востоке России» – российский научный журнал. Издание отражает широкий спектр мнений по проблемам внутренней и международной политики на Дальнем Востоке современной России и его историю, уже больше двух десятилетий является ведущим дальневосточным экспертно-аналитическим изданием, посвященным проблемам общества и государства. Тематика публикаций охватывает макроэкономическую, налоговую и бюджетную, денежно-кредитную, промышленную, социальную, демографическую политику, регулирование и конкурентную политику и другие сферы.

Научный журнал с 2006 г. включен в Перечень ведущих российских рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Журнал индексируется в библиографической базе данных научного цитирования РИНЦ, размещается на платформах EBSCO, Dimensions, IPR Books, WorldCat, Cyberleninka, Лань и др.

За прошедшие 25 лет журнал «Власть и управление на Востоке России» стал известной и авторитетной информационной площадкой для апробации результатов исследований ученых, докторантов и аспирантов, завоевал признание в научной среде и заслуженный авторитет у практиков управления. Работа над журналом проходит в тесном сотрудничестве с Институтом экономических исследований ДВО РАН и Институтом России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР.

Сердечно поздравляю всех авторов и читателей журнала с 25-летним юбилеем! Верю, что география встреч на его страницах будет расширяться с каждым выпуском, научный авторитет журнала будет только расти, а настоящий юбилейный 100 номер станет очередным этапом в развитии нашей совместной деятельности.

Главный редактор научного журнала,
исполняющий обязанности
директора Дальневосточного института
управления – филиала РАНХиГС,
канд. экон. наук, доцент А. И. Медведев

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 338.49(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-9-17

Инновационные публично-правовые режимы в стратегическом развитии российского Дальнего Востока: мера должного в глубинных логистических и парадигмальных подходах

Михаил Владимирович Дегтярев
Правительство Хабаровского края, Хабаровск, Россия
mvdegtyarev@adm.khv.ru

Аннотация. *Статья посвящена вопросам глубинных логистических и парадигмальных подходов в планировании, программировании и предиктивном проектировании мер и сценариев развития российского Дальнего Востока. Автор обращается к тематике регуляторного эксперимента и итеративно-адаптируемого регулирования. В статье приведены авторские дефиниции понятий «регуляторный эксперимент» и «итеративно-адаптируемое регулирование». Автор актуализирует определенную объективную затруднительность создать идеальный регуляторный инструментарий (на длительный проектировочный период функционирования), что и детерминирует необходимость обращения к регуляторным экспериментальным подходам и технологиям. Законодатель, спроектировавший хороший (по его мнению) регуляторный инструментарий, принимается его тестировать в реальных условиях, а не на бумаге или в голове (мысленно), или в компьютере. По мнению автора, новейшие парадигмальные и инструментально-технологические подходы, связанные с тестированиями, экспериментальными «обкатками», с итеративно-адаптируемым подходом в основе обращения с регуляторными ландшафтами, с регуляторными пространствами, позволяют максимально щадяще трансформировать их в нужных направлениях. Эти подходы позволяют восполнять пробелы и устранять иные дефекты. Однако выявленная определенная робость перед экспериментированием в сфере права таким образом коренится в недостатках юридического образования. Также это вызвано тем, что технологии и инструментарии регуляторного эксперимента и итеративно-адаптируемого регулирования, выстроенные на них инновационные публично-правовые режимы не находят конкретизирующих объяснений в специальной литературе, знания о них не обобщаются и не передаются должным образом. При производстве исследования были в качестве основных задействованы классические общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, классификации и моделирования, а также частнонаучные правоведческие методы формального, телеологического (целевого) и конкретно-исторического толкования права. В качестве эмпирической и иной источниковой основы исследования взяты законодательство и опыт правоприменительной практики России и нескольких десятков зарубежных государств. Результат, отраженный в статье, достраивает авторскую научную теорию, отображенную в его научных монографиях, адаптирует эту теорию к российской действительности.*

Ключевые слова: *инновационные публично-правовые режимы, нетипичные регуляторные технологии, публичное право, публично-правовые науки*

Для цитирования: Дегтярев М. В. Инновационные публично-правовые режимы в стратегическом развитии российского Дальнего Востока: мера должного в глубинных логистических и парадигмальных подходах // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 9–17. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-9-17

Innovative public-legal regimes in the strategic development of the Russian Far East: the proper measure in deep logistic and paradigm approaches

Mikhail V. Degtyarev
The Government of the Khabarovsk territory, Khabarovsk, Russia
mvdegtyarev@adm.khv.ru

Abstract. *The article is devoted to the issues of deep logistical and paradigm approaches in planning, programming and predictive design of measures and scenarios for development of the Russian Far East. The author addresses the subject of regulatory experiment and iteratively adaptable regulation. The article presents the author's definitions of the concepts of «regulatory experiment» and «iteratively adaptable regulation». The author articulates a certain objective difficulty in creating an ideal regulatory toolkit (for a long design period of operation), which determines the need to turn to regulatory experimental approaches and technologies. The legislator, who has designed a good (in his opinion) regulatory toolkit, begins to test it in real conditions, and not on paper, or in the head (mentally) or in a computer. According to the author, the latest paradigmatic and instrumental-technological approaches associated with testing, experimental "running in", with an iteratively adaptable approach based on handling regulatory landscapes, with regulatory spaces, allow them be transformed in the most gentle way in the right directions. These approaches make it possible to fill in gaps and eliminate other defects. However, the identified certain timidity before experimenting in the field of law, therefore, is rooted in the shortcomings of legal education. This is also due to the fact that the technologies and tools of the regulatory experiment and iteratively adaptable regulation, the innovative public law regimes built on them, do not find concretizing explanations in the specialized literature, knowledge about them is not generalized and transferred properly. During preparing the study, classical general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, classification and modeling, as well as scientific legal methods of formal, teleological (target) and specific historical interpretation of law were used as the main ones. The legislation and experience of law enforcement practice in Russia and several dozen foreign countries are taken as an empirical and other source basis for the study. The result reflected in the article completes the author's scientific theory, reflected in his scientific monographs, adapts this theory to Russian reality.*

Keywords: *innovative public law regimes, atypical regulatory technologies, public law, public law, public law sciences*

For citation: Degtyarev M. V. Innovative public-legal regimes in the strategic development of the Russian Far East: the proper measure in deep logistic and paradigm approaches // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 9–17. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-9-17

Введение

Поиски наилучших в отборе подходов и инструментариев стратегического на сколько-нибудь существенную перспективу развития российского Дальнего Востока неминуемо приводит к пониманию, что специфика региона отрицает возможности бездумного и механистического переноса (в немалом числе случаев) на его почву тех публично-управленческих

и регуляторных механизмов, которые уже известны и зарекомендовали себя в европейской части страны (впрочем, не отрицая и возможности этого в ряде случаев), что нужны более сложные подходы. И речь идёт прежде всего о применении итеративно-адаптируемых подходов, регуляторных экспериментов (тестирований) проектируемых регуляторных и программных финансово-экономических инструментариев, прочих интеллектуализированных подходов и решений.

В настоящей статье покажем не то, что конкретно надо делать, а то, как в принципе надо делать. Такой подход вполне научно релевантен.

Массированный и многовековой опыт применения экспериментальных регуляторных технологий и инструментариев в нашей стране и за рубежом (всё это вполне обобщаемо, фиксируемо и познаваемо, этому посвящено множество наших публикаций), активное практикование таковых ныне в России – всё это убедительно показывает высокое значение, весомость научного интереса к такого рода вопросам. Но, увы, не должную раскрытость (и даже понятность) всех этих вопросов в отечественной научной литературе и на местах – в кабинетах чиновников.

Почему регуляторный эксперимент, что в нём такого?

Томас Коуэн писал, что управление государством – это работа юриста [Cowan, 1954. С. 520], ибо, как писал Г. В. Мальцев: «… управлять сферой общественных отношений невозможно, не регулируя их» [Мальцев, 2011. С. 29].

Но регулирование по принципу – «*сделал и забыл, оно само работает, и так надолго*» – уже работает в немалом числе сфер общественных отношений плохо, со сбоями, что называется – «со скрипом». А потому всё чаще и интенсивнее применяются регуляторные тестирования, эксперименты. Суть их в том, что мы понимаем определенную затруднительность создать идеальный регуляторный инструментарий, и потому мы, спроектировав хороший, на наш взгляд, регуляторный инструментарий, принимаемся его тестировать в реальных условиях, а не на бумаге или в голове (мысленно), или в компьютере. Мы смотрим, как это решение будет реально работать на практике – в полностью реальных условиях (что называется, не на белых медицинских мышах, а на людях, на людских коллективах, поселениях).

Эксперимент на то и эксперимент, чтобы мы его делали в ограниченной модальности – по ограниченной территории (группе территорий), ограниченному кругу лиц и ограниченно по времени.

Согласно нашему авторскому концепту, *регуляторный эксперимент* – это прикладная технология активного норморайтерско-проектировочного и нормотворчески-производственного оперирования нормативных предписаний и нормативных актов, отвечающая следующим существенным признакам: 1) детерминированность и обоснованность индуцирования идеи о проведении регуляторного эксперимента столкновением законодателя с особыми и выраженными трудностями в решении законодательных задач обычными путями и его вынужденность обращаться к инструментам «тонкой настройки»; 2) аттрактивная основанность на проверке гипотезы (гипотез), то есть в основе разработки экспериментальной разработки экспериментального нормативного акта и запуска связанного с ним экспериментального норморайтерско-проектировочного и нормотворчески-производственного процесса должна быть заложена ключевая регуляторная гипотеза, на тестирование которой и направлен («заточен») принимаемый в экспериментальном режиме нормативный акт; 3) телеологически-внешний характер действия регуляторного эксперимента; действия повлекут последствия, перспективно выходящие далеко за пределы текущих действий нормоустанавливающего органа (актора регуляторного эксперимента) и предиктивно обозреваемого им будущего; 4) исходная фиксация конечного (как правило, относительно непродолжительного по времени) срока действия, принимаемого в экспериментальном порядке и режиме нормативно-правового или иного нормативного акта; 5) фреймированность (ограниченность динамическими рамками) предметно-объектной обла-

сти регуляторного действия, принимаемого в экспериментальном порядке и режиме нормативного акта с чётко фиксируемыми ограничениями по территории действия, и/или кругу лиц и/или кругу отношений, с чёткой фиксацией исключений, освобождений, автономизаций, привилегий; 6) исходная фиксация обязанности проведения исследований (экспертиз) и оценок реально воплощаемых на практике векторов, градиентов, модальностей и размерностей регуляторного воздействия, регуляторных результативности, валидности и эффективности (регуляторного эффекта) принимаемого в экспериментальном порядке и режиме нормативного акта (это, помимо прочего, детерминирует существенное различение экспериментального нормативного акта и просто рассчитанного на временное действие нормативного акта); прежде всего подвергается проверке, были ли достигнуты поставленная в гипотезе цель и связанный с нею искомый результат, а при отсутствии искомого результата – причины его недостижения и/или сбоев; при этом речь идёт о применении инструментов строгой и весомой научной и прикладной аналитической методологии, а не просто о субъективных суждениях или оценках; 7) исходная фиксация условия конвертации нормативного акта из модальности «экспериментальный» в модальность «обычный, постоянного действия» нормативный акт или формулирования и предписания продолжения скорригированного эксперимента (для отложения принятия этого решения о конвертации, опять же на чётко и обоснованно отфиксированный срок) при достигнутости должной сопрягаемости полученных результатов (вышеуказанной) оценки с доверительным интервалом экспектативно-приемлемых результатов [Дегтярев, 2022. С. 204–205].

Итеративно-адаптируемое нормативное регулирование (опять же согласно нашему авторскому концепту) представляет собой сочетанно реактивный (в логике текущего содержания) и проактивный (в логике будущего), операционабельный и масштабируемый регуляторный подход, предусматривающий (в отличие от подхода «отрегулировать и забыть на долгое время») дискретный и циклично-структурированный (по череде проектировочно-закладываемых, либо фактически вынужденных этапов) процесс нормо-проектирования, принятия комплексов правовых норм и/или нормативно-правовых актов, тестирования и/или оценивания и корригирования регуляторных решений (воплощаемых в таких комплексах и/или отдельных актах) с итеративным (повторно-цикличным раз за разом) возвращением к таким действиям, исходя из оперативно производимых итеративно-повторяющихся «замеров» (тестирований) целеполагания и целедостижения в регулировании (регуляторной действенности, эффективности и адекватности) и выявленных изменений в «точках» динамически настраиваемой обратной связи, с каждым раундом приближая оперируемый нормативный объект к искомому приемлемому результату [Дегтярев, 2022. С. 65–66].

Такие парадигмальные и инструментально-технологические подходы, связанные с тестированиями, экспериментальными «обкатками», с итеративно-адаптируемым подходом в основе обращения с регуляторными ландшафтами, находящие всё больше и больше сегодня сторонников среди правоведов и практиков-юристов, как и среди госуправленцев, кристаллизовались и были репрезентованы уже достаточно давно.

Известный немецкий философ права Роберт Бартш писал более ста лет назад, что «… мы пребываем в потоке движения, стремящегося покончить со схоластическим характером правовой науки создать новую юриспруденцию, покоящуюся на экспериментальной основе» [Bartsch, 1912/1913: 117–129]. Как писал примерно тогда же М. Я. Лазерсон, «… в юриспруденции не хотят больше видеть одну только догматическую технику и искусство толкования. Наступает кризис позитивной философии права, на неё начинают нападать те, которые до сих пор менее всего критиковали, довольствуясь старыми проторенными методами, а именно практики: судебные деятели, адвокаты, а также юристы-

академики [члены академических сообществ, то есть учёные-правоведы, – прим. М. В. Дегтярева]. Вот почему этот кризис особенно знаменателен и никем больше не оспаривается, практические задачи свободно-правового движения или так называемого юридического модернизма сочетаются с познавательно-теоретическими требованиями, предъявляемыми науке права… Это движение само себя часто называет «эмпирико-психологическим»… Исследование правосознания путём наблюдения и эксперимента в той форме, как оно уже осуществляется, частью только предлагается, может принести большую, подчас неоценимую пользу для юридической практики, особенно для законодательной политики» [Лазерсонъ, 1913. С. 869–870, 873].

По Вито Маринезе, искусство и наука создания законов предлагают решения для улучшения качества законов. Однако качество вещи можно постигнуть только из той роли или функции, которую мы ей приписываем априори. Таким образом, заявление об улучшении качества законов предполагает прежде всего ответ на вопрос: а чего именно мы ожидаем от наших законов? В этом отношении многочисленные функции, закрепленные за законодательным актом, явно сходятся на обеспечении и защите прав и свобод. Правовая традиция помещает закон в центр нормативной системы; это называется легицентризмом. Помещенный в центр системы закон призван гарантировать права и свободы. Он представляет собой связующее звено между Конституцией и правилами применения. Он выступает как мост между идеалом и реальностью. Поэтому его основная функция состоит в том, чтобы придать конкретную форму правам и свободам, наполнить их содержанием, обеспечить их гарантиями, дать им доступ к реальности. При таком рассмотрении качество закона должно оцениваться с учетом этой предопределенной цели, которая делает закон «приводным ремнем» прав и свобод, имеющих конституционное значение. Качественный закон будет направлен на лучшую защиту прав и свобод, т. е. на усиление их эффективности. Предлагая решения по улучшению качества законов, юридическая наука призвана играть роль с точки зрения эффективности. Законодательство поддерживает привилегированные, но не исключительные отношения с законом. Поскольку эта дисциплина стремится определить контуры «хорошего закона», она граничит с философским упражнением, даже утопическим. Легистика относится к нормативному идеалу: она определяет, что должно быть, то есть меру должного [Marinese, 2012: 89–117; 89–90]. Вот поэтому и ограничены наши познавательные и проектировочно-оценочные (в предиктивном ключе) возможности – понять, насколько данный конкретный проектируемый закон *будет* (не выдавая желаемое за действительное, а на самом деле) в действительности хорошим, надлежащим, эффективным, ожидаемо достигающим целей и решающим задачи.

По Мартине Халласковой, Ренате Халласковой и Виктору Прокопу, эффективность государственного регулирования и в целом государственного управления не может быть оценена посредством какого-то одного (пусть даже комплексного) показателя, необходимы целые линейки (даже и комплексных) показателей [Halaskova, Halaskova, Prokop, 2018: 14]. Именно поэтому, согласно Мирлинде Баталли, оценка качества регулирования (и публичного управления посредством регуляторных инструментариев) есть объективно сложный и комплексный процесс, требующий учёта как непосредственных, так и косвенных последствий, как сюиминутных и «уже завтрашних» последствий, так и существенно отложенных последствий [Batalli, 2015: 176]. А это сделать без регуляторного экспериментального тестирования зачастую просто невозможно, особенно когда мы говорим о новейших и наукоёмких [Понкин, 2022; Цифровое право, 2020] технологических отраслях, сферах.

Сегодня в нашей стране активно издаются разнообразные акты и документы на счёт оценки регуляторной эффек-

тивности тех или иных мер на том или ином уровне[1], но всё это пока в старой парадигме, без учёта всего того, о чём мы говорим.

В немалой степени это обусловлено определенной косностью в профессиональной подготовке юристов в нашей стране и проблемами юридической науки. Причём сказанное имеет давние корни.

Роберт Бартш писал (считаем резонным привести эту длинную цитату): «Четыреста или пятьсот лет назад академическая деятельность различных факультетов везде была почти одинаковой. В медицинских и исторических кабинетах работа ничем не отличалась от богословских или юридических. Читали тексты, исходившие от авторитета, и сначала объясняли их только логически, позже также исторически, критически, но преимущественно – логически. Задачей науки было нахождение параллельных переходов, разрешение противоречий, доказательств и объяснений, но не совсем то, что мы сегодня называем исследованием. Методологических различий ни в литературной, ни в дидактической деятельности не было. Точно так же, как теолог работал над посланиями Апостолов и преподавал их, а юрист – corpus iuris, врач работал с Аристотелем и Галеном, историк – с Ливием и Тацитом. Сегодня всё стало совсем другим. Науки, изучаемые на медицинских и философских факультетах, приняли совершенно новый метод. Вместо объяснения текстов, по существу концептуальной и логической деятельности, [активное] «исследование» заняло место установления и обобщения фактов. С другой стороны, юриспруденция, как и догматическое богословие, по существу осталась со старым методом, технику которого она развила самым тонким образом. Конечно, было бы неправильно отрицать, что юриспруденция также не достигла прогресса. Тексты древности были заменены современными сводами законов, поэтому было устранено много исторического, антикварного и филологического балласта. Занимаясь юридической работой, нам уже не приходится искусственно помещать себя в исчезнувший культурный мир средствами исторических вспомогательных наук, одно это обстоятельство сделало невозможным бесчисленное произвольничание и приблизило нас к жизни. Но дух, по сути, остался прежним. Мы, юристы, так и остались читателями текстов и объяснителями текстов. Есть естествоиспытатели, историки и лингвисты, но нет правоведов. Что наиболее поразительно, так это то, что в истории права юриспруденция соприкоснулась с исторической наукой и переняла ее исследовательский метод работы, причем это оплодотворение не коснулось и догматических предметов юриспруденции; смог продлить. Так и получается, что историк права сегодня – это ученый, работающий вполне по-современному, исследователь, а преподаватель современного права – по-старомодному. Преобладание логики и, следовательно, схоластической техники в юриспруденции можно объяснить тем, что юрист обычно формулировал юридические положения как объект научного исследования, т.е. рассматривает волю законодательного органа, вы-

[1] *См., например: Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 (в действ. ред.) «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов»; Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ»; Постановление Правительства РФ от 12.10.2017 № 1242 (в действ. ред.) «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ РФ» (вместе с «Правилами разработки, реализации и оценки эффективности отдельных государственных программ РФ»); Постановление Правительства РФ от 19.04.2018 № 472 (в действ. ред.) «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 23.09.2019 № 1240 (в действ. ред.) «Об утверждении методики оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности территорий опережающего социально-экономического развития, за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».*

раженную средствами языка. Таким образом, для юриспруденции слово встало между исследователем и делом. Научная трактовка схватывает не вещь, право, а закон, слово. Здесь мы снова имеем дело с серьезной ошибкой… Слово есть обозначение, за словом стоит понятие. Всякая наука, которая начинается с объяснения слов, заканчивает рассмотрением понятий реального, того, что действительно есть или действительно существует. Юриспруденция и сегодня делает этот вывод из доктрины Сократа. Правовая норма более или менее случайна и изменчива, понятие – постоянно, неизменно. Оно по существу логично, абстрактно, оно выделяет противоречивое в себе. За нормой о приобретении имущества стоит понятие собственности. Задача науки состоит в том, чтобы схватить это понятие как можно более чисто и обобщённо (т. е. совершенно абстрактно), явления, противоречащие этому понятию, трактуются как чуждые понятию. Таким образом, долевая собственность должна была исчезнуть, поскольку противоречащее понятию собственности, реально существующее явление, объявляется несуществующим. Реальный мир фактов должен быть подчинен миру идей, понятий. Наша юриспруденция платонична еще и в том, что она тем выше ценит понятие, чем оно более общее и тем беднее по содержанию… Мы учим тому же закону. Наибольшее значение мы придаем юридическим знаниям и в этом контексте формированию понятий. Для нас отличный судья – это тот, кто обладает обширными юридическими знаниями. Мы почти совсем забываем спросить, справедливо ли он мыслит и обладает ли живым чувством справедливости. Есть немало юристов, считающих живое правосознание злом, потому что оно больше мешает хладнокровной логической работе, «арифметике с понятиями», чем способствует ей» [Bartsch, 1912/1913: 117–119].

Определенная робость перед экспериментированием в сфере права таким образом коренится в недостатках юридического образования и в том, что технологии и инструментарии регуляторного эксперимента и итеративно-адаптируемого регулирования, выстроенные на них инновационные публично-правовые режимы не находят конкретизирующих объяснений в специальной литературе, знания о них не обобщаются и не передаются должным образом.

Вместо заключения

Сегодня актуализируются инновационные, в том числе экспериментальные способы оценивания эффективности и иных качеств государственного управления. И особенно это релевантно именно для российского Дальнего Востока [Дегтярев, 2021. С. 8–15].

Говоря об экспериментальных режимах, мы понимаем их сообразно приведенному выше нашему определению. А вот говоря об инновационных правовых режимах, стоит уточнить, что *правовую инновацию* мы определяем в нашей теории как отвечающую следующим требованиям: 1) необходимо и достаточно приемлемого уровня нормопроектировочной проработанности и релевантности, 2) полезности, 3) необходимо и достаточно приемлемого уровня новизны, 4) реализуемости, 5) согласованного или опережающего отражения и конструирования социальной реальности и социального порядка.

Значимость задействования инновационных правовых режимов именно для Дальнего Востока России определяется: 1) географической и природно-климатической спецификой этих территорий (выраженная сезонность экономики и транспортных коммуникаций, высокий процент вечной мерзлоты в общем объеме пространств, суровость климата); 2) особой военно-геополитической «тревожностью» и «хрупкостью» с соответствующими рисками (в контексте посягательств Японии и некоторых других государств); 3) демографической спецификой: малая заселённость людьми, невысокая плотность населения с аттрактивной привязкой к крупным городам; 4) ориентированностью экономики на добывающую промышленность, лесопереработку, рыбную промышленность, ряд других акцентов; 5) аттрактивной привязкой к океану.

В этой статье мы обратили внимание на ряд значимых для планирования и программирования стратегического развития Дальнего Востока России моментов, приглашая к соответствующей научной дискуссии.

Список источников:

1. Дегтярев М. В. Будущее права. Инновационные публично-правовые режимы и новейшие (нетипичные) регуляторные технологии: Библиографический указатель / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Буки Веди, 2022. 140 с.

2. Дегтярев М. В. Эксперимент в развитии Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 3. С. 8–15.

3. Дегтярев М. В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы / Под ред. И.В. Понкина / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Буки Веди, 2022. 424 с.

4. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма – Инфра-М, 2011. 800 с.

5. Лазерсонъ М. Я. Экспериментально-психологическій методъ и юридическій модернизмъ // Вестникъ права и нотаріата. 21.07.1913. № 29. С. 869–875.

6. Понкин И. В. Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2022. – 106 с. (Серия: «Методология и онтология исследований»). URL: https://moscou-ecole.ru/ponkin_milit_ai/>.

7. Цифровое право: Учебник / Под общ. ред. В. В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.

8. Bartsch R. Die Zukunft der Rechtswissenschaft [Будущее юриспруденции] // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie [Архив юридической и экономической философии]. 1912/1913. Band 6. № 1: 117–129.

9. Batalli M. Measurement and evaluation of the public administration performance through delivery of electronic services // Academicus – International Scientific Journal. 2015. № 12: 169–179.

10. Cowan T. A. The design of legal experiment // Journal of Legal Education. 1954. Vol. 6. № 4: 520–538.

11. Marinese V. Légistique et effectivité // À la recherche de l'effectivité des droits de l'homme / Véronique Champeil-Desplats et Danièle Lochak (dir.). Nanterre: Presses universitaires de Paris Nanterre, 2012: 266.

12. Halaskova M., Halaskova R., Prokop V. Evaluation of Efficiency in Selected Areas of Public Services in European Union Countries // Sustainability. 2018. Vol. 10: 17 p.

References:

1. Degtyarev M. V. (2022) The future of law. Innovative Public Law Regimes and the Newest (Atypical) Regulatory Technologies: Bibliographic Index / Lomonosov Moscow State Law University. O.E. Kutafin (MSUA). M.: Buki Vedi: 140. (In Russ.)

2. Degtyarev M. V. (2021) An experiment in the development of the Russian Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 3: 8–15. (In Russ.)

3. Degtyarev M. V. (2022) The latest regulatory technologies and tools: Regulatory experiments, sandboxes, guillotines, ecosystems, platforms / Ed. I.V. Ponkina / Moscow State Law University. O.E. Kutafin (MSUA). M.: Buki Vedi: 424. (In Russ.)

4. Maltsev G. V. (2011) Sotsial'nyye osnovaniya prava [Social foundations of law]. M.: Norma-Infra-M.: 800.

5. Lazerson M. Ya. (1913) Experimental-psychological method and legal modernism *Vrstnik" prava i notariata* [Bulletin of Law and Notariat]. 07/21. No. 29: 869–875. (In Russ.)

6. Ponkin I. V. (2022) Military Analytics. Military applications of artificial intelligence and numbers / Consortium "Analytics. Right. Number". M.: Buki Vedi: 106. (Series: "Methodology and ontology of research"). URL:https://moscou-ecole.ru/ponkin_milit_ai/>. (In Russ.)

7. Tsifrovoye parvo [Digital Law]: Textbook / Ed. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. M.: Prospekt, 2020: 640. (In Russ.)

8. Bartsch R. (1912/1913) Die Zukunft der Rechtswissenschaft [Будущее юриспруденции] *Arkhiv yuridicheskoy i ekonomicheskoy filosofii* [Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie]. Band 6. № 1: 117–129.

9. Batalli M. (2015) Measurement and evaluation of the public administration performance through delivery of electronic services *Academicus – mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [Academicus – International Scientific Journal]. № 12: 169–179.

10. Cowan T. A. (1954) The design of legal experiment *Zhurnal yuridicheskogo obrazovaniya* [Journal of Legal Education]. Vol. 6. № 4: 520–538.

11. Marinese V. (2012) Légistique et effectivité // À la recherche de l'effectivité des droits de l'homme / Véronique Champeil-Desplats et Danièle Lochak (dir.). Nanterre: Presses universitaires de Paris Nanterre: 266.

12. Halaskova M., Halaskova R., Prokop V. (2018) Evaluation of Efficiency in Selected Areas of Public Services in European Union Countries *Ustoychivoye razvitiye* [Sustainability]. Vol. 10: 17.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 26.08.2022.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 26.08.2022.

Информация об авторе

М. В. Дегтярев – Губернатор Хабаровского края, Председатель Правительства Хабаровского края, кандидат юридических наук, докторант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Information about the author

M. V. Degtyarev – Governor of the Khabarovsk territory, Chairman of the Government of the Khabarovsk territory Candidate of Jurisprudence, postdoctoral, the chair of administrative law and process, the Kutafin Moscow State Law University

Научная статья
УДК 342.55
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-18-24

Социально-экономическая динамика в изменении институтов публичной власти: опыт Хабаровского края

Ирина Валериевна Зикунова
Законодательная Дума Хабаровского края, Хабаровск, Россия
zikunova@mail.ru

Аннотация. *Целью подготовки настоящей статьи является представление результатов реализации теории человеческого развития в практике отношений публичной власти на федеральном и региональном уровне. Спецификой текущего этапа развития общественно-экономических процессов выступает феномен человекоцентрированности. Показано, как развёртывался феномен человекоцентрированности в сфере экономики, политики, социальной системы и в управляющих процессах государственной власти. Переход общественных отношений в новое качество обусловил конституционные реформы в Российской Федерации, был принят закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», которым введены положения о человеческом развитии в Конституцию Российской Федерации. Процессы конституционных перемен оформили качественно новый общественный договор – договор между народом и публичной властью, основанный на государственном приоритете человеческого развития. Конституционные положения послужили основанием для изменений в региональном законодательстве. В работе представлен опыт Хабаровского края по подготовке и принятию новой редакции Устава региона, констатированы результаты организации и экспертного сопровождения этой деятельности в 2022 году. Важным результатом работы стало закрепление в региональном уставе положений о социально-экономической политике, практически значимых для работы региональной публичной власти. Статья подготовлена на базе системно-динамической методологии, при формировании выводов применены принципы теории экономической динамики, теории постиндустриального развития, теории системных трансформаций. Область использования представленных результатов – процессы регионального публичного управления.*

Ключевые слова: *публичная власть, постиндустриальная социально-экономическая динамика, теория человеческого капитала, теория человеческого развития, социально-экономическая политика*

Для цитирования: Зикунова И. В. Социально-экономическая динамика в изменении институтов публичной власти: опыт Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С.18–24. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-18-24

Socio-economic dynamics in changing the institution of public authority: experience of the Khabarovsk region

Irina V. Zikunova
The Khabarovsk Legislative Assembly, Khabarovsk, Russia
zikunova@mail.ru

Abstract. *The purpose of preparing this article is to present the results of the implementation of the theory of human development in the practice of public relations at the federal and regional levels. The current specifics of socio-economic processes is*

the phenomenon of human-centeredness. It is shown how the phenomenon of human-centeredness represents in the sphere of economy, politics, social system and in the governing processes of the state power. Transition of public relations to a new quality led to constitutional reforms in the Russian Federation. The law No. 1-FCL «On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority» dated March 14, 2020 initiated amendments to the Constitution of the Russian Federation and introduced the rules on human development in the Constitution of the Russian Federation. The processes of constitutional changes have formalized a qualitatively new social contract - an agreement between the people and the public authorities, based on the priority of human development. The constitutional requirements initiated legislative changes in the regional legislation. The paper presents experience of the Khabarovsk region in preparation and adoption of a new edition of the Regional Statute, the results of organization and expert support of this activity in 2022. An important result is affirmation in the regional statute of socio-economic policy that is practically significant for the work of the regional public authorities. The article was prepared on the basis of a system-dynamic methodology, principles of the theory of economic dynamics, the theory of post-industrial development, and the theory of system transformations. Results of the study are recommended for use in the regional public authorities.

Keywords: *public authority, post-industrial socio-economic dynamics, theory of human capital, theory of human development, socio-economic policy*

For citation: Zikunova I. V. Socio-economic dynamics in changing the institution of public authority: experience of the Khabarovsk region // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 18–24. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-18-24

Введение

Один из самых актуальных процессов в государственной власти в Российской Федерации – это обновление системы публичного управления. Это обновление формально получило старт в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

Так называемый «закон о конституционной поправке» нередко ассоциируется исключительно с переменами в организации публичной власти во времени, с принятием норм, укрепляющих суверенитет России в части приоритета положений национального законодательства, обязательств для лиц в публичной власти не изменять гражданству Российской Федерации. Оппоненты процесса обновления Конституции в 2020 г. акцентировали исключительно «обнуление» сроков президентства В. В. Путина.

Однако на рассмотрение во всенародном голосовании в 2020 г. было вынесено порядка 200 поправок в основной закон страны, среди которых важнейшие положения, утверждающие обязательства власти о человеческом развитии. Среди этих положений – положения о повышении благосостояния граждан, защите человеческого достоинства и уважении человека труда, социальном партнерстве, о мерах по поддержке институтов гражданского общества, обеспечении безопасности личности и общества при использовании цифровых технологий.

Конституционные изменения стали результатом признания парадигмального перехода общества в новое качество социально-экономического развития на самом высоком уровне государственного управления. Развития, для которого человек одновременно является и ведущим фактором экономического прогресса, и фокусом, объектом деятельности публичной власти.

По существу процессы конституционных перемен оформили качественно новый общественный договор – договор между народом и публичной властью, основанный на государственном приоритете человеческого развития. В связи с этими переменами развернулась работа

по принятию федеральных законов о публичной власти в субъектах Российской Федерации, о местном самоуправлении в единой системе публичной власти. Так, был принят 21 декабря 2021 года ФЗ № 414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в соответствии с которым надлежало начать законотворческую работу на региональном уровне. Эта работа была проведена в Хабаровском крае в 2022 г. И в настоящей статье мы ставим задачу показать, как объективные социально-экономические перемены повлияли на организацию законотворчества в Хабаровском крае, как эти перемены нашли свое отражение в главном законодательном акте региона – в его Уставе.

1. Утверждение приоритета человеческого развития в общественно-экономической системе на практике

Крупные корневые институциональные обновления происходят в периоды формационных качественных перемен в социально-экономической динамике [Минакир, 2001]. Российский конституционный переход был обусловлен трансформацией социально-экономической системы, произошедшей в последние 30 лет [Белл, 1990; Иноземцев, 1997]. И с нашей точки зрения, суть этой трансформации не только в цифровизации нашей жизни. Цифровизация бесспорна, процессно она получает самое широкое распространение.

Важнейший качественный итог постиндустриальной динамики в периодизации, которую мы исследовали ранее [Зикунова, 2009], – это утверждение выводов теории человеческого капитала и теории человеческого развития на уровне общественной и экономической практики. Еще точнее – утверждение и доказательство на практике общественного феномена центрированности человека.

Сама по себе теория человеческого развития получила научное осмысление еще в 80-е годы прошлого века. Честь утверждения этой концепции в экономической науке связывается с именами Г. Беккера и Т. Шульца [Becker, 1964; Shultz, 1968; Автономов, 1998; Белл, 1990; Корицкий, 2007]. Подчеркнем – это было научное осмысление, констатация важности человеческого ресурса для приобретения экономических преимуществ на самых разных уровнях экономической системы. Прежде всего на уровне микроэкономическом: для каждого отдельного предприятия важнейшим фактором его конкурентного преимущества становится ресурс человеческого интеллекта и профессионализма. Именно от этого ресурса зависит точность, ситуативность и уникальность решений, предопределяющих успех компаний и путь к нему.

Но к концу первых десятилетий нового века доктрина человеческого развития получила более широкое распространение и утверждение в практике не только микроэкономической, но и во всех областях социально-экономической динамики. Можно сказать, что в современном обществе все начинается с человека и заканчивается человеком [Бузгалин, 2006].

В экономике человек – источник предпринимательских идей, решений по управлению процессами деятельности организаций, человек является объектом исследования для созданий стратегий, мероприятий по их реализации.

От человеческой индивидуальности в экономике сложилась концепция индивидуализации потребления. От запроса на повышение качества жизни и потребления получили развитие технологии, упрощающие процессы жизнеобеспечения – появились цифровые сервисы, цифровые каналы коммуникации, онлайн приложения, дистанционное взаимодействие, дополненная реальность, моделирование и симулирование в исследованиях.

В цифровую эпоху создания профилей персональных данных, использования технологий обработки большой информации появилась возможность индивидуализировать потребление очень широко. Речь идет не просто о некоторой сегментации и маркетинговом позиционировании продуктов. Речь – о возможности учесть в системе практически каждого, по крайней мере, учесть приоритеты потребления и образа жизни до уровня микрогрупп [Петров, 2020]. Результаты такой цифровой подготовки решений широко востребованы в процессах оказания индивидуальных финансовых услуг, услуг досуга, здравоохранения, образования, спорта, культуры, туризма.

Эта всеохватывающая индивидуализация потребления оказалась правильно и широко понятой, подхваченной в системе политических отношений, а затем – в государственной власти.

Огромный свой вклад в становление новых процессов индивидуализации отношений внесли социальные сети. Изначально созданные как ответ на потребности в общении без границ, в поиске контактов из ретроспективы, социальные сети стали гипероперативным новостным ресурсом, а также полем для выражения своего мнения и отношения к окружающей действительности.

Оказалось, что формат социальных сетей идеален для проведения идеологической работы. Широкий охват целевой аудитории в зависимости от позиционирования социальной сети, быстрый выход на аудиторию, подкрепление восприятия контента фото- и видеофиксацией, свобода в выражении мнения и одновременно защищенность респондентов виртуальной дистанцией и этикой анонимного общения – все это создало идеальный формат продвижения политических идеологий.

В итоге, в политической сфере на цифровом этапе доктрина человеческого развития проявилась массовостью целевой аудитории партийных штабов, комплексными технологиями управления массовым сознанием (одновременно через когнитивные, визуальные и аудиальные каналы влияния), высокой реактивностью анонимной обратной связи. Здесь на одной стороне канала информации встал человек, управляющий массовыми реакциями, а на другом конце сетевой диффузии – человек анонимный с высоким потенциалом эмоционального заражения. Политический контекст стал массовым квази-реалити-шоу: у каждого объекта политического влияния оставалось то, что остается после реалити-шоу – удовлетворенность своим влиянием/контролем за ситуацией.

Политическая сфера отношений как никакая другая высветила уязвимость человека перед цифровыми технологиями: новые формы зависимости от сетевого поведения, от сетевого продукта, от удобных приложений, от новых способов эмоциональной разгрузки.

Система государственной власти как регулятор и стабилизатор общей социально-экономической системы государства несколько позже в сравнении с политической системой выдвинулась на новое поле цифровых коммуникаций и социальных сетей. Но у системы публичной власти есть два преимущества, которые способствовали быстрой адаптации и использованию новых каналов коммуникации и инструментов индивидуализации потребления: благодаря политической воле и концентрации ресурсов система политической власти в России довольно быстро поставила цифровые сервисы на службу индивидуализации потребления государственных услуг, легализации доходов, отладке обратной связи, в конечном итоге – системной постановке работы в рамках «Электронного правительства» и «Электронного бюджета» и многих других [Рыбина, 2016; Юшков, 2021].

В итоге, к 2020 г., ко времени всероссийского голосования и принятия федерального закона о конституционной поправке и в экономике, и в социально-политической системе уже полным ходом практически в обычном режиме шли новые процессы качественно нового уклада – уклада, основанного на центрированности человека, научной основой которого стала теория человеческого развития и человеческого капитала. Поэтому институт конституционных основ государства должен был быть приведен в соответствие с новой системной реальностью.

2. Обновление регионального законодательства в Хабаровском крае: человекоцентрированный контекст

В Хабаровском крае обновление регионального законодательства о публичной власти началось с корневого нормативного правового акта – Устава Хабаровского края. Понятно, что, с точки зрения законотворческой техники, должен был быть разработан законопроект, которому предстояло пройти не менее двух чтений, быть принятым при условии его одобрения не менее, чем двумя третями голосов от установленного числа депутатов законодательного органа власти края. Субъектами инициативы в соответствии с законом могли стать

Губернатор края, председатель Законодательной Думы или депутаты в составе не менее одной трети от установленного числа депутатов законодательного (представительного) органа региона.

Но до выхода на инициативу должен был сформироваться сам законопроект, и у коллектива депутатов профильного комитета была дилемма – как построить эту работу. Это можно было сделать аккуратной редакцией основного закона края через поправки, и понятно, что это был простой «кабинетный» метод, обеспечивающий соответствие уровню федеральных нормативных правовых актов.

Или иной путь – качественно новый документ для качественно нового времени. Такой подход требовал работы с широким составом экспертов, основательный пересмотр тех положений Устава и его статей, в которых должна была быть сосредоточена идея публичной власти для человеческого развития.

И мы должны отметить, что предложение Законодательной Думы Хабаровского края о качественной работе над новой редакцией устава региона нашло поддержку у Губернатора Хабаровского края М. В. Дегтярева, более того, глава региона концептуально предложил формат разработки – в коллективе с широким представительством авторитетных людей края – экспертов от науки и юриспруденции, правоприменения, депутатов, лидеров общественного мнения, представителей общественных организаций. Даже в составе руководства созданной решением губернатора края рабочей группы реализовалась синергия. Рабочую группу возглавили сопредседатели – первый вице-губернатор края А. А. Никитин, спикер Законодательной Думы Хабаровского края И. В. Зикунова и научный руководитель Института экономических исследований ДВО РАН, академик П. А. Минакир.

В состоявшейся работе над текстом новой редакции Устава Хабаровского края можно идентифицировать три этапа: разработка структуры, подготовка стартового варианта текста и согласованная корректировка текста в окончательный вариант. Каждый этап завершался представлением результата на заседании рабочей группы, происходила дискуссия, предлагались решения, которые отрабатывались редакционным коллективом.

На первом этапе при разработке структуры Устава Хабаровского края логически оформились четыре области регулирования – конституционно-правовой статус края и территориально-административные аспекты; права и свободы граждан и этика публичной власти в их реализации; вопросы полномочий и организации в системе публичной власти края, в том числе в ветви исполнительной и законодательной власти; вопросы экономической и социальной политики.

Работа над содержанием первых трех областей регулирования во многом была предопределена законодательными положениями федерального уровня – Конституцией Российской Федерации, а также принятым 20 декабря 2021 года ФЗ № 414 «Об основах публичной власти в субъектах Российской Федерации». В этом сегменте для рабочей группы стояла задача юридически корректно отразить декомпозированные положения законодательства федерального уровня и акцентировать важные специфические положения для края. В частности, положения о поддержке традиционного уклада и сохранении культурно-исторического наследия коренных малочисленных народов Севера, о статусе Города воинской славы Хабаровска, о субъектности края в международных отношениях. Здесь свою конструктивную роль сыграло экспертное мнение, благодаря членам рабочей группы от муниципальных районов, специалистов от системы Минюста положения Устава были дополнены. Отметим, что новизна этой части Устава состоит в том, что теперь здесь прописаны принципы деятельности нашей краевой публичной власти, принципы как правила и постулаты, в соответствии с которыми надлежит выстроить отношения и осуществлять процессы в публичной власти.

Иначе строилась работа по уставным положениям в области региональной социально-экономической политики. Решение Губернатора края Михаила Дегтярева о создании рабочей группы для редакции Устава показало себя как весьма дальновидное при разработке этого четвертого направления регулирования.

Наш собственный исследовательский опыт показывает, что в сфере общественных наук категория «политика» является неоднозначно трактуемой, существует

в своем роде некий «импрессионизм» в определении этого понятия в разных научных работах. Метод поиска образцов в законодательных системах других регионов не дал результатов. Но благодаря действительно широкому экспертному составу рабочей группы, присутствию неоспоримых авторитетов от экономической науки, прежде всего академика Павла Александровича Минакира, в процессе работы над Уставом Хабаровского края на деле реализовалась идея экспертной подготовки нормативных правовых актов. Идея, ставшая правилом, в соответствии с которым в нашем регионе будет развиваться экономика и социальная сфера.

Прежде всего в основу создания системы политики края было положено понимание политики в качестве совокупности целевых установок, принципов публичного управления, а также форм и механизмов, которыми обеспечивается конкретная работа в процессе достижения этих целей.

Если коротко – политика как этика и методы достижения целей. В настоящей статье нет необходимости подробно пересказывать воплощение этой идеи в Уставе Хабаровского края. Отмечу самое главное – политика края в области экономики и социальной сферы получила свое законодательное оформление как обязательство публичной власти по человеческому развитию, и в этом обязательстве нашлось место декларированию принципов, утверждающих основы предпринимательского оптимизма и доверия, основы справедливой конкуренции, и, что немаловажно, политика получила соответствующий духу времени целевой ориентир. К целям отнесены в полном соответствии с концепцией человеческого развития и доктриной центрированности человека: неуклонное повышение уровня и качества жизни граждан Хабаровского края; укрепление экономической, в том числе продовольственной, энергетической, транспортной безопасности Хабаровского края, повышение уровня его экономической конкурентоспособности на общероссийском и международном рынках; регулирование, направленное на снижение экономического и социального неравенства на территории Хабаровского края за счет обеспечения минимальных экономических и социальных стандартов, устанавливаемых на территории края.

Заключение

На текущем этапе по широкому спектру процессов социально-экономической динамики утвердилась человекоцентрированность: человек и его интеллектуально-профессиональный потенциал стал одновременно ведущим производственным ресурсом и целевой подсистемой государственного управления. Потребности системы в человеческом развитии обусловили трансформации в конституционных основах государства. Укрепление суверенитета Российской Федерации стало важнейшим условием проведения государственной политики человеческого развития.

В Хабаровском крае, благодаря верно заданной императивной основе федерального законодательства, живой и непосредственной коллегиальной работе экспертов и лидеров общественного мнения был разработан и принят депутатами Законодательной Думы учредительный нормативный правовой акт края – Устав, отвечающий объективной социально-экономической динамике и верно принятому в России курсу формирования социального государства, государства для человеческого развития.

Список источников:

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1990.
3. Бузгалин А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3.
4. Ежов Д. А. О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года в контексте построения эффективного государства // Власть. 2020. № 6.
5. Зикунова И. В. Феномен предпринимательской активности в бизнес-цикле постиндустриального развития. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2009.

6. Иноземцев В. Л. Концепция постэкономического общества // Социологический журнал. 1997. № 4.
7. Корицкий А. В. Истоки и основные положения теории человеческого капитала // Креативная экономика. 2007. № 5.
8. Минакир П. А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001.
9. Петров А. А. Новейшие инструменты четвертой промышленной революции и цифровые механизмы контроля и управления обществом // Кронос. 2020. № 8.
10. Рыбина З. В. О роли общественно-экономических укладов в социально-экономическом развитии общества // Проблемы современной экономики. 2016. № 3.
11. Юшков И. В. Развитие цифровой системы контроля над обществом в России // Власть. 2021. № 5.
12. Becker, Gary S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964.
13. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968, vol. 6.

References:

1. Avtonomov V. S. (1998) Human Model in Economics. SPb.: Ekonomicheskaya Shkola. (In Russ.)
2. Bell D. (1990) The Coming Post-industrial Society. Social Forecasting Experience. M.: Academia. (In Russ.)
3. Buzgalin A. (2006) Individual, Market and Capital in the Economy of the XXI century *Ekonomicheskiye voprosy* Economic questions. No. 3. (In Russ.)
4. Ezhov D. A. (2020) On the National Development Goals of the Russian Federation until 2030 in the Context of Building an Effective State *Vlast'* [*Power*]. No. 6. (In Russ.)
5. Zikunova I. V. (2009) The Phenomenon of Entrepreneurial Activity in the Business Cycle of Post-industrial Development. SPb.: Izd-vo Politechnical Univ. (In Russ.)
6. Inozemtsev V. L. (1997) The Concept of a Post-economic Society *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4: 71–78. (In Russ.)
7. Koritsky A.V. (2007) Origins and Fundamentals of the Theory of Human Capital *Kreativnaya ekonomika* Creative Economy. No. 5. (In Russ.)
8. Minakir P. A. (2001) System Transformations in the Economy. Vladivostok: Dalnauka. (In Russ.)
9. Petrov A. A. (2020) The Latest Tools of the Fourth Industrial Revolution and Digital Mechanisms of Control and Management of Society *Kronos* [Kronos]. No. 8. (In Russ.)
10. Rybina Z. V. (2016) On the Role of Social Order in the Socio-Economic Development of Society *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. No. 3. (In Russ.)
11. Yushkov I. V. (2021) Development of a Digital System of Control over Society in Russia *Vlast'* [*Power*]. No. 5.
12. Becker, Gary S. (1964) Human Capital. N.Y.: Columbia University Press.
13. Shultz T. (1968) Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y. Vol. 6.

Статья поступила в редакцию 23.08.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 14.09.2022.
The article was submitted 23.08.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 14.09.2022.

Информация об авторе

И. В. Зикунова – доктор экономических наук, доцент, председатель Законодательной Думы Хабаровского края

Information about the author

I. V. Zikunova – Doctor of Economics, Associated Professor, the Khabarovsk Legislative Assembly Speaker

Научная статья
УДК 332.14
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-25-32

Социально-экономическое развитие городского округа «Город Хабаровск»: состояние и перспективы

Сергей Анатольевич Кравчук
Администрация города Хабаровска, Хабаровск, Россия
cityhall@khv27.ru

Аннотация. *В статье представлен анализ социально-экономического состояния жизнедеятельности города Хабаровска по основным направлениям, определенным полномочиями органов местного самоуправления для городского округа. Представлен анализ динамики важнейших макроэкономических показателей, обеспечивающих устойчивость развития городского хозяйства и социальной сферы, инвестиционную привлекательность в различных видах экономической деятельности. Обоснована стратегическая приоритетность доступности жилья и обеспечения комфорта в жилищных условиях под потребности жителей города, особенно молодых семей, реализации проектов по расселению жителей из аварийного жилищного фонда. Дана оценка решению задачи содействия развитию предпринимательства как полноценного и устойчивого сектора экономики города, программным мерам по оказанию государственных и муниципальных мер поддержки субъектам малого и среднего бизнеса. Актуализирована задача по оптимизации бюджетной политики муниципалитета средствами программно-целевого метода. Показано, что образование, включая дошкольное, физическая культура и спорт, формирование культурного облика горожан, комфортной городской среды, являются безусловными приоритетами деятельности администрации города. Отмечено, что в последние годы существенный импульс развитию гражданского общества городского округа получило вовлечение горожан в решение вопросов местного значения посредством институализации территориального общественного самоуправления. Приоритетными для развития города и удовлетворения потребностей жителей остаются услуги общественного транспорта, ЖКХ и других объектов муниципального сектора экономики. В статье обозначены основные приоритеты деятельности органов местного самоуправления городского округа, направленные на достижение национальных целей развития, утвержденных Указом Президента Российской Федерации, по реализации национальных проектов и строительству социально-значимых объектов.*

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, городской округ «Город Хабаровск», приоритетные направления, экономика и социальная сфера*

Для цитирования: Кравчук С. А. Социально-экономическое развитие городского округа «Город Хабаровск»: состояние и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 25–32. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-25-32

Socio-economic development of the urban district the city of Khabarovsk: state and prospects

Sergey A. Kravchuk
The Administration of the city of Khabarovsk, Khabarovsk, Russia
cityhall@khv27.ru

Abstract. *The article presents the analysis of socio-economic state of life of the city of Khabarovsk in the main areas determined by the powers of local governments*

for the urban district. Analysis of the dynamics of the most important macroeconomic indicators ensuring the sustainability of development of the urban economy and the social sphere, investment attractiveness in different types of economic activity is presented. Strategic priority of housing affordability and providing comfort in housing conditions to the needs of city residents, especially the young families, the implementation of the projects to resettle residents from the emergency housing stock is justified. An assessment of the solution to the problem of promoting the development of entrepreneurship as a full-fledged and sustainable sector of the city's economy, program measures to provide the state and municipal measures to support small and medium-sized businesses was made. The task of optimizing the budget policy of municipality by the means of software-targeted method has been updated. It has been shown that education, including preschool, physical education and sports, formation of the cultural appearance of citizens, a comfortable urban environment are unconditional priorities of the city municipality. It was noted that in recent years, a significant impetus for the development of civil society in the urban district has received involvement of the citizens in solving issues of local importance through the institutionalization of territorial public self-government. Public transport services, housing and communal services and the other objects of municipal sector of the economy remain priority for development of the city and meeting the needs of residents.The article outlines the main priorities of activities of the local self-government bodies of the urban district, aimed at achieving the national development goals, approved by the Decree of the President of the Russian Federation, for implementation of the national projects and creating of the socially significant facilities.

Keywords: *socio-economic development, the Khabarovsk urban district, priority directions, economy and social sphere*

For citation: Kravchuk S. A. Socio-economic development of the urban district the city of Khabarovsk: state and prospects // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 25–32. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-25-32

Введение

Важнейшими факторами успешности городов являются качество жизни их населения, благополучие каждой семьи, высокий уровень развития культуры, комфорта среды жизнедеятельности, самореализованности и чувства защищенности каждого жителя.

Успешность социально-экономического развития г. Хабаровска определяется эффективной экономической и социальной политикой администрации города. Она направлена на закрепление и развитие позитивных тенденций и во многом зависит как от органов местного самоуправления, так и от консолидации усилий общественности города, делового сообщества, мобилизации имеющихся у них возможностей.

Несмотря на проблемы, обусловленные распространением коронавирусной инфекции, санкционной политикой коллективного Запада против Российской Федерации, в Хабаровске сохраняется общественная стабильность и конструктивные отношения власти, бизнеса и гражданского общества, что обеспечивает его динамичное развитие.

Обеспечение макроэкономической стабильности

Обеспечение макроэкономической стабильности является приоритетом деятельности всех уровней власти в стране. В городе Хабаровске сохранена положительная динамика важнейших макроэкономических показателей, созданы условия для устойчивого функционирования жизнеобеспечивающих отраслей экономики и развития социальной инфраструктуры города, обеспечены политическая стабильность и благоприятный инвестиционный предпринимательский климат. Достижения города Хабаровска признаны и экспертным сообществом России [В 2021 году Хабаровск…, 2022].

На территории города осуществля-

ют деятельность 68% организаций от их общего числа в Хабаровском крае[1]. Итоги социально-экономического развития города Хабаровска за прошедшие годы свидетельствуют о результативности реализации важнейших направлений развития муниципального образования. В 2018–2021 гг. среднегодовые темпы роста оборота средних и крупных организаций составили 110,0%, объема отгруженных товаров и услуг по промышленным видам экономической деятельности – 105,5%, розничного товарооборота и оборота общественного питания[2] в среднем – 113%.

Наибольший удельный вес в обороте организаций города Хабаровска приходится на: оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств – 43%, транспортировку и хранение – 21%, обрабатывающие производства – 7%, электроэнергетику – 8%.

Стратегиями социально-экономического развития г. Хабаровска и Хабаровского края на период до 2030 года, определены приоритетные направления по формированию благоприятных условий для привлечения инвестиций посредством: развития ТОСЭР «Хабаровск», индустриальных парков, обеспечения конкурентных условий для участия бизнеса, использования механизмов муниципально-частного партнерства и эффективного использования потенциала инвестиционных ресурсов[3].

Создана необходимая нормативная правовая база, способствующая улучшению инвестиционного климата города Хабаровска, которая предусматривает различные виды поддержки бизнеса, гарантирует прозрачность всех процедур и обеспечение равных прав инвесторам.

В результате на территории города Хабаровска успешно реализуются инвестиционные проекты в различных сферах экономической деятельности. Две трети организаций города (68%) являются прибыльными, среднегодовой темп роста инвестиций в основной капитал за последние 4 года составил около 20%.

Жилищная политика

Обеспечение доступности жилья, а также соответствие объема комфортного жилищного фонда потребностям жителей Хабаровска является важнейшей целью стратегического развития жилищной сферы и основным направлением деятельности администрации города. За три последних года введено в эксплуатацию более 500,0 тыс. кв. метров жилья, в 2022 г. планируем ввести в эксплуатацию около 255,0 тыс. кв. метров жилья.

Кроме того, эффективно решаем проблему расселения граждан из ветхого жилья. В городе реализуются программы развития застроенных территорий, по условиям которых инвесторы сначала расселяют жильцов ветхих домов и только после этого начинают воплощать в жизнь свои проекты. В 2019–2021 гг. из аварийного жилищного фонда расселено 236 квартир, где проживало 661 человек.

Для молодежи реализуется программа «Жилье для молодых семей», в рамках которой социальные выплаты на улучшение жилищных условий за четыре последних года получили 419 семей. В текущем году по муниципальной программе смогут улучшить свои жилищные условия еще 43 молодые семьи. Краевой центр – единственный город на Дальнем Востоке, где учителям дают служебное

---

[1] *В статье использованы статистические данные текущего архива отдела экономического анализа и территориального развития управления экономического развития администрации города Хабаровска.*

[2] *Постановление Администрации города Хабаровска от 31 августа 2020 г. № 2703 «О внесении изменений в постановление администрации города Хабаровска от 15.06.2017 № 1954 «Об утверждении Прогноза социально-экономического развития городского округа «Город Хабаровск» на период до 2030 года». URL: garant.ru/#/document/74582122/paragraph/1/doclist/1667/showentries/0/highlight/Постановление%20Администрации%20города%20Хабаровска%20от%2031%20августа%202020%20г.*

[3] *Постановление Администрации города Хабаровска от 8 декабря 2021 г. № 4680 «Об инвестиционном климате города Хабаровска: состояние и перспективы развития». URL: garant.ru/#/document/403178093/paragraph/1/doclist/1705/showentries/0/highlight/Постановление%20Администрации%20города%20Хабаровска%20от%208%20декабря%202021%20г.*

жилье [Лучшие педагоги…, 2021].

В городе Хабаровске активно ведется комплексное развитие жилищного строительства в микрорайоне «Ореховая сопка», продолжается строительство жилых комплексов «Ю-сити», «Березки», освоение территории Гупровского городка.

Позитивные ожидания развития отрасли жилищного строительства связаны с планируемой реализацией на территории города проекта «Дальневосточный квартал», который подразумевает комплексную застройку больших масштабов. В ближайшей перспективе определено приоритетное направление строительства в северо-восточной части города Хабаровска.

Содействие развитию предпринимательства

Первостепенная задача администрации города – стимулировать развитие частной инициативы как основы реализации стратегических целей города по созданию его прочной экономической платформы. При этом речь идет не только о крупном бизнесе[4]. В Хабаровске сформирован полноправный, устойчиво работающий предпринимательский сектор экономики, который обеспечивает до 40% общего оборота организаций города, 30% налоговых доходов бюджета города и занятость практически каждого третьего работника от экономически активного населения.

В настоящее время на поддержку предпринимательства работают 4 городские программы, по которым ежегодно оказывается поддержка более тысячи субъектам малого и среднего бизнеса. Внедрены новые формы содействия развитию предпринимательства – предоставление субсидий на открытие своего дела для самозанятых, на ведение деятельности и обеспечение занятости отдельных категорий граждан социальным предприятиям. Продолжаем оказывать помощь предпринимателям по оплате электроэнергии, компенсируем часть затрат, связанных с приобретением, модернизацией, строительством, реконструкцией и капитальным ремонтом основных средств.

В 2020 г. в условиях локдауна на осуществление предпринимательской деятельности в сфере услуг на муниципальном уровне организована работа Ситуационного центра по мониторингу экономической ситуации в бизнесе. В этот центр на паритетных началах вошли представители региональных деловых объединений и структурных подразделений администрации. При этом мы решили следующие задачи: организовали мониторинг состояния бизнеса и выбор оптимальных решений для поддержки; обеспечили информирование и обратную связь [Голик, 2021. С. 72–74].

В работу центра активно включился Совет по предпринимательству при Мэре города. Это дало возможность вовлечь в процесс очень широкий круг представителей бизнес-сообщества. Все предложения и решения по мерам поддержки исходили от самих предпринимателей, при их непосредственном участии. В результате на муниципальном уровне реализованы более 15 мер, направленных на поддержку хабаровских предпринимателей, в том числе: имущественные, финансовые, налоговые меры поддержки; мораторий на проведение муниципального контроля; введение упрощенного порядка предоставления веранд для размещения летних пунктов общественного питания; размещение в открытом доступе списка свободных вакансий в муниципальных учреждениях и предприятиях города. Это позволило малому и среднему бизнесу Хабаровска оптимизировать свои расходы на сумму более 500,0 млн рублей. Реальную помощь получил каждый четвертый предприниматель.

В целях оказания практической поддержки субъектам малого предпринимательства до 35% муниципального заказа выполняется субъектами малого предпринимательства, оказывается содействие в открытии новых объектов потребительского рынка и услуг. В 2021 г. для субъектов малого и среднего предпринимательства, работающих в наиболее пострадавших от пандемии коронавируса отраслях, была снижена ставка

[4] *Муниципальные услуги для бизнеса. URL: https://khv27.ru/projects/podderzhka-biznesa/munitsipalnye-uslugi/*

по налогу на землю на 30%.

Усиление мер поддержки малого и среднего бизнеса, в том числе и прямое бюджетное финансирование, позволяют реально решать проблемы его развития. На 01 января 2022 г. в городе осуществляли свою деятельность 32833 субъекта малого и среднего предпринимательства, а это 101,1% к началу 2021 г. На территории города зарегистрировано 13 тысяч самозанятых – в 3,5 раза больше, чем в начале 2021 г.

Бюджетная политика

Бюджетная политика муниципалитета города имеет открытый характер, и с ней может ознакомиться любой житель[5]. Рациональное использование средств бюджета города для решения наиболее острых проблем обеспечивает программно-целевой метод планирования расходов. В городе Хабаровске реализуются 27 муниципальных программ с ежегодным объемом финансирования из бюджета города на уровне около 15,0 млрд рублей.

Мы усиленно работаем над поиском новых, адаптированных к велению времени методов управления, основанных на стимулировании притока дополнительных ресурсов в экономику города.

Жители Хабаровска активно участвуют в реализации национальных проектов и привлекают дополнительное финансирование из вышестоящих бюджетов. Так, с 2019 по 2021 гг. всего дополнительно привлечено 7,4 млрд руб. Все это позволяет формировать достойную среду проживания. Хабаровчане обеспечены качественными жизнеобразующими услугами.

Социальная и инфраструктурно-рекреационная сфера

Образование, включая дошкольное, физическая культура и спорт, формирование культурного облика горожан, молодежная политика – все это было и есть в безусловных приоритетах деятельности администрации города.

За последние четыре года введены в эксплуатацию социально-значимые объекты: 3 детских сада (650 мест), два лицея (1600 мест), стадион для спортивных игр, спортивный комплекс «Самбо», 4 торговых центра: МТЦ «Счастье», ТЦ «Броско Молл», ТРЦ «Стрелка», строительный гипермаркет «Леруа Мерлен».

В целях развития рекреационных зон благоустроено 18 скверов, выполнено благоустройство 413 дворовых территорий, отремонтировано и приведено в нормативное состоянии более 200 км дорожной сети, обеспечено строительство двухполосной автомобильной дороги от границ земельного участка площадки «Авангард» до автомобильной дороги по ул. Новой и другие общественные пространства города [Эволюция…, 2022]

Значимую роль в инфраструктурном развитии отводим муниципально-частному партнерству: реализуем концессионные соглашения. В результате наш город получил дополнительные плавательные бассейны, благоустроенные парковые территории.

В настоящее время реализуется 7 концессионных соглашений, общий объем инвестиций по которым составляет 152 млн рублей.

Продолжается работа по развитию горнолыжного комплекса «Хехцир» и созданию парка Патриот в районе ул. Промышленной.

Реализуются проекты по развитию инженерной инфраструктуры микрорайона «Ореховая сопка»: введен в эксплуатацию магистральный канализационный коллектор и магистральный водопровод от Воронежского шоссе до ул. Совхозной.

Введен в эксплуатацию многофункциональный центр «Космопорт» в парке им. Гагарина. Он стал еще одним местом для семейного комфортного отдыха, адаптированного под нужды маломобильного населения.

Территориальное общественное самоуправление

Активное развитие получила еще одна форма участия населения в решении вопросов местного значения – территориальное общественное самоуправление [Организация ТОС…, 2021].

На территории города функционируют 170 ТОСов, из них только в 2021 г. создано 94. За последние 2 года по количеству ТОС мы с последнего места выш-

[5] *Открытый бюджет города Хабаровска. URL: https://budget.khabarovskadm.ru/Menu/Page/439*

ли на 3-е в Хабаровском крае. Ключевая задача, которую мы для себя определили, – это 500 ТОС в Хабаровске к 2025 г.

Дополнительным импульсом в развитии ТОС стало решение о финансовой поддержке из бюджета города проектов по благоустройству и улучшению социально-бытовых условий. В 2021 г. по двум конкурсам на реализацию 43 проектов-победителей направлено 19,4 млн руб. средств городского и краевого бюджетов, с учетом вклада жителей – 36 млн рублей.

В рамках внедренного механизма грантовой поддержки программ и проектов социально ориентированных некоммерческих организаций, направленных на создание системы взаимодействия общественности и администрации города, 12 организаций получили гранты на общую сумму 4,8 млн рублей[6].

Транспортное обеспечение

Хабаровск имеет развитую маршрутную сеть, транспортная доступность обеспечена во все районы города[7].

За последние четыре года за счет средств городского бюджета приобретено 23 автобуса, работающих на газомоторном топливе. Более 200 автобусов приобретено коммерческими перевозчиками. В 2020 г. вышли на линию 20 троллейбусов, переданных городу мэрией Москвы.

Сегодня на маршруты города выходит 340 автобусов со сроком эксплуатации менее 7 лет, что составляет 69% от общего числа подвижного состава.

Посредством специализированных порталов и мобильных приложений ведется информирование населения о работе транспорта в режиме онлайн.

На ряде маршрутов введена система скидок, действует семейная транспортная карта, льготная карта для членов малоимущих семей с детьми, бесплатный проезд для членов организации общества слепых города Хабаровска.

В Хабаровске, в одном из первых городов Дальневосточного федерального округа, введена автоматизированная электронная система учёта и оплаты проезда в общественном транспорте «Электронный проездной – Хабаровск».

Муниципальный сектор экономики

Город Хабаровск один из немногих городов России, который сохранил муниципальные предприятия[8]. Выполнение функций по обеспечению жителей города жилищно-коммунальными услугами (тепло- и водоснабжением, водоотведением), транспортными услугами, услугами по благоустройству, реконструкции и развитию дорожной сети возложено на 21 муниципальную производственную организацию, ведущую хозяйственную деятельность в семи отраслях городского хозяйства, с общей численностью работающих 4,6 тыс. человек.

Общая сумма активов предприятий муниципального производственного сектора экономики составляет 25 млрд руб., в том числе 4,7 млрд руб. – оборотные средства, ежегодное отчисление налогов в бюджеты всех уровней составляет практически 2,5 млрд руб.

За 2021 г. муниципальными предприятиями города произведено работ и услуг на сумму 9,9 млрд руб., что на 2,1% выше уровня 2020 г.

До 1 января 2025 г. планируется реорганизация муниципальных предприятий в другие организационно-правовые формы в соответствии с действующим федеральным законодательством. В прежней организационно-правовой форме на рынке оказания услуг останется 3 муниципальных предприятия: Водоканал, Тепловые сети и Городской электрический транспорт.

---

[6] *Решение Хабаровской городской Думы от 25 декабря 2018 г. № 987 «Об отчете мэра города Хабаровска за 2018 год». URL: garant.ru/#/document/47744026/paragraph/1/doclist/1712/showentries/0/highlight/4,3%%20Решение%20Хабаровской%20городской%20Думы%20от%2025%20декабря%202018%20г.*

[7] *Об утверждении муниципальной программы городского округа «Город Хабаровск» «Повышение качества транспортного обслуживания пассажиров на территории городского округа «Город Хабаровск» на 2018 - 2030 годы»(с изменениями на 10 марта 2022 года).URL: https://docs.cntd.ru/document/465348015*

[8] *Экономика Хабаровска. 12.03.2021 г. URL: https://khabara.ru/14314-yekonomika-xabarovska.html*

Заключение

Жители и гости города отмечают, что Хабаровск заметно похорошел, меняется облик города, меняются люди, меняется отношение хабаровчан к родному городу. О том, что мы находимся на правильном пути, свидетельствует высокая авторитетная оценка деятельности администрации Хабаровска российским и международным сообществом. Ежегодно город Хабаровск завоевывает призовые места более чем в 300 всероссийских и международных конкурсах.

Два года подряд (2020–2021 гг.) эксперты Минстроя Российской Федерации дают высокую оценку социально-экономическому развитию города. По результатам Индекса качества городской среды Хабаровск признан самым комфортным среди городов Дальневосточного федерального округа [Кравчук, 2021. С. 32–35].

Дальнейшее развитие Хабаровска зависит от ускоренной модернизации всех сфер городского хозяйства и экономики, поэтому мы ставим перед собой новые задачи и ищем современные пути их эффективного решения, чтобы через системное развитие города достичь реального улучшения благополучия жителей.

Действия администрации города на предстоящую перспективу направлены на решение важнейших задач по развитию экономики, общественной инфраструктуры, транспортной, социальной и других сфер.

Основные приоритеты нашей деятельности направлены на достижение национальных целей развития, утвержденных Указом Президента Российской Федерации[9], важным фактором при этом станет максимальное участие города Хабаровска в реализации национальных проектов и строительство социально-значимых объектов.

В среднесрочной перспективе планируем:

– выполнить целевой показатель нацпроекта «Безопасные и качественные дороги» и довести долю дорожной сети города Хабаровска, находящейся в нормативном состоянии до 85%;

– обеспечить строительство 5 общеобразовательных учреждений;

– продолжить развитие спортивно-туристического комплекса «Хехцир»;

– продолжить газификацию частных домовладений и подключение к городской системе канализации домов в различных районах города;

– благоустроить общественные территории с учетом пожеланий жителей города;

– продолжить развитие цифровой экономики, внедряя новые цифровые технологии в городском управлении; жилищно-коммунальном хозяйстве; при предоставлении государственных и муниципальных услуг; в транспортной и туристической отраслях, социальной сфере, экологии и окружающей среде, при обеспечении безопасности.

Направим все силы на сохранение положительной динамики основных макроэкономических показателей.

Список источников:

1. В 2021 году Хабаровск показал положительную динамику по всем макроэкономическим показателям. 10.01.2022 г. URL: https://khab-vesti.ru/news/society/v_2021_godu_khabarovsk_pokazal_polozhitelnuyu_dinamiku_po_vsem_makroekonomicheskim_pokazatelyam/

2. Голик С. Л. Хабаровск: тратить, чтобы получать // Бюджет. 2021. № 11 (227). С. 72–74.

3. Кравчук С. А. Выполняя геостратегическую задачу России // Бюджет. 2021. № 7 (223). С. 32–35.

4. Лучшие педагоги Хабаровска получили ключи от квартир. 05.10.2021 г. URL: https://news.rambler.ru/education/47326090-luchshie-pedagogi-habarovska-

[9] *Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038*

poluchili-klyuchi-ot-kvartir/

5. Организация ТОС в Хабаровске. URL: https://khv27.ru/projects/territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie/

6. Надсадин С. А. Пандемия открыла новые возможности для роста // Бюджет. 2021. № 4 (220). С. 44–47.

7. Эволюция общественных пространств: новая площадь на Дальнем Востоке притягивает к себе внимание. URL: https://news.rambler.ru/games/49386560-evolyutsiya-obschestvennyh-prostranstv-novaya-ploschad-na-dalnem-vostoke-prityagivaet-k-sebe-vnimanie/

References

1. V 2021 godu Khabarovsk pokazal polozhitel'nuyu dinamiku po vsem makroekonomicheskim pokazatelyam [In 2021, Khabarovsk showed a positive trend in all macroeconomic indicators]. 01/10/2022 URL: https://khab-vesti.ru/news/society/v_2021_godu_khabarovsk_pokazal_polozhitelnuyu_dinamiku_po_vsem_makroekonomicheskim_pokazatelyam/

2. Golik S. L. (2021) Khabarovsk: spend to receive *Byudzhet* [Budget]. No. 11 (227): 72–74.

3. Kravchuk S. A. (2021) Fulfilling the geostrategic task of Russia *Byudzhet* [Budget]. No. 7 (223): 32–35.

4. Luchshiye pedagogi Khabarovska poluchili klyuchi ot kvartir [The best teachers of Khabarovsk received the keys to the apartments]. October 05, 2021 URL: https://news.rambler.ru/education/47326090-luchshie-pedagogi-khabarovska-poluchili-klyuchi-ot-kvartir/

5. Organizatsiya TOS v Khabarovske [Organization of TOS in Khabarovsk]. URL: https://khv27.ru/projects/territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie/

6. Nadsadin S. A. (2021) The pandemic has opened up new opportunities for growth *Byudzhet* [Budget]. No. 4 (220): 44–47.

7. Evolyutsiya obshchestvennykh prostranstv: novaya ploshchad' na Dal'nem Vostoke prityagivayet k sebe vnimaniye [The evolution of public spaces: a new square in the Far East attracts attention]. 09/22/2022 URL: https://news.rambler.ru/games/49386560-evolyutsiya-obschestvennyh-prostranstv-novaya-ploschad-na-dalnem-vostoke-prityagivaet-k-sebe-vnimanie/

Статья поступила в редакцию 28.08.2022; одобрена после рецензирования 12.09.2022; принята к публикации 15.09.2022.

The article was submitted 28.08.2022; approved after reviewing 12.09.2022; accepted for publication 15.09.2022.

Информация об авторе

С. А. Кравчук – глава городского округа – мэр города Хабаровска, руководитель администрации города Хабаровска.

Information about the author

S. A. Kravchuk – Head of city district-mayor of the city of Khabarovsk, head of the administration f the city of Khabarovsk

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья
УДК 339.92
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-33-41

Современные тренды в международной торгово-экономической интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Михаил Владимирович Томилов
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
michael_tom@list.ru

Аннотация. *В работе проведён анализ основных трендов современной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), а также межгосударственных объединений (как существующих, так и потенциальных), формирующих эти тренды. В качестве ключевых интеграционных форматов, вносящих значительные изменения в региональные правила торговли, выделены Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнерство (ВПТТП), Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и новое соглашение о свободной торговле между США, Канадой и Мексикой (ЮСМКА). В этих организационных рамках наблюдается ряд процессов: стремление крупных игроков региона к институционализации торгово-экономических взаимоотношений посредством формирования собственных правил и стандартов торговли, противостояние США и КНР за лидирующие позиции в регионе в рамках создания новых форматов с участием основных торговых партнеров, а также ускоренное развитие цифровой экономики в ответ на последствия пандемии COVID-19. Как следствие в АТР происходит увеличение количества новых региональных торговых объединений, а также расширение существующих и внесение изменений в форматы экономических взаимодействий. Наибольшую активность на данном направлении проявляют США и их ключевые союзники в регионе. В среднесрочной перспективе это может привести к образованию проамериканской системы торговли и цифрового развития, доступ к которой будет открыт только для стран-партнёров, к которым традиционно не относятся Россия и Китай.*

Ключевые слова: *торговая интеграция, торговля, цифровая экономика, Азиатско-Тихоокеанский регион, ВРЭП, ВПТТП*

Для цитирования: Томилов М. В. Современные тренды в международной торгово-экономической интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 33–41. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-33-41

Prospects for the deepening of trade integration between EAEU participants and Asia-Pacific countries

Mikhail V. Tomilov
The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia
michael_tom@list.ru

Abstract. *The paper analyzes the main trends of modern trade integration in the Asia-Pacific region, as well as key trade blocs (both existing and potential) that form these trends. As a result, such factors as the desire of major players to institutionalize trade and economic relations through the formation of their own trade rules and standards, the confrontation between the United States and China for leading positions in the region, as well as the accelerated development of the digital economy in response to the COVID-19 pandemic consequences are highlighted as determining the state of foreign trade in the Asia-Pacific region. The Asia-Pacific countries reaction to the pressure of these factors is expressed in an increase in the amount of new regional trade blocs, the expansion of existing ones, as well as changes in the economic strategies of states. The United States and its key allies in the region are most active in this area. This has already led to the renaming of the Asia-Pacific region to the Indo-Pacific in order to increase India's role in regional trade. In the medium term, this may lead to the formation of a pro-American trade and digital development system with the open access only for partner countries, which traditionally do not include Russia and China.*

Keywords: *trade integration, trade, digital economy, the Asia-Pacific region, RCEP, CPTPP*

For citation: Tomilov M. V. Prospects for the deepening of trade integration between EAEU participants and Asia-Pacific countries // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 33–41. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-33-41

Введение

В условиях стагнации реформ в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) происходит активное развитие новых торгово-экономических объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Это приводит к быстрому изменению правил и стандартов торговли, что требует от государств оперативного реагирования и подстраивания под них своей внешнеэкономической политики с целью получения наибольших выгод или избегания ущерба национальной экономике.

В связи с этим в статье предпринята попытка проанализировать основные тренды современной торгово-экономической интеграции в АТР, способные оказать наиболее существенное влияние на будущее состояние экономики региона и расположенных в нем государств, в том числе России.

Институционализация торгово-экономических взаимоотношений

Долгое время в регионе отсутствовали крупные объединения, регулирующие торгово-экономические взаимоотношения между странами. Поэтому в этих вопросах государства АТР в основном опирались на правила Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). При этом существовали форматы, распространяющие своё действие на отдельные части АТР: Ассоциация стран Юго-Восточной Азии[1] (АСЕАН, соглашение подписано в 1967 г.) и Североамериканское соглашение о свободной торговле[2] (НАФТА, соглашение подписано в 1992 г.).

Попытка создания крупной организации, способной разработать новые правила развития торговли и экономики в АТР, была предпринята в 1989 г. посредством создания межправительственного форума Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) в составе 12 государств, к которым позже присоединились ещё 9 участников, доведя количество членов АТЭС в 1998 г. до 21[3]. Планировалось, что в рамках организации появится Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли (АТЗСТ). Однако планы по её созданию не реализовались, а уже разработанные торговые и инвестицион-

[1] *Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.*

[2] *США, Канада, Мексика.*

[3] *Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг, Индонезия, Канада, Китай, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Россия, Республика Корея, Сингапур, США, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Чили, Япония.*

ные правила носят рекомендательный характер и не являются обязательными для исполнения всеми членами АТЭС [Томилов, 2019]. В связи с этим форум является не более чем переговорной площадкой, в рамках которой лидеры и правительства участвующих экономик ежегодно обсуждают возникающие между ними проблемы в торгово-экономической сфере.

Новую попытку создать полноценное региональное интеграционное объединение предприняли США. В 2008 г. они присоединились к переговорам по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП), а в 2016 г. было подписано окончательное соглашение. Участники ТТП[4] приняли жесткие торгово-экономические правила, разработанные при ведущей роли Вашингтона, в обмен на облегчение доступа к американскому рынку. Следование новым стандартам в среднесрочной перспективе должно привести к формированию в рамках партнерства единой институциональной среды, предполагающей постепенные гармонизацию законодательства, унификацию тарифных и нетарифных барьеров, создание наднациональных структур, контролирующих исполнение соглашения. При этом уже на этапе подписания многие положения документа имели значительные отличия от существующих соглашений о свободной торговле в регионе (табл. 1).

Несмотря на активное участие в разработке указанных правил, в 2017 г. США отозвали свою подпись под соглашением и вышли из ТТП. Остальные участники, в свою очередь, продолжили переговоры и в 2018 г. подписали Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП). Текст документа остался практически неизменным за исключением приостановки действия 22 положений, на которых настаивали США. Их планируется вернуть в соглашение в случае присоединения Вашингтона к ВПТТП. Соглашение вступило в силу в декабре 2018 г., его текст ратифицировали 8 из 11 участников партнерства (кроме Чили, Малайзии и Брунея). В процессе присоединения к ВПТТП находится Великобритания, также на рассмотрении находятся заявки Китая, Тайваня и Эквадора [Williams, Cimino-Isaacs 2022].

Учёт китайского фактора в развитии АТР

Несмотря на большое влияние США в регионе, основным торговым партнером для большинства стран АТР является Китай (табл. 2). Практически у половины из представленных государств более 20% валового экспорта приходится на КНР, импорт у 75% из них более чем на 20% также зависит от китайских поставок. В торговле с США такие показатели характерны для 4 (по экспорту) и 2 (по импорту) государств соответственно. При этом значительно выделяются Канада и Мексика, с которыми у Вашингтона с 1994 г. действует трехстороннее соглашение о свободной торговле. Более 70% экспорта и более 40% импорта указанных стран приходятся на США.

В связи с отказом Пекина уступать исключительное право разработки торговых правил Вашингтону, а также желанием региональных государств получить облегчённый доступ к китайским рынкам и инвестициям с 2012 г. параллельно ТТП велись переговоры по созданию Всестороннего регионального экономического партнерства[5] (ВРЭП). Китай активно способствовал их скорейшему завершению, однако позиция Индии затягивала переговорный процесс [Asian Development Bank, 2022]. После выхода Нью-Дели из переговоров в 2019 г., остальные страны в короткий срок окончательно согласовали все положения соглашения.

Соглашение о создании ВРЭП подписано в ноябре 2020 г., вступило в силу 1 января 2022 г. ВРЭП – самое крупное региональное торговое соглашение, покрывающее около 30% мировых населения, торговли и ВВП. Также стоит отметить, что ВРЭП – первое соглашение между такими крупными экономиками региона, как Япония, Китай и Республика Корея.

Соглашение включает 20 глав, регламентирующих торговлю товарами и услугами, инвестиции, государственные закупки, стандарты и техническое регу-

[4] *США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Мексика, Перу, Чили, Япония, Малайзия, Сингапур, Бруней, Вьетнам.*

[5] *Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Китай, Лаос, Малайзия, Мьянма, Новая Зеландия, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Япония.*

Таблица 1

Основные отличительные черты ТТП от других объединений АТР

Сфера регулирования	Отличительные черты	Изменения после выхода США
Тарифы на товары	Отмена тарифов на 96% тарифных позиций к 2030 году	
Цифровая торговля	Запрет на требования по локализации вычислительных мощностей в определённой стране, пошлины на цифровые продукты и требования делиться исходным кодом в качестве условия для выхода на рынок	
Окружающая среда	Запрет субсидий на рыболовство, борьба с незаконной торговлей дикими животными, учёт исполнения участниками природоохранного законодательства в торговле и привлечении инвестиций	Положение о расширении запрета на незаконную торговлю дикими животными за счёт включения в него, в том числе положений законодательства отдельных стран-участниц партнерства
Государственные закупки	Недискриминационное отношение к отечественным и иностранным компаниям при принятии решений о государственных закупках	Приостановка действия положений по охране трудовой деятельности на принятие решений о государственных закупках; мандат на возобновление переговоров по главе через 3 года
Интеллектуальные права	Полноценная защита патентов, авторских прав, торговых марок, совместная борьба с киберкражами	Облегчены требования к масштабу патентной защиты, продлению её сроков, объёму тестовой информации для получения доступа на рынок, уголовным наказаниям за нарушение интеллектуальных прав; приостановлены обязательства в отношении биологических препаратов, продления сроков действия авторских прав
Инвестиции	Практически полное устранение барьеров для взаимных инвестиций, защита иностранных инвесторов, включая механизм урегулирования споров между инвесторами и государством	Механизм урегулирования споров между инвесторами и государством не распространяется на реализацию крупных инфраструктурных проектов, а также получение прав на добычу полезных ископаемых
Государственные предприятия	Указания госпредприятиям принимать решения о покупках и продажах на основе коммерческих соображений, беспристрастное обеспечение соблюдения правил в отношении госпредприятий, субсидии и другая некоммерческая помощь госпредприятиям не должна причинять ущерб другим странам-участницам	
Права работников	Требование к участникам о принятии и исполнении законов, соответствующих основным принципам Международной организации труда; свобода в вопросе формирования профсоюзов и ведения ими переговоров с работодателями, запрет на принудительный труд, детский труд, дискриминацию по разным мотивам при приёме на работу	Приостановлены предложенные США двусторонние планы в сфере защиты трудовых прав с Брунеем, Малайзией и Вьетнамом (создание независимых профсоюзов, борьба с торговлей людьми и т. д.)
Торговля услугами	Обеспечение основных обязательств по недискриминации (национальный режим и режим наибольшего благоприятствования) и доступу на рынок на основе «негативного» списка (разрешено иностранное присутствие во всех секторах оказания услуг за исключением небольшого количества входящих в «негативный» список), включение обязательств по оказанию финансовых услуг	
Разрешение споров	Разработаны механизмы разрешения споров между участниками соглашения в различных сферах	

Источник: составлено автором в соответствии с официальным текстом соглашения. URL: https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership-cptpp/comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership-text-and-resources/ (дата обращения: 18.06.2022).

Таблица 2

Доля КНР и США во внешней торговле участников ВПТТП и ВРЭП, а также России и Индии в 2020 г., %

Страна	Доля КНР в валовом экспорте	Доля США в валовом экспорте	Доля КНР в валовом импорте	Доля США в валовом импорте
Япония	22	18,5	25,8	11,3
Южная Корея	25,9	14,5	23,3	12,4
Россия	14,6	3,3	23,7	5,7
Индонезия	19,5	11,4	28	6,1
Малайзия	16,2	11,1	21,5	8,7
Вьетнам	17,4	27,4	32,2	5,3
Австралия	40,8	5,3	28,8	11,9
Новая Зеландия	27,8	11	22,6	9,7
Канада	4,9	73,2	14,1	48,8
Мексика	1,9	79,2	19,2	43,9
Сингапур	13,7	10,8	14,4	10,7
Таиланд	12,9	14,9	24	7,3
Филиппины	15,1	15,4	23,2	7,8
Перу	28,3	16,1	28,6	18,5
Чили	38,7	13,2	27,8	17,8
Мьянма	31,8	5,1	36,3	2,2
Лаос	28,8	0,6	25,8	2,5
Камбоджа	6,1	30,1	37,1	1,3
Бруней	17,7	1,2	10,8	5,6
Индия	6,9	17,9	16	7,2

Источник: составлено автором по данным UN Comtrade Database (https://comtrade.un.org).

лирование, права на интеллектуальную собственность, электронную торговлю и т. д. Документ содержит конкретные сроки снижения тарифов. Среднее снижение тарифных барьеров составит около 80–90% в течение 20 лет [Nicita, 2021]. Одновременно оно фиксирует определенные исключения из интеграционных процессов, списки которых составлены каждым участником. Например, Китай не берёт на себя никаких обязательств по таким товарным группам, как автомобили, говядина, азотистые удобрения, бумага и т. д[6].

Что касается обязательств в сфере торговли услугами, несколько участников используют подход «позитивный список», куда включены сектора, открытые для конкуренции, однако часть из них со временем могут быть перемещены в «негативный список».

Положения по разрешению споров между государствами и инвесторами пока не включены в соглашение, однако стороны обязуются рассмотреть их в течение 5 лет. В сфере электронной торговли страны обязуются не вводить таможенные пошлины на передачу продукции в электронном виде. Глава содержит большое количество исключений в положениях о требованиях по локализации информации и её трансграничной передаче, а также (как и множество других глав) не является предметом для разрешения спорных ситуаций в судебном порядке [Cimino-Isaacs, 2021].

Соглашение также содержит послабления для наименее развитых стран (Лаос, Мьянма, Камбоджа), такие как наличие переходных периодов перед принятием обязательств по снижению барьеров, защите прав интеллектуальной собственности и организации электронной торговли.

Большинство обязательств участников ВРЭП являются поверхностными и размытыми [Petri, 2020a]. Ключевыми отличиями ВРЭП от ВПТТП являются менее строгие положения соглашения, практически полное отсутствие обязательных правил регулирования деятельности государственных корпораций, трудовой и эколо-

[6] *Официальный текст соглашения. URL: https://www.mfat.govt.nz/pl/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep/rcep-text-and-resources/ (дата обращения: 20.06.2022).*

гической политики [Olson, 2020]. Наряду с этим в рамках партнёрства отсутствует фокусирование на создании однородной институциональной среды, гармонизации законодательств участников и т. п. Кроме того, ВРЭП предусматривает большее количество исключений из тарифной либерализации, а также послаблений для развивающихся стран [Petri, 2020b].

Влияние пандемии COVID-19 на изменение интеграционных регламентов

В ответ на экономические последствия пандемии коронавируса ряд стран инициировали разработку специальных правил для цифровой экономики и торговли, которые в будущем позволят более эффективно реагировать на возникновение подобных чрезвычайных ситуаций. Так, в июне 2020 г. Новой Зеландией, Чили и Сингапуром было подписано Партнерское соглашение о цифровой экономике (Digital Economy Partnership Agreement, DEPA). Позднее заявки на вступление в новое партнерство подали Республика Корея и Китай (находятся на стадии рассмотрения), повышенный интерес к участию проявляют Канада и Австралия.

DEPA состоит из 16 тематических модулей[7], включающих правила регулирования цифровой экономики и торговли, создания новых цифровых продуктов и технологий, защиты персональных данных и интеллектуальной собственности, разрешения споров в цифровой среде и т. д. По сравнению с главой о цифровой экономике в ВПТТП, DEPA имеет более полное содержание и подробные правила [The International and Comparative Law Research Center, 2020], отражающие изменившиеся условия в результате ускоренного развития данной сферы. В частности, соглашением закрепляется безбумажная торговля (взаимное признание электронных копий документов), создание системы одного окна для внешнеторговой документации, в которую загружаются электронные торговые документы, санитарные и фитосанитарные сертификаты, статистика экспорта/импорта всех участников и т. п., развитие логистики приграничной торговли (использование беспилотных транспортных средств, установка электронных постаматов для приёма посылок в приграничных регионах), автоматизация электронных платежей, а также сотрудничество в сфере инновационных технологий, искусственного интеллекта и кибербезопасности.

В свою очередь, США активизировали попытки продвижения Правил трансграничной передачи и защиты данных в рамках АТЭС (CBPR)[8]. В августе 2020 года Вашингтон предложил «отвязать» эти правила от системы АТЭС, чтобы дать возможность другим странам (например, Бразилии) вступить в новую структуру. Суть CBPR заключается в том, что если государства-участники и их коммерческие компании обязуются следовать принципам защиты личной информации, то конфиденциальные личные данные могут передаваться между ними беспрепятственно. Пока новые правила подписаны представителями 9 стран[9]. При этом ряд положений CBPR изначально неприемлемы для некоторых государств (КНР, Россия), что фактически закрывает им доступ в новую структуру, несмотря на их участие в АТЭС.

Действия США по противодействию возросшего влияния КНР в регионе

Наряду с попытками регулирования развития цифровой сферы США в ответ на возрастающее влияние Китая в АТР предпринимают ряд мер, направленных на сохранение своей роли в качестве основного разработчика правил торговли в регионе, в частности:

1) недопущение торгово-экономического сближения основных партнёров Вашингтона с КНР;

2) использование Индии в качестве противовеса Китаю;

3) институционализация торгово-экономических процессов в регионе по американскому образцу, но без уступок по тарифным ограничениям.

В декабре 2019 г. США, Канада и Мексика заключили новое соглашение о сво-

[7] *Официальный текст соглашения. URL: https://www.mfat.govt.nz/assets/Trade-agreements/DEPA/DEPA-Signing-Text-11-June-2020-GMT-v3.pdf (дата обращения: 23.06.2022).*

[8] *URL: https://www.apec.org/about-us/about-apec/fact-sheets/what-is-the-cross-border-privacy-rules-system (дата обращения: 25.06.2022).*

[9] *США, Австралия, Канада, Тайвань, Япония, Мексика, Сингапур, Республика Корея, Филиппины.*

бодной торговле (USMCA) взамен «устаревшего» НАФТА. Текст документа практически полностью опирается на прежнее соглашение [Яковлев, 2019], однако Вашингтону удалось продвинуть некоторые положения, которые способны препятствовать возможному сближению КНР с партнёрами по союзу, а также торговым злоупотреблениям со стороны Канады и Мексики. В частности, согласно тексту документа партнёры по соглашению обязаны уведомлять США за 3 месяца до начала переговоров с «нерыночной» страной[10]. К таким государствам Вашингтон традиционно относит Китай. Если в итоге Канада или Мексика заключат с такой страной соглашение, то США вправе разорвать действующий торговый договор со своими партнёрами[11]. Таким образом, формируется привязанность их экономики к американскому рынку посредством введения условия «либо мы, либо они». Наряду с этим USMCA предусмотрен строгий валютный контроль в партнерских странах. В случае, если будут выявлены факты манипулирования валютным курсом с целью получения преимуществ для национальных экспортёров, предусмотрено проведение расследований с последующими штрафными санкциями.

В ходе Восточноазиатского саммита в октябре 2021 г. американский президент Дж. Байден объявил о планах по созданию новой международной торгово-экономической организации «Индо-Тихоокеанская экономическая платформа» (ИТЭП)[12]. Согласно замыслу, потенциальное соглашение не будет включать обязательства стран по снижению импортных пошлин, так как это потребует законодательного одобрения Конгресса США [Williams, Manyin, 2022]. Вместо этого предлагается сформировать новую институциональную оболочку с правилами и стандартами международной торговли, соответствовать которым смогут только государства-партнёры США. В частности, положениями нового соглашения будут регулироваться цифровая экономика и торговля, формирование цепочек производства и поставок товаров, экологические стандарты, права работников, государственные закупки, альтернативная энергетика и декарбонизация, деятельность государственных предприятий и реализация совместных инфраструктурных проектов. В данном контексте, ИТЭП совмещает в себе основные преимущества ВПТТП, DEPA и CBPR, но при этом не требует от США предоставлять участникам соглашения облегченный доступ на американский рынок.

Ключевым партнёром в новом объединении должна стать Индия, которая выступит в качестве противовеса КНР и будет способствовать сдерживанию его развития посредством обострения конкуренции на рынках стран АТР. Ранее ради достижения указанных целей Вашингтон переименовал в своих официальных документах Азиатско-Тихоокеанский регион в Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), тем самым обозначив ключевую роль Индии в дальнейшем развитии региона и расставив приоритеты во внешнеполитических и внешнеэкономических подходах США на азиатском направлении [Батюк, 2021]. Потенциальными участниками ИТЭП также являются Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия и Сингапур. Официальное заключение соглашения о создании нового объединения запланировано на конец 2023 года в рамках саммита АТЭС в США [Williams, Manyin, 2022].

Одновременно с этим в июне 2022 года при ведущей роли Вашингтона создано неформальное объединение «Партнеры в голубом Тихом океане» (Partners in the Blue Pacific, PBP). Основная заявленная цель созданной структуры – укрепление экономических и дипломатических связей с островными государствами Тихого океана[13], сотрудничество с которыми в последнее время активизировал Китай. В состав группы помимо США также вошли Австралия, Новая Зеландия, Япония и Великобритания.

[10] *Список таких стран определяется американскими регуляторами.*

[11] *Официальный текст соглашения. URL: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between (дата обращения: 17.06.2022).*

[12] *Indo-Pacific Economic Framework, IPEF.*

[13] *URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/ (дата обращения: 06.07.2022).*

Заключение

Каждый выявленный в ходе анализа тренд связан с формированием новых интеграционных объединений. Стремление крупных государств АТР к институционализации торгово-экономических взаимоотношений привело к созданию ВПТТП и ВРЭП. При этом отмечается готовность менее крупных стран принять эти изменения в обмен на облегчение доступа на рынки товаров и услуг США, Китая, Японии, Республики Корея, Индии. Формирование указанных крупных объединений также связано с проявлением ещё одного тренда – торговое противостояние КНР и США в АТР, которое усиливается посредством разработки новых положений в рамках заключенного USMCA, а также американскими инициативами по созданию ИТЭП. Активное развитие цифровой экономики, возникшее в качестве ответной меры на последствия COVID-19, выразилось в создании DEPA и развитию CBPR.

Отмеченные тренды в среднесрочной перспективе приведут к постепенному утрачиванию лидерских позиций ВТО в установлении правил и стандартов торговли, а также формированию закрытого торгового клуба в АТР с участием США и партнёрских государств, доступ к которому России, КНР и другим «нерыночным» странам будет ограничен посредством установления институциональных барьеров. С учетом этого, складывающаяся ситуация требует дальнейшей активизации сотрудничества Российской Федерации в рамках Евразийского экономического сотрудничества (ЕАЭС) по вопросам развития цифровой экономики, а также заключения новых торговых соглашений со странами/объединениями АТР.

Список источников:

1. Батюк В. И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. 2021. №1. С. 135–153. DOI: 10.31249/ape/ 2021.01.06
2. Томилов М. В. Перспективы углубления торговой интеграции в рамках современных торгово-экономических объединений Азиатско-Тихоокеанского региона // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 8–21.
3. Яковлев П. П. От НАФТА к ЮСМКА: реформа североамериканской интеграции // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 1. С. 75–87.
4. Asian Development Bank. The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement: a New Paradigm in Asian Regional Cooperation? URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/792516/rcep-agreement-new-paradigm-asian-cooperation.pdf (дата обращения: 25.06.2022).
5. Cimino-Isaacs C. D., Dolven B., Sutherland M. D. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). URL: https:// crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11891 (дата обращения: 30.06.2022).
6. Nicita A. An Assessment of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Tariff Concessions. URL: https://unctad.org/system/files/ official-document/ser-rp-2021d16_en.pdf (дата обращения: 25.06.2022).
7. Olson S. Keep RCEP in Perspective. URL: https:// www.hinrichfoundation.com/research/article/ftas/keep-rcep-in-perspective/ (дата обращения: 15.06.2022).
8. Petri P. A., Plummer M. G. East Asia Decouples from the United States: Trade War, COVID-19, and East Asia's New Trade Blocs URL: https://www.piie.com/publications/working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new (дата обращения: 16.06.2022).
9. Petri P. A., Plummer M. G. RCEP: A New Trade Agreement that will Shape Global Economics and Politics. URL: https://www.brookings.edu/blog/ order-from-chaos/2020/11/16/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/ (дата обращения: 16.06.2022).
10. The International and Comparative Law Research Center. Rules for Digital Trade: the Digital Economy Partnership Agreement (DEPA) URL: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/ICLRC_DEPA_1649174353.pdf (дата обращения: 22.06.2022).
11. Williams B. R., Cimino-Isaacs C. D. CPTPP: Overview and Issues for Congress. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12078 (дата обращения: 05.07.2022).

12. Williams B. R., Manyin M. E., Fefer R. F. Biden Administration Plans for an Indo-Pacific Economic Framework. URL: https://crsreports.congress.gov/ product/pdf/IN/IN11814 (дата обращения: 05.07.2022).

References:

1. Batyuk V. I. (2021) US Indo-Pacific Strategy and Eurasia *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe]. No. 1: 135–153. (In Russ.)
2. Tomilov M. V. (2019) Configuration of Free Trade Zones in the Asia-Pacific Region: Comparison of Integration Potentials *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 15. No. 1: 84–106. (In Russ.)
3. Yakovlev P. P. (2019) From NAFTA to USMCA: The Reform of the North American Integration *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian foreign economic journal]. No. 1: 75–87. (in Russ.)
4. Asian Development Bank. The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement: a New Paradigm in Asian Regional Cooperation? available at: https:// www.adb.org/sites/default/files/publication/792516/rcep-agreement-new-paradigm-asian-cooperation.pdf (accessed 25.06.2022).
5. Cimino-Isaacs C. D., Dolven B., Sutherland M. D. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), available at: https:// crsreports.congress.gov/product/ pdf/IF/IF11891 (accessed 30.06.2022).
6. Nicita A. An Assessment of the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Tariff Concessions. available at: https://unctad.org/system/ files/official-document/ser-rp-2021d16_en.pdf (accessed 25.06.2022).
7. Olson S. Keep RCEP in Perspective, available at: https://www.hinrichfoundation.com/research/ article/ftas/keep-rcep-in-perspective/ (accessed 15.06.2022).
8. Petri P. A., Plummer M. G. East Asia Decouples from the United States: Trade War, COVID-19, and East Asia's New Trade Blocs available at: https://www.piie.com/ publications/working-papers/east-asia-decouples-united-states-trade-war-covid-19-and-east-asias-new (accessed 16.06.2022).
9. Petri P. A., Plummer M. G. RCEP: A New Trade Agreement that will Shape Global Economics and Politics, available at: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/11/16/rcep-a-new-trade-agreement-that-will-shape-global-economics-and-politics/ (accessed 16.06.2022).
10. The International and Comparative Law Research Center. Rules for Digital Trade: the Digital Economy Partnership Agreement (DEPA) available at: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/ICLRC_DEPA_1649174353.pdf (accessed 22.06.2022).
11. Williams B. R., Cimino-Isaacs C. D. CPTPP: Overview and Issues for Congress, available at: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12078 (accessed 05.07.2022).
12. Williams B. R., Manyin M. E., Fefer R. F. Biden Administration Plans for an Indo-Pacific Economic Framework, available at: https://crsreports.congress.gov/product/ pdf/IN/IN11814 (accessed 05.07.2022).

Статья поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 22.08.2022.
The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 22.08.2022.

Информация об авторе

М. В. Томилов – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

M. V. Tomilov – Candidate of Economics, Junior Research Fellow, the Economic Research Institute, FEB RAS

Научная статья
УДК 327(510:470)
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-42-52

Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы

Бай Сяогуан
Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР, Харбин, КНР,
xiaoguang1133@126.com

Аннотация. *Являясь неотъемлемой частью развития китайско-российских двусторонних отношений, гуманитарное сотрудничество представляет собой один из трех столпов китайско-российских взаимоотношений наряду с политическим взаимодоверием и экономическим сотрудничеством. За последние 30 лет в сфере китайско-российских гуманитарных обменов и сотрудничества достигнуты значительные результаты. И особенно все более важную роль в налаживании дружественных связей и укреплении взаимопонимания между народами двух стран, а также консолидации китайско-российских отношений играют новые прорывы в областях двустороннего гуманитарного сотрудничества в вовлеченных регионах, достигнутые после выдвижения Китаем инициативы «Пояс и путь». В то же время такие проблемы, как неравномерность регионального развития, недостаточно тесная связь с торгово-экономическим сотрудничеством, отсутствие инноваций в отдельных областях сотрудничества и недостаточная систематизация соответствующих стратегических исследований сдерживают углубленное развитие китайско-российского гуманитарного сотрудничества. В 2019 г. китайско-российские отношения были определены сторонами как «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающие в новую эпоху», а гуманитарные обмены были включены в число пяти приоритетных областей двусторонних отношений. В настоящее время перспективы такого сотрудничества широки, несмотря на новые вызовы, с которыми сталкиваются китайско-российские гуманитарные обмены и сотрудничество под влиянием начавшейся с 2020 г. эпидемии новой коронавирусной инфекции.*

Ключевые слова: *Китай, Россия, гуманитарные обмены, гуманитарное сотрудничество*

Благодарность: *проект фонда: проект философско-социальных исследований в провинции Хэйлунцзян (20GJC198).*

Для цитирования: Бай Сяогуан. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество: состояние, проблемы и перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 42–52. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-42-52

Sino-Russian humanitarian cooperation: state, problems and prospects

Xiaoguang Bai
The Institute of Russia of the Academy of Social Sciences, Harbin, China
xiaoguang1133@126.com

Abstract. *Sino-Russian cultural cooperation is an integral part of development of the Sino-Russian bilateral relations, which together with the political mutual trust, economic and trade cooperation constitute the three pillars of Sino-Russian relations. Over the past 30 years, China and Russia have made remarkable achievements in exchanges and*

cooperation in the field of humanities exchanges. In particular, after China's «Belt and Road» initiative was put forward, new breakthroughs have been made in the areas of bilateral humanities cooperation and in the regions participating in cooperation. They are playing an increasingly important role in promoting mutual understanding between the two nations and consolidating China-Russia relations. At the same time, the unbalanced development of the region, the lack of close contact with economic and trade cooperation, the lack of innovation in individual fields, and the lack of systematization of relevant strategic research also restrict the in-depth development of Sino-Russian cultural cooperation. In 2019, China-Russia relations were upgraded to a «New Era comprehensive strategic partnership of Coordination». Humanities exchanges were listed as one of the five key areas of bilateral relations. Under the influence of the new global epidemic in 2020, the China-Russia cultural and humanities exchanges met new challenges, new opportunities and new missions. But there are broad prospects for cooperation.

Keywords: *China, Russia, Humanities Exchange, humanities cooperation*

Acknowledgments: *the fund project: Philosophical Social Research Project in Heilongjiang Province (20GJC198).*

For citation: Xiaoguang Bai Sino-Russian humanitarian cooperation: state, problems and prospects // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 42–52. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-42-52

Введение

Гуманитарные обмены и сотрудничество являются важной частью истории китайско-российских отношений. С момента подписания в декабре 1991 г. Протокола переговоров о межгосударственных китайско-российских отношениях и решения вопроса о преемственности в отношениях между Китаем и Россией они становятся важным элементом отношений между двумя странами [У Сай, Чжан Цзяньхуа, 2019. С. 36]. Значительные результаты китайско-российского гуманитарного сотрудничества обусловлены фундаментом, заложенным двусторонним сотрудничеством в китайско-советский период. В 1992–1999 гг. сотрудничество Китая и России в области гуманитарных обменов преобладало в северо-восточных приграничных районах с новыми прорывами и яркими моментами в сотрудничестве в сфере образования, молодежной политики, литературы, искусства, спорта, здравоохранения, права и туризма. В рамках механизма регулярных встреч премьер-министров двух стран в ноябре 2000 г. была сформирована Китайско-Российская комиссия по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, что ознаменовало институционализацию двустороннего гуманитарного сотрудничества. В 2007 г. данная Комиссия была переименована в Китайско-Российскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству. В нее входят семь подкомиссий, осуществляющих межгосударственное взаимодействие в области образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, средств массовой информации и кино, а также Китайско-Российская рабочая группа по архивному сотрудничеству [Го Ли, 2013. С. 3]. Впоследствии была создана Подкомиссия по молодежному сотрудничеству. Китай и Россия подписали План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере для дальнейшего содействия институционализации и стандартизации двустороннего гуманитарного сотрудничества.

В 2015 г., после того как Китай и Россия достигли консенсуса в отношении стыковки Евразийского экономического союза и инициативы «Пояс и путь», китайско-российское гуманитарное взаимодействие получило новый импульс развития. Оно становится важным звеном в продвижении регионального мира и стабильности, укреплении связей между народами двух стран, построении китайско-российских отношений великих держав нового типа и содействии всестороннему прагматическому сотрудничеству между

Китаем и Россией.

1. Анализ текущего состояния китайско-российского гуманитарного сотрудничества

Уровень китайско-российского гуманитарного сотрудничества тесно связан с непрерывным развитием отношений Китая и России, они взаимно дополняют и стимулируют друг друга. В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики, сделанном 8 июня 2018 г., подчеркивается, что Китай и Россия будут продолжать расширять и поднимать на новый уровень гуманитарные обмены между двумя странами, укреплять социальную основу отношений между двумя странами, углублять взаимопонимание и дружбу между двумя народами[1], а также будут продолжать углублять реализацию Плана действий по развитию китайско-российского взаимодействия в гуманитарной сфере. После запуска серии мероприятий Года межрегионального сотрудничества и обмена (2018 г.), глубина и ширина китайско-российского гуманитарного взаимодействия значительно увеличились, неизменно повышается его уровень и результативность.

Беспрецедентный спектр областей сотрудничества. Китайско-российское сотрудничество в области образования, литературы, искусства, туризма, молодежной политики, права, здравоохранения и архивного дела ведется уже давно, в нем были достигнуты очевидные успехи. В 2019 г. в китайских университетах обучается около 20 000 российских студентов, и около 30 000 китайских студентов получают высшее образование в России [Цзян Сяоянь, 2019]. По сравнению с 2000-м годом эти показатели увеличились почти в 5 раз. Китай и Россия регулярно осуществляют сотрудничество в образовательной сфере путем обмена специалистами и преподавательскими кадрами, учебными материалами и опытом преподавания. Благодаря реализации политики поддержки, число двусторонних образовательных обменов между Россией и Китаем превысило 104 тыс. человек, было создано 12 университетских консорциумов, сотрудничеством охвачено 636 учебных заведений[2]. С 2019 г. китайский язык стал пятым языком по выбору для участников единого государственного экзамена (ЕГЭ) наряду с английским, немецким, французским и испанским.

Активно развиваются литературные связи между двумя странами. Помимо взаимного перевода как классических, так и современных литературных произведений, в последние годы Китай и Россия также осуществляют совместные издательские проекты. Активно расширяются двусторонние обмены в области литературы в рамках профильных мероприятий: «Российско-китайский семинар по вопросам литературного сотрудничества и обмена», «Форум писателей России и Китая», «Российско-китайская литературная конференция» и др.

Используя возможности перекрестных годов сотрудничества и обмена на местном уровне, а также проводимые Недели китайско-российских культурных и художественных обменов, Китай и Россия проводят насыщенные и красочные мероприятия по обмену в области музыки, живописи, кино и театра, а совместное производство фильмов стало новым прорывом в китайско-российском взаимодействии в области искусства.

В доковидный период Китай и Россия активно развивали новые формы сотрудничества в сфере туризма. За 2018 г. Россию посетило более 2 миллионов китайских туристов, а в Китай из России приехало почти 2,5 миллиона туристов [Ян Цзиньсун, 2019]. В 2015–2018 гг. Китай и Россия последовательно провели четыре раунда мероприятий, посвященных сотрудничеству и обмену

[1] *Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. URL: https://news.china.com/zw/news/13000776/20180608/32500520.html (дата обращения:26.06.2022).*

[2] *Состоялось 21-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2020/1126/c64094-31944975.html (дата обращения:26.06.2022).*

в области «красного туризма» (посещение мест боевой и революционной славы).Согласно отчету «Красный туризм за рубежом – 2017 (Россия)», подготовленному китайским туристическим порталом Ctrip.com, за период с января по июнь число китайских туристов, выбирающих поездки в Россию, выросло более чем на 40 процентов[3]. Годовой отчет китайского туристического онлайн-агентства Tuniu.com «Потребление в рамках «красного туризма – 2018» также показывает, что Пекин является самым популярным внутренним направлением среди любителей «красного туризма», в то время как Россия стала одной из ведущих стран для турпоездок в рамках «красного туризма» за пределами Китая для китайских туристов.

Растет число платформ молодежных обменов между Китаем и Россией. Так, можно отметить следующие эффективные платформы китайско-российских молодежных обменов: в мае 2019 г. в Хэйлунцзянском университете (г. Харбин) прошла «Церемония открытия сезона китайско-российских молодежных обменов – 2019 года и мультикультурная выставка», в июле того же года в г. Чанша провинции Хунань состоялся 6-ой китайско-российский молодежный форум «Янцзы – Волга».

XXI в. ознаменовался активным сотрудничеством Китая и России в правовой сфере. В 2014 г. в городе Суйфэньхэ провинции Хэйлунцзян создан центр по оказанию трансграничных юридических услуг для граждан и предприятий Китая и России. С 2015 г. осуществляется процесс по созданию и модернизации ряда организаций, оказывающих юридические услуги для разрешения правовых споров при строительстве «Пояса и пути» (такие как Центр арбитража арбитражного суда инициативы «Пояс и путь» (Китай), Шэньчжэньский международный арбитражный институт и др.), что заложило основу для развития практического сотрудничества между Россией и Китаем в правовой сфере. Такие мероприятия, как первый Форум китайско-российского сотрудничества в сфере инвестиций и юридических услуг, Международный арбитражный юридический форум в рамках Китайско-Российского ЭКСПО (ХМТЭЯ) и др. стали надежными платформами для китайско-российского юридического сотрудничества.

В 2014 г. была создана Российско-Китайская ассоциация медицинских университетов (РКАМУ). В 2018 г. оценка и требования к работе РКАМУ были включены в протокол 18-го заседания Российско-Китайской Подкомиссии по здравоохранению межправительственной Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Целями деятельности РКАМУ являются: расширение сотрудничества Китая и России в области научных исследований, совместной подготовки кадров в области медицины и фармации, развитие взаимодействия между учреждениями здравоохранения и медицинского образования, а также усиление обмена и связей между медперсоналом[4].

С 2017 г. ежегодно проводятся заседания Российско-Китайской подкомиссии по сотрудничеству в области архивов межправительственной Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству. Прошедшие в 2019 г. мероприятия (выставка архивных документов по случаю 70-летия установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, фотовыставки материалов местных архивов Китая и России) содействовали дальнейшему развитию сотрудничества в области архивного дела и укреплению взаимопонимания между двумя странами.

Помимо вышеупомянутых областей,

---

[3] Опубликован отчет Ctrip о зарубежном красном туризме, Россия и Германия пользуются популярностью у китайских туристов.URL: http://www.cnr.cn/shanghai/tt/20170707/t20170707_523838883.shtml (дата обращения: 17.06.2022).

[4] Наш университет был приглашен на восемнадцатое заседание Подкомиссии по сотрудничеству в области здравоохранения Российско-Китайской Комиссии по гуманитарному сотрудничеству. URL:http://www.sohu.com/a/272462157_100092987 (дата обращения:18.06.2022)

китайско-российское сотрудничество в других гуманитарных сферах также отмечено заметными успехами: такие мероприятия, как Китайско-Российский медиа-форум и Китайско-Российский форум новых медиа содействуют переходу двустороннего сотрудничества в сфере СМИ от традиционных форм к новым медиа; активное развитие Китаем и Россией технического сотрудничества в области защиты окружающей среды и аэрокосмических технологий содействует развитию природоохранной и научно-технической деятельности двух стран.

В 2020 г. китайско-российское сотрудничество в гуманитарной области подверглось серьезному влиянию эпидемии новой коронавирусной инфекции, вследствие чего офлайн-мероприятия по обмену в области образования, молодежи, спорта, СМИ, туризма и др. были либо приостановлены, либо отменены. Наряду с этим постепенно набирает обороты онлайн-формат, открывая новые идеи для китайско-российского культурного сотрудничества в условиях эпидемии: проводятся академические обмены, обмены между СМИ, в санитарно-эпидемиологической области, молодежные обмены.

Расширяется число регионов-участников. На протяжении последних тридцати лет на долю гуманитарного сотрудничества между Северо-Востоком КНР и Дальним Востоком РФ приходится половина всего объема китайско-российского взаимодействия в гуманитарной сфере. Используя такие государственные платформы, как перекрестные Годы Китая и России, Годы туризма, Годы языков, Годы сотрудничества и обмена на местном уровне и др., провинция Хэйлунцзян, с опорой на центральные города провинции – Харбин, Цицикар, Муданьцзян и Цзямусы, организовывала в этот период содержательные и красочные мероприятия в сфере гуманитарных обменов и сотрудничества с крупными городами Дальнего Востока РФ. Они включали регулярные обмены между СМИ, установление побратимских связей между городами, совместная организация выставок культуры и искусства, обучение по совместным программам вузов двух стран, совместное издание книг, взаимное учреждение культурных центров и др.

Под влиянием центральных городов провинции приграничные города, где расположены пропускные пункты, также в полной мере реализуют свою роль в качестве передового края, активно развивая гуманитарное сотрудничество с Дальним Востоком РФ. В качестве примера можно привести приграничные города Суйфэньхэ и Фуюань, в которых за период с 2014 г. по 2016 г. было проведено соответственно 102 и 31 мероприятие по обмену и сотрудничеству в гуманитарной сфере соответственно [Бай Сяогуан, 2017. С. 364].

После выдвижения инициативы «Пояс и путь» отмечался неуклонный рост числа регионов, участвующих в китайско-российском гуманитарном сотрудничестве. Так, в целях расширения и углубления регионального сотрудничества в 2016 г. был создан Совет по сотрудничеству между регионами Приволжского федерального округа РФ и верхнего, среднего течения реки Янцзы КНР (так был официально запущен механизм сотрудничества между районами среднего и верхнего течения Янцзы с Приволжским федеральным округом). В данном проекте участвуют провинции Аньхой, Цзянси, Хубэй, Хунань, Сычуань, а также город центрального подчинения Чунцин. От центральных городов данных провинций в качестве ядра проект простирается на сопредельные города, демонстрируя лучевой рост от единичного – к общему. Экономически и культурно развитые регионы Китая, такие как «столичный регион» (Пекин, Тяньцзинь, провинция Хэбэй), г. Шанхай, г. Гуанчжоу, провинция Чжэцзян, г. Шэньчжэнь и др. также углубляют гуманитарное сотрудничество с Россией. В рамках культурного обмена и сотрудничества с Россией провинции Хайнань, Шаньдун, Шаньси, Шэньси, Хэнань и Юньнань, а также Тибетский АР, Гуанси-Чжуанский АР и Синьцзян-Уйгурский АР многократно проводили насыщенные и красочные мероприятия

в разных областях.

Механизмы сотрудничества стабильно улучшаются. В течение всех тридцати лет развития российско-гуманитарного сотрудничества непрерывно шел процесс совершенствования его механизма. В настоящее время в целом сформировалась модель сотрудничества, в которой главным является официальный механизм взаимодействия между государственными и региональными органами власти, получающий дополнение и реализацию в разнообразных механизмах экономического и гуманитарного сотрудничества между народами.

Механизм регулярных встреч глав правительств России и Китая стал основным механизмом координации и продвижения всестороннего практического сотрудничества и гуманитарных обменов между Китаем и Россией[5]. В 2019 г. в ходе 24-й регулярной встречи глав правительств Китая и России в целях содействия более активному развитию гуманитарных обменов между двумя странами в новую эпоху были достигнуты новые договоренности о сотрудничестве в таких гуманитарных сферах, как образование, здравоохранение и профилактика эпидемий, туризм, молодежь, СМИ и архивное дело[6].

Российско-Китайская Комиссия по гуманитарному сотрудничеству, являющаяся одной из пяти межправительственных комиссий на уровне вице-министров в рамках механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая, в 2021 г. провела свое 22-е заседание в запланированные сроки в формате видеоконференции. На заседании был признан важный вклад китайско-российских гуманитарных обменов в укрепление дружбы между российским и китайским народами и содействие культурному обмену и взаимообучению.

В течение длительного времени Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) создавала условия для проведения насыщенных и красочных мероприятий в области гуманитарного обмена между странами-участницами, в частности, Китай и Россия организовывали культурные фестивали, художественные выставки, молодежные фестивали, форумы телевизионного сотрудничества, культурные семинары и др.

Механизмы сотрудничества на местном уровне привели к расцвету китайско-российского гуманитарного сотрудничества. Два региональных механизма сотрудничества – «Северо-Восток – Дальний Восток» и «Река Янцзы – Волга» играют все более важную роль в китайско-российском гуманитарном сотрудничестве. В рамках механизма регионального сотрудничества «Северо-Восток – Дальний Восток» Северо-Восточный регион Китая, главным образом провинция Хэйлунцзян, осуществляет достаточно всестороннюю деятельность в рамках гуманитарных обменов с Дальним Востоком РФ. Наиболее ярко эта деятельность представлена в таких сферах, как создание побратимских отношений с городами России, обучение по совместным программам вузов двух стран, интерактивное взаимодействие между СМИ, обмены в области медицинских технологий, совместное проведение выставок культуры и искусства. Также на регулярной основе в рамках сотрудничества и обмена с Россией проводятся Дни провинции Хэйлунцзян, спортивные соревнования, оздоровительные туры, сотрудничество в правовой сфере, городские ярмарки, Форум ведущих аналитических центров по китайско-российскому экономическому сотрудничеству и др. В провинции Хэйлунцзян сформировалась тенденция гуманитарного сотрудничества с Россией с такими ведущими городами, как Харбин, Цицикар, Муданьцзян и Цзяму-

[5] *Расшифровка механизма встречи премьер-министров России и Китая: высочайший стандарт и наиболее полная организация, 23 года без перерыва. URL: http://www.gov.cn/xinwen/201909/17/content_5430723.htm (дата обращения: 17.06.2022).*

[6] *Совместное коммюнике по итогам 24-й регулярной встречи глав правительств России и Китая (полный текст). URL: http://www.chinanews.com/gn/2019/09-18/8958619.shtm (дата обращения: 18.06.2022)*

сы и приграничными городами, в которых действуют КПП – Суйфэньхэ, Хэйхэ, Тунцзян и Фуюань в качестве показательных. С момента создания механизма регионального сотрудничества «Река Янцзы – Волга» все больше провинций и городов Китая вовлекаются в гуманитарное сотрудничество с Россией, при этом создаются новые формы сотрудничества, такие как «красный туризм» и др.

Механизмы взаимодействия между народами Китая и России обогащают китайско-российское сотрудничество в гуманитарной области. При совместных усилиях Китая и России на правительственном уровне китайско-российские гуманитарные обмены непременно преодолеют всевозможные опасности и барьеры и достигнут вдвое большего результата при вдвое меньших усилиях [Ян Лэй, 2019. С. 79], и, тем не менее, не следует недооценивать механизмы гуманитарного взаимодействия между народами Китая и России. С момента своего создания в 1997 году Российско-Китайский комитет дружбы, мира и развития активно участвует в проведении перекрестных Годов Китая и России, Годов языков, Годов туризма, Годов молодежи и других масштабных мероприятий. Данная межгосударственная неправительственная организация сыграла важную и уникальную роль в продвижении китайско-российских контактов и сотрудничества в торгово-экономической, региональной, гуманитарной, научно-технической и других областях и стала узлом и основной силой дружественных контактов между российским и китайским народами[7]. В 2019 г. в честь 70-летия КНР Комитет организовал ряд мероприятий по гуманитарному обмену, в частности, Форум «Российско-Китайский диалог» и Фестиваль Китая, в которых приняли участие 16 миллионов человек[8] [Ян Лэй. 2019]. Кроме того, российские и китайские культурные организации, культурные компании и другие общественные организации также активно участвуют в китайско-российском гуманитарном сотрудничестве, содействуя укреплению дружбы между народами Китая и России.

2. Проблемы китайско-российского сотрудничества в гуманитарной области

В настоящее время китайско-российское гуманитарное сотрудничество достигло самого высокого уровня за всю историю, Китай и Россия неуклонно вводят новшества и совершают прорывы в сотрудничестве между регионами, а также сферах и моделях взаимодействия. Между тем, в двустороннем гуманитарном сотрудничестве все еще имеется большое количество проблем, которые ограничивают его дальнейшее развитие.

Региональная несогласованность развития китайско-российского сотрудничества в гуманитарной области. *Первое.* Эффект от совместного действия регионов недостаточный. В настоящее время в два основных механизма регионального сотрудничества Китая с Россией – «Северо-Восток КНР – Дальний Восток РФ» и «Река Янцзы – Волга» вовлечены провинции и города, а также Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Тяньцзинь и др. территории. Несмотря на большое число китайских провинций и городов, участвующих в развитии гуманитарного сотрудничества с Россией, на протяжении длительного периода времени они ведут деятельность разрозненно, что привело к ряду негативных факторов, таких как однородность сфер сотрудничества, отсутствие региональных особенностей, дефицит инноваций. К примеру, в развитии сотрудничества между Китаем и Россией в сфере «красного туризма» лидерство принадлежит провинции Хунань, тогда как провинции и города Северо-Востока Китая практически не участвуют в нем. Кроме того, эффект от совместного действия в рамках одной

[7] *Российско-Китайский комитет дружбы, мира и развития. URL: http://www.sinorussian21st.org/cn/commintro/6978/20150318/321191.html (дата обращения: 18.06.2022).*

[8] *Председатель Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития Борис Титов: «Диалог России и Китая с миром» – это исторический диалог. URL: https://pit.ifeng.com/c/7qihyMyr28m (дата обращения: 18.06.2022).*

провинции в развитии гуманитарного сотрудничества с Россией также весьма слабый. Например, Хэйлунцзян является ключевой провинцией в гуманитарном сотрудничестве с Россией, однако, за исключением Харбина и Суйфэньхэ, ее остальные города окружного значения и города, в которых функционируют пограничные переходы, осуществляют гуманитарное сотрудничество с регионами Дальнего Востока РФ лишь в некоторых областях, а города, в которых нет пограничных переходов, практически не участвуют в нем [Бай Сяогуан, 2017. С. 365].

Второе. Все еще имеются области, в которых гуманитарное сотрудничество слаборазвито. Ввиду ограничений культурной среды, число провинций и городов, участвующих в китайско-российском сотрудничестве в области права, защиты окружающей среды и кинематографии, относительно небольшое. К примеру, за исключением Суйфэньхэ, где создан Китайско-Российский центр юридических услуг, в других городах провинции Хэйлунцзян, в которых действуют пограничные переходы, практически нет проектов сотрудничества с Россией в правовой сфере.

Третье. Сотрудничество между народами двух стран требует дальнейшего укрепления. В обменах в гуманитарной области между народами Китая и России следует усилить ведущую роль правительства, поскольку гуманитарное сотрудничество без участия правительства, ввиду ограниченности человеческих и финансовых ресурсов, и политики, не могут поддерживаться на регулярной основе.

Недостаточно тесная связь с торгово-экономическим сотрудничеством. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в основном сосредоточено на укреплении двусторонних отношений и продвижении дружеских обменов, при этом пренебрегается роль экономической эффективности.

Во-первых, не заметен результат от продвижения гуманитарным сотрудничеством торгово-экономических проектов. Несмотря на то, что сотрудничество между Китаем и Россией развивается достаточно хорошо в некоторых гуманитарных сферах, таких как культура и искусство, туризм, образование, СМИ, издательское дело и др., это не привело к значительному улучшению китайско-российского сотрудничества в области индустрии культуры.

Во-вторых, необходимо усилить функциональность китайско-российских парков культурной индустрии. Парк культурной индустрии – это целостный промышленный кластер, в задачи которого входит продвижение китайско-российского гуманитарного сотрудничества и сотрудничества в сфере культурной индустрии. На сегодняшний день в провинциях Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь, Шэньси, Хэбэй, городах Пекин, Шанхай и др. существует около 20 китайско-российских технопарков креативных и культурных индустрий. Однако следует отметить, что в большинстве из них существуют проблемы: неэффективное управление, незначительная ведущая роль правительства, разрозненность ресурсов, слабый эффект промышленной кластеризации, отсутствие инноваций, нехватка рекламы и кадров, сильная тенденция к однородности и др. Данные проблемы затрудняют реализацию ими двойной эффективности – содействие двустороннему гуманитарному сотрудничеству и продвижение двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Слабая инновационная активность в отдельных сферах. Инновационность Китая и России в областях гуманитарного сотрудничества достаточно хорошая. К примеру, сотрудничество между двумя странами в сфере СМИ активно открывает новую эпоху сотрудничества в сфере цифровых и сетевых медиа, сотрудничество в сфере кино и в сфере аниме, происходит сращение научно-технического сотрудничества с молодежными обменами. Однако в традиционных сферах, таких как образование и туризм, процессы инновационной деятельности происходят достаточно сложно. Также регион «Северо-Восток КНР – Дальний Восток РФ» существенно отстает от региона «Янцзы-Волга» в плане инноваций в области гуманитарного сотрудничества. Возьмем, к при-

меру, сотрудничество в сфере туризма. Основными направлениями сотрудничества Северо-Востока Китая с Россией в области туризма являлись приграничные туры и шоппинг-туры, в последние годы предлагались лечебно-оздоровительные туры в Китай в санатории традиционной китайской медицины (туристы – в основном россияне с Дальнего Востока). Развитие районом «Янцзы-Волга» сотрудничества с Россией в сфере «красного туризма» привлекло к участию в данном проекте не только большое количество провинций и городов Китая, но и туристов со всей России. В гуманитарном сотрудничестве с Россией северо-восточному региону Китая в срочном порядке необходимо решить проблему слабой динамики инновационной активности.

Недостаточность систематизации соответствующих научных исследований. Сотрудничество Китая и России в гуманитарной области имеет долгую историю, у него есть много достижений, и оно представляет большое значение для двух стран. Между тем до сих пор не создано специализированное академическое учреждение, которое бы занималось изучением китайско-российского гуманитарного сотрудничества. Сегодня некоторые исследования в данной отрасли в основном проводятся китайскими научно-исследовательскими организациями по изучению Северо-Восточной Азии, России и стран Восточной Европы. Более того, достижения китайско-российского гуманитарного сотрудничества разрознены, отсутствует теоретическая поддержка, не сформирована самостоятельная отрасль научного знания. Также ввиду отсутствия специализированных исследовательских учреждений нет полноценной команды ученых и экспертов для проведения последующих исследований в области китайско-российского гуманитарного сотрудничества. Отсутствие систематических исследований оценивалось специалистами как одно из главных препятствий для дальнейшего углубления и развития российско-китайского гуманитарного сотрудничества и обмена [Го Ли, 2013. С. 4].

Начиная в 2020 г. эпидемия новой коронавирусной инфекции оказала серьезное влияние на китайско-российское гуманитарное сотрудничество. В этих условиях скорейшего решения требуют следующие проблемы: использование сетевых технологий и цифровых технологий в качестве инновационных моделей китайско-российского гуманитарного сотрудничества, открытие новых путей сотрудничества и др.

3. Перспективы российско-китайского гуманитарного сотрудничества

В условиях продвижения новых возможностей и вызовов гуманитарное сотрудничество России и Китая должно не только продолжать играть роль мощного ускорителя прагматического сотрудничества между двумя странами, но и стать катализатором углубленного развития отношений между ними в условиях эпидемии. В будущем его роль в стимулировании двустороннего экономического сотрудничества будет и дальше возрастать, а механизмы и области сотрудничества по-прежнему обновляться.

Первое. Гуманитарное сотрудничество России и Китая возьмет на себя новые миссии и обязанности. Культурный обмен между Россией и Китаем, особенно между регионами двух стран, будет играть особый эффект в достижении сердец людей, выполняя миссию строительства российско-китайских отношений, постоянно увеличивая чувство сопричастности и расширения контактов между народами двух стран, сближая сердца народов России и Китая, устраняя недопонимания и неправильные толкования, вызванные культурными различиями между двумя народами, энергично содействуя дальнейшему развитию всестороннего практического сотрудничества между Россией и Китаем, создавая более прочную гражданскую основу для сопряжения между Россией и Китаем Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Пояс и путь», активно играя образцовую роль во взаимном изучении человеческой цивилизации, а также поддерживая и стабилизируя мирное развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и даже всего мира. Особенно в условиях глобальной эпидемической ситуации культурный об-

мен и сотрудничество между Россией и Китаем может эффективно гарантировать политическое взаимное доверие между двумя странами, укреплять обмены и сотрудничество в области здравоохранения и обеспечивать совместную поддержку в глобальной эпидемической ситуации.

Второе. Чтобы способствовать развитию международного коммуникационного потенциала и рассказать историю Китая, сотрудничество между людьми из России и Китая также примет на себя миссию по развитию сотрудничества между странами-членами ШОС в сфере гуманитарных обменов, чтобы внести больший вклад в объединение сил России и Китая в построении прочного мира, всеобщей безопасности, общего процветания, открытого и инклюзивного, чистого и прекрасного мира. Это не только закладывает более долгосрочную и прочную основу для дружбы между Россией и Китаем, передающуюся из поколения в поколение, но также обеспечивает мощную поддержку для формирования в нынешней ситуации новых международных отношений и сообщества единой судьбы человечества.

Третье. Повышение мягкой силы национальной культуры является одной из целей внешних обменов Китая в новую эпоху. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество послужит катализатором для промышленного сотрудничества двух стран и сотрудничества в области кластеров промышленности, будет стимулировать диверсифицированное развитие модели китайско-российского инновационного сотрудничества и усилит культурную мягкую силу России и Китая. В июле 2014 г., когда главы двух государств встретились в Форталезе в Бразилии, они предложили развитие гуманитарного сотрудничества России и Китая от общих дружеских обменов к совместному образованию и совместному развитию культурных индустрий для усиления мягкой силы двух стран [Чан Юань, 2014]. Гуманитарное сотрудничество между Россией и Китаем должно не только решать проблемы сбалансированного и инновационного развития, но и способствовать развитию промышленного сотрудничества в сферах культуры, искусства, образования, туризма, спорта, молодежных обменов и биомедицины, особенно способствовать развитию индустрии культуры между Россией и Китаем. Кроме того, в новой ситуации Россия и Китай сосредоточат свои усилия на относительно слабых областях, таких как право, неофициальные контакты, наука и технологии, охрана окружающей среды и сотрудничество аналитических центров, и сделают их тесно интегрированными с китайско-российскими молодежными обменами с целью накопления сил и резервов талантов для гуманитарного сотрудничества между двумя странами.

Список источников:

1. Бай Сяогуан. Изучение ответных мер в гуманитарном сотрудничестве провинции Хэйлунцзян с Дальним Востоком России на фоне концепции «Пояс и путь» (Отчет о культурном развитии провинции Хэйлунцзян за 2016 г.). Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2017. С. 364–365.

2. Го Ли. История и реальность российско-китайского гуманитарного сотрудничества. Харбин: Издательство Хэйлунцзянского университета, 2013. С. 3–4.

3. Ронг И. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество продолжает углубляться // Жэньминь ежедневная газета, 08.02.2022. № 17.

4. У Сай, Чжан Цзяньхуа. Механизм российско-китайского гуманитарного сотрудничества в рамках концепции «Пояс и путь»: особенности, проблемы и альтернативы // Журнал Пекинского института образования, 2019. № 5. С. 36.

5. Цзян Сяоянь. Существующее положение и перспективы российско-китайского сотрудничества в области образования // Гуанмин ежедневная газета, 13.06.2019. № 14.

6. Чан Юань. Усиление мягкой силы: новая задача российско-китайского

гуманитарного сотрудничества // Гуанмин ежедневная газета, 28.11.2014. № 08.

7. Ян Лэй. О роли гуманитарного сотрудничества в построении российско-китайского партнерства // Журнал Северо-Восточной Азии, 2019. № 04. С.79.

8. Ян Цзиньсун. Сотрудничество в сфере туризма между Россией и Китаем требует новых действий в новую эпоху // Китайская туристическая газета, 10.06.2019. № 03.

References

1. Bai Xiaoguang. (2017) Exploring responses in Heilongjiang province's humanitarian cooperation with the Russian Far East against the backdrop of the «Belt and Road» concept (2016 Heilongjiang Provincial Cultural Development Report). Harbin: Heilongjiang People's Press: 364–365.

2. Guo Li. (2013) History and reality of Russian-Chinese humanitarian cooperation. Harbin: Heilongjiang University Press: 3–4.

3. Rong I. (2022) Sino-Russian humanitarian cooperation continues to deepen *Lyudi yezhednevnaya gazeta* [Renmin daily newspaper], 08.02. No. 17.

4. Wu Sai, Zhang Jianhua. (2019) The mechanism of Russian-Chinese humanitarian cooperation within the framework of the "Belt and Road" concept: features, problems and alternatives *Zhurnal Pekinskogo instituta obrazovaniya* [Journal of the Beijing Institute of Education]. No. 5: 36.

5. Jiang Xiaoyan. (2019) The current situation and prospects for Russian-Chinese cooperation in the field of education *Yarkiy yezhednevnaya gazeta* [Guangming Daily Newspaper]. 06/13. No. 14.

6. Chang Yuan. (2014) Strengthening Soft Power: A New Challenge for Russian-Chinese Humanitarian Cooperation *Yarkiy yezhednevnaya gazeta* [Guangming Daily Newspaper].11/28. No. 08.

7. Yang Lei. (2019) On the role of humanitarian cooperation in building Russian-Chinese partnership *Zhurnal Severo-Vostochnoy Azii* [Journal of Northeast Asia]. No. 04: 79.

8. Yang Jinsong. (2019) Cooperation in the field of tourism between Russia and China requires new actions in a new era *Kitayskaya turisticheskaya gazeta* [China Tourism Newspaper]. 06/10. No. 03.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 16.08.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication 16.08.2022.

Информация об авторе

Бай Сяогуан – научный сотрудник, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян

Information about the author

Xiaoguang Bai – researcher, the Institute of Russia of the Academy of Social Sciences of Heilongjiang Province China.

Научная статья
УДК 339.9(470:510)
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-53-61

Исследование трансграничного сотрудничества с Россией в Хэйлунцзянской пилотной зоне свободной торговли

Чу Ци
Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР, Харбин, КНР,
chuqim@126.com

Аннотация. *В августе 2019 г. государство одобрило создание пилотных зон свободной торговли в трех приграничных провинциях и регионах (Хэйлунцзян, Гуанси и Юньнань) с целью ускорения открытия границы посредством реформ и инноваций. Создание пилотной зоны свободной торговли вдоль границы имеет большое значение для Китая, так как позволяет создать новую высокую планку для открытости внешнему миру и способствует экономическому и социальному развитию приграничных районов в новую эпоху. Это также важная мера для страны по содействию строительству «Одного пояса, одного пути» и совершенствованию новой модели всеобъемлющей открытости Китая. Основываясь на опыте приграничного сотрудничества в других приграничных пилотных зонах свободной торговли, в данной статье рассматриваются конкретные меры, трудности развития и соответствующие предложения по выравниванию системы каналов международной торговли провинции в направлении России и Северо-Восточной Азии.*

Ключевые слова: *пилотная зона свободной торговли, торговля с Россией, трансграничное сотрудничество*

Для цитирования: Чу Ци. Исследование трансграничного сотрудничества с Россией в Хэйлунцзянской пилотной зоне свободной торговли // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 53–61. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-53-61

Study of the cross-border cooperation with Russia in the Heilongjiang pilot free trade zone

Chu Qi
The Institute of Russia of the Academy of Social Sciences, Harbin, China
chuqim@126.com

Abstract. *In August 2019 the state approved creation of the pilot free trade zones in three border provinces and regions (Heilongjiang, Guangxi and Yunnan) with the aim of accelerating opening of the border through the reforms and innovation. Creation of a pilot free trade zone along the border is of great importance for China, as it creates a new high bar for openness to the outside world and contributes to economic and social development of the border areas in a new era. It is also an important measure for the country to promote the construction of «One Belt, One Road» and improve the China's new model of comprehensive openness. Based on the experience of cross-border cooperation in the other border pilot free trade zones, this article discusses specific measures, development difficulties and relevant proposals for leveling the system of the province's international trade channels towards Russia and the North-Eastern Asia.*

Keywords: *pilot free trade zone; trade with Russia, cross-border cooperation*

For citation: Chu Qi. Study of the cross-border cooperation with Russia in the Heilongjiang pilot free trade zone // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 53–61. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-53-61

Введение

В августе 2019 г. государство утвердило создание Хэйлунцзянской пилотной зоны свободной торговли с целью повышения качества открытости вдоль границы и повышения уровня международного сотрудничества посредством реформ и инноваций. Создание пилотной зоны свободной торговли имеет огромное значение для провинции Хэйлунцзян, поскольку позволяет достичь новый уровень открытости внешнему миру и способствует развитию приграничных районов и росту благосостояния населения в новую эпоху. Это также ключевая мера для страны в построении новой модели всеобъемлющей открытости.

1. Создание и развитие Хэйлунцзянской пилотной зоны свободной торговли

Уточнение позиционирования «открытия на север». 30 августа 2019 года состоялось торжественное открытие Китайской (Хэйлунцзянской) пилотной зоны свободной торговли (далее – Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли). Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли разделена на три зоны: Суйфэньхэский район, Хэйхэский район и Харбинский район. Цель развития Хэйлунцзянской пилотной зоны свободной торговли основана на институциональных инновациях, эффективном повышении уровня и качества открытости на север, решении проблемы нерациональной промышленной структуры и постоянном углублении регионального сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией.

Дифференцированная планировка районов. Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли ориентирована на создание центра регионального сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией с учетом фактической ситуации в провинции, ее ресурсообеспеченность и промышленную базу, а также соответствие принципу дифференцированного развития и научного определения направлений развития ключевых отраслей в каждом районе. Опираясь на благоприятные условия центрального города, Харбинский район сосредоточен на развитии новых материалов, информационных технологий, биомедицины и других развивающихся отраслей. Суйфэньхэский район, примыкающий к Дальнему Востоку России, богатому лесными ресурсами и имеющему широкие перспективы развития ветроэнергетики [Санеев, 2021], ориентируется на развитие импорта экологически чистой энергии, деревообрабатывающей промышленности, современной логистики, цифровых финансов и другие сферы услуг. Используя преимущества географической близости к Амурской области, которая является важным зернопроизводящим регионом на востоке России и имеет прочную основу для нефтеперерабатывающей и аэрокосмической промышленности, Хэйхэский район сосредоточен на развитии таких отраслей, как производство экологически чистых продуктов питания, переработка и использование энергии, современная логистика и приграничные финансовые услуги. Придерживаясь дифференцированного функционального позиционирования, три района могут не только достичь взаимодополняемости в региональной экономике, но и помочь при этом предотвратить повторяющуюся конкуренцию.

Выдающиеся достижения в области институциональных инноваций. По состоянию на август 2021 г. среди трех пилотных зон свободной торговли в провинциях Хэйлунцзян, Юньнань и Гуанси Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли первой реализовала общий план. Провинция Хэйлунцзян активно внедряет национальный пилотный опыт реформ, при этом коэффициент тиражирования первых шести партий пилотного опыта реформ превышает 93%. Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли активно продвигает создание коммерческой системы, эффективно упрощает процесс административного утверждения и реализует полный охват реформы «разделения лицензий» в трех

районах. За два года после создания Хэйлунцзянской пилотной зоны свободной торговли было создано более 200 институциональных инновационных достижений. Среди них 67 примеров инноваций с российской спецификой, а «инновации в строительстве российско-китайского трансграничного кластера» были выбраны в качестве четвертой партии национальных примеров лучшей практики в пилотной зоне свободной торговли[1].

2. Провинция Хэйлунцзян продолжает инновационную модель сотрудничества с Россией

Начиная с 1990-х гг., благодаря стабильному развитию российско-китайских отношений, провинция Хэйлунцзян продолжает расширять формат сотрудничества с Россией: за более чем 30 лет от первоначальной разрозненной бартерной торговли до строительства зоны приграничного экономического сотрудничества и приграничной торговой зоны, затем постепенно расширилась до строительства комплексной бондовой зоны, приграничной пилотной зоны ключевого развития и открытости и трансграничной пилотной зоны всеобъемлющей электронной коммерции. Эти форматы сотрудничества как исторически связаны, так и отличаются от пилотной зоны свободной торговли по функциям (табл. 1).

Зона приграничного экономического сотрудничества, впервые созданная в Хэйхэ и Суйфэньхэ, является зоной приграничного экономического сотрудничества национального уровня, ориентированной на развитие экономического и торгового сотрудничества с Россией и экспортно-ориентированных отраслей промышленности. В основном она использует два рынка и ресурсы внутри страны и за рубежом для развития собственной особой экономики с конкурентными преимуществами, расширения сотрудничества и обменов с соседними странами, создания точек экономического роста в зоне приграничного сотрудничества, поддержания национального единства и социальной стабильности в приграничных районах.

Создание приграничной торговой зоны является попыткой и прорывом в торговле между приграничными жителями России и Китая. Приграничная торговля превратилась в незаменимую форму торговли, обладающую преимуществами гибкости сделок и простоты операций, и является эффективным средством продвижения углубленного сотрудничества между Россией и Китаем.

Создание Харбинской комплексной зоны свободной торговли является важной инициативой провинции Хэйлунцзян по углублению торговли с Россией. На основе развития приграничной зоны экономического сотрудничества и приграничной торговой зоны для пограничного населения появилась комплексная бондовая зона. Комплексная бондовая зона является одной из специальных зон, утвержденных Государственным советом и контролируемых таможней, основными функциями которой являются таможенная обработка, таможенное складирование, международная торговля и демонстрация товаров. Комплексная бондовая зона была разработана на основе опыта мировых зон свободной торговли в сочетании с собственными характеристиками Китая, что заложило основу для создания пилотной зоны свободной торговли провинции Хэйлунцзян.

Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли была создана для достижения более высокой степени свободной торговли с Россией и странами Северо-Восточной Азии на основе накопленного опыта в развитии комплексных бондовых зон.

Три города в провинции Хэйлунцзян, в которых создана пилотная зона комплексной трансграничной электронной коммерции, являются третьей, четвертой и пятой партиями городов, выбранных для раннего и пилотного внедрения комплексного характера трансграничной электронной коммерции, утвержденного государством, а также городами, в которых расположены три района пилотной зоны свободной торговли провинции Хэйлунцзян. На нынешнем этапе основной задачей комплексной пилотной зоны является продвижение комплексных

[1] *Это «благодатная почва»! Это «сокровищница»! Это Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли. URL: http://sswt.hlj.gov.cn/index/show.html?id=8697*

Таблица 1

Инновации в модели сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией (1992–2022 гг.)

Наименование	Район	Время создания	Локализация функций
Зона приграничного экономического сотрудничества	Суйфэньхэ	Март 1992 г.	Развитие выгодной экономики с особыми характеристиками, повышение уровня открытости, расширение сотрудничества и обменов с соседними странами, создание приграничных точек экономического роста, содействие национальному единству и социальной стабильности в приграничных районах
	Хэйхэ	Март 1992 г.	Окно для открытия внешнего мира, бренд торгово-экономического сотрудничества, пионер в реформах и инновациях, платформа для привлечения инвестиций, а также планировщик, организатор и поставщик услуг для строительства крупных проектов
Приграничная торговая зона	Хэйхэ	Основана в марте 1997 г.; расширена в 2004 г.	Связующее звено, посредник и плацдарм между внутренним и международным рынками; содействие новым прорывам в приграничной торговле
	Суйфэньхэ	Май 1997 г.	Сосредоточение на развитии международной торговли, центральное место в которой занимают инвестиции, осуществление комплексного развития торговли, выставок, туризма, финансов, переработки и логистики
Комплексная бондовая зона	Суйфэньхэ	Апрель 2009 г.	Международный транзит, международная дистрибуция, международные закупки, реэкспортная торговля, выставка и продажа товаров, обработка импорта и экспорта и другие функции
	Харбин	Декабрь 2014 г.	Взаимодействие с прилегающим внутренним портом Харбина и станцией железнодорожного контейнерного центра для обеспечения удобного и беспрепятственного доступа к международному логистическому каналу Харбина
Приграничная пилотная зона ключевого развития и открытости	Суйфэньхэ-Дуннин	Апрель 2016 г.	Продвижение инфраструктурных связей, углубление инвестиционного и торгового сотрудничества, развитие отраслей с характерными преимуществами, стремление стать важной платформой для стратегического сотрудничества между Россией и Китаем и открытого сотрудничества в Северо-Восточной Азии, а также комплексным транспортным узлом, связывающим Дальний Восток России и Китай
Экспериментальная зона свободной торговли	Харбин	Август 2019 г.	Создание опорной платформы для сотрудничества с Россией и Северо-Восточной Азией и национального логистического узла, создание полюса роста и демонстрационной площадки для возрождения и развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России
	Хэйхэ	Август 2019 г.	Создание трансграничных промышленных кластеров и демонстрационных зон сотрудничества приграничных городов, а также создание логистических центров приграничных портов и баз для российско-китайских обменов и сотрудничества
	Суйфэньхэ	Август 2019 г.	Строительство национального логистического хаба для хранения, переработки и распределения импорта и экспорта товаров и центров пересечения границ с целью создания платформы для стратегического сотрудничества между Россией и Китаем и открытого сотрудничества в Северо-Восточной Азии
Трансграничная пилотная зона всеобъемлющей электронной коммерции	Харбин	Июль 2018 г.	Инвестирование в раннее и экспериментальное внедрение технических стандартов, бизнес-процессов, моделей регулирования и построения информационных технологий в трансграничной электронной коммерции в режиме взаимодействия «бизнес для бизнеса» (B2B), чтобы изучить новый опыт и практику для содействия здоровому развитию трансграничной электронной коммерции в масштабах страны
	Суйфэньхэ	Декабрь 2019 г.	
	Хэйхэ	апрель 2020 г.	

экспериментов в трансграничной электронной коммерции с целью будущего совместного развития с зоной свободной торговли, в конечном счете достижения эффективного сочетания внутреннего и внешнего спроса, внутреннего и зарубежного, виртуального и реального.

3. Уроки, которые можно извлечь из опыта соответствующих пилотных зон свободной торговли

Принципом Хэйлунцзянской пилотной зоны свободной торговли в начале ее создания была воспроизводимость и расширяемость системы, использование опыта развития других пилотных зон свободной торговли и объединение сильных и слабых сторон провинции для создания нового уровня для открытия провинции внешнему миру.

Копирование и изучение опыта развития «передовой» пилотной зоны свободной торговли. Шанхайская пилотная зона свободной торговли является первой зоной свободной торговли, построенной в Китае, и после многих лет строительства и развития она оказалась эффективной в продвижении ряда систем, которые могут быть воспроизведены по всей стране. В центре внимания провинции находятся инновации системы регулирования Шанхайской пилотной зоны свободной торговли, инновации государственного управления и укрепление создания системы «единого окна».

Что касается инноваций в системе регулирования, то основное внимание уделяется ускорению трансформации государственных функций и повышению уровня государственных услуг. Шанхайская пилотная зона свободной торговли продвигает инновационную систему регулирования, которая включает «либерализацию первой линии, контроль второй линии и свободу внутри зоны». При этом таможня, инспекция и карантин в зоне совместно осуществляют «одно декларирование, один досмотр и один выпуск».

С точки зрения инноваций в государственном управлении, основное внимание уделяется переходу с акцента на утверждение к акценту на регулирование. Шанхайская пилотная зона свободной торговли сместила акцент с предварительного одобрения на надзор в процессе и после мероприятия, усилив надзор и последующее управление участниками рынка после их «широкого ввоза». Преобразование функций правительства и улучшение государственных услуг путем создания ряда институциональных рамок, таких как проверка безопасности, борьба с монополией, создание полного обмена информацией и комплексного правоприменения.

Усиление конструкции «единого окна». «Единое окно» является единой платформой для интеграции таможни, товарной инспекции, карантина и других функциональных отделов, с помощью которой стороны, участвующие в международной торговле и трансграничных перевозках, могут завершить декларирование и утверждение, представив соответствующие документы и данные один раз. В настоящее время объем импортно-экспортных операций через «единое окно» Шанхайской зоны свободной торговли является крупнейшим в мире.

Активное изучение опыта приграничного сотрудничества в «той же партии» приграничных пилотных зон свободной торговли. 30 августа 2019 года были официально открыты две пилотные зоны приграничной свободной торговли в провинциях Юньнань и Гуанси. Несмотря на влияние COVID-19, объем внешней торговли соответствующей пилотной зоны свободной торговли все же в определенной степени увеличился.

Опыт провинции Юньнань. По состоянию на сентябрь 2021 года Юньнаньская пилотная зона свободной торговли осуществила внешнеторговый импорт и экспорт на сумму 178,07 млрд юаней, что составляет 30,8% от внешнеторгового импорта и экспорта провинции за тот же период. Наиболее отличительной особенностью пилотной зоны свободной торговли Юньнань, как одной из первых приграничных зон свободной торговли, является то, что она находится «вдоль границы», а наиболее отличительной особенностью — ее «трансграничность» [Китайская пилотная зона…, 2021]. В сфере трансграничной торговли была внедрена сторонняя модель системы отслеживания трансграничных сельскохозяйственных и побочных продуктов, а также продуктов питания. Создав стороннюю информационную платформу для отслеживания, район Хунхэ добился прослеживаемости качества, направления потока и ответственности за импорт сель-

скохозяйственной продукции из соседних стран, оптимизировал процесс проверки и карантина, повысил удобство двусторонней торговли сельскохозяйственной продукцией и обеспечил качество и безопасность импортной сельскохозяйственной продукции [Китайская пилотная зона…, 2021]. Что касается трансграничной электронной коммерции, провинция Юньнань ускорила продвижение моделей прямого экспорта трансграничной электронной коммерции между предприятиями (B2B) и надзора за зарубежными складами, а также сформулировала политику поддержки [Юньнань…, 2022]. Кроме того, Юньнаньская пилотная зона свободной торговли продолжает совершенствовать функции провинциальной платформы общественного обслуживания трансграничной электронной коммерции и автономного промышленного парка трансграничной электронной коммерции для создания новой бизнес-модели, связывающей трансграничную электронную коммерцию в Южной и Юго-Восточной Азии.

Опыт провинции Гуанси. В 2021 г. общий объем импорта и экспорта Пилотной зоны свободной торговли провинции Гуанси составил 593,06 млрд юаней, что на 22,2% больше, чем в предыдущем году. Объем приграничной торговли составил 149,13 млрд юаней, что на 5,9% больше, чем в предыдущем году [Основные моменты…, 2021]. Главной особенностью Пилотной зоны свободной торговли провинции Гуанси является выделение новой модели приграничного сотрудничества, акцент на всесторонней открытости и сотрудничестве в приграничных районах, а также продвижение инновационных реформ, таких как приграничная торговля, трансграничная логистика, трансграничное финансирование, трансграничный туризм и трансграничное трудовое сотрудничество. Во время эпидемии коронавирусной инфекции провинция Гуанси оптимизировала соответствующую систему и политику трансграничной торговли, создала логистический канал трансграничной электронной коммерции в открытом море для мультимодальных перевозок и экспорта с системой для обеспечения эффективности, внедрила мультимодальный вид транспорта от дороги до моря и экспортировала товары трансграничной электронной коммерции через новый западный сухопутный и морской канал.

4. Вопросы трансграничного сотрудничества в Хэйлунцзянской пилотной зоне свободной торговли

Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли – одна из первых приграничных зон свободной торговли, созданных в Китае. Разбор и анализ текущих проблем торговли, финансов и логистики в приграничном сотрудничестве способствует лучшей оптимизации и корректировке программы сотрудничества, неуклонному научному содействию строительству пилотной зоны свободной торговли и открытию канала международной торговли, обращенного в направлении России и Северо-Восточной Азии.

Вопросы трансграничной торговли. В настоящее время структура трансграничной торговли между провинцией Хэйлунцзян и Россией требует совершенствования. Большая часть нашего импорта из России – это сырьевые товары, такие как ресурсы, энергия и сырье, а экспорт – это продукция легкой промышленности с низкой добавленной стоимостью, например, одежда, обувь и головные уборы. Большая часть продукции с высокой добавленной стоимостью отправляется через провинцию в Россию или другие внутренние регионы для транзитной торговли, и очень мало трансграничной торговли действительно приносит высокую добавленную стоимость в провинцию. Модель трансграничной электронной коммерции, которая в настоящее время является самой быстрорастущей, перспективной и мощной движущей силой, также сталкивается с множеством проблем. Прежде всего, платформа трансграничной электронной коммерции провинции не является сильной с точки зрения комплексной конкурентоспособности. Хэйлунцзянская платформа электронной коммерции Come365 гораздо менее известна и имеет гораздо меньшую долю рынка в России, чем главные бренды электронной коммерции, такие как AliExpress компании Alibaba [Линь Лэи, Лю Сяньюй, 2018]. Во-вторых, в России ощущается нехватка профессиональных кадров в области трансграничной электронной коммерции. В условиях стремительного развития новой индустрии трансграничной электронной коммерции отсутствие многопрофильных специалистов, понимающих русский язык

и знакомых с процессом трансграничной электронной коммерции, таким как организация и функционирование логистики, сетевой маркетинг и таможенное оформление, напрямую повлияло на развитие трансграничной электронной коммерции в нашей провинции.

Трансграничные финансовые вопросы. В апреле 2022 г. США и ряд других стран объявили о санкциях против России в рамках SWIFT (Societyfor Worldwide Interbank Financial Telecommunication – Сообщество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций), которые запретили некоторым российским банкам использовать систему международных расчетов SWIFT. Частичное отключение SWIFT, естественно, больше всего ударит по России, а также окажет влияние на все страны, с которыми у России есть торговые и финансовые отношения. Россию и Китай связывают тесные экономические и торговые связи: по данным Министерства коммерции, объем российско-китайской торговли товарами в 2021 г. достиг 146,87 млрд долларов США, превысив 100 млрд долларов США четвертый год подряд. В настоящее время доля юаневых платежей в глобальных платежах невелика, и китайская международная платежная система CIPS пока не в состоянии заменить систему SWIFT. Хотя Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли имеет фундамент для ведения бизнеса по расчетам по счетам нерезидента (NRA), трансграничным юаневым прямым иностранным инвестициям (FDI) и исходящим прямым инвестициям (ODI) бизнеса в Россию, он недостаточно велик для своевременного ведения трансграничного финансового бизнеса. Несовершенная система трансграничного финансового надзора и отсутствие комплексных трансграничных финансовых услуг также являются реальными проблемами, с которыми сталкивается нынешнее трансграничное финансовое сотрудничество провинции.

Вопросы трансграничной логистики. Трансграничная логистика относится к процессу реализации и контроля управления эффективным потоком и хранением физических товаров и информации с обеих сторон таможенной границы в качестве конечной точки. Возможности трансграничной логистики оказывают глубокое влияние на конкурентоспособность региональной международной торговли [Го Цзя, Ян Хуэйин, 2020]. В настоящее время среди проблем, с которыми сталкивается трансграничная логистика в Хэйлунцзянской пилотной зоне свободной торговли, первая заключается в том, что уровень модернизации и информатизации трансграничной логистики невысок, а строительство платформ логистических услуг не налажено. Логистическая информация между разными странами и разными узлами не может быть эффективно интегрирована и связана, не может своевременно и эффективно отслеживаться. Во-вторых, функция портового логистического узла не является достаточно сильной. В провинции Хэйлунцзян много портов, и большинство из них является сухопутными приграничными портами. Из-за широкого распространения, неравномерных инвестиций в строительство и неравномерного развития большинство портов еще не достигло безбумажной таможенной очистки, а сервисные возможности недостаточны. В-третьих, стоимость трансграничной логистики в Россию высока. Процесс логистической транспортировки в Россию слишком длителен, а стоимость хранения высока, что, несомненно, увеличивает влияние на издержки предприятий.

5. Контрмеры и предложения по ускорению трансграничного сотрудничества в Хэйлунцзянской пилотной зоне свободной торговли

Ускорение упрощения процедур трансграничной торговли: опираясь на опыт развития «единого окна» в Шанхайской пилотной зоне свободной торговли, усилить строительство «единого окна» в провинции Хэйлунцзян; расширить «единое окно» на всю цепочку и играть роль в большем количестве звеньев; используя информационные технологии, активно продвигать комплексное применение системы электронного правительства, уточнять управленческие обязанности каждого отдела, оптимизировать процесс обслуживания и повышать эффективность работы; постоянно совершенствовать соответствующие политики и правила для интеграции пересечения обязанностей, дублирования и обмена информацией между различными функциональными отделами «единого

окна»; использовать Интернет-технологии для создания электронного порта для предоставления услуг предприятиям и улучшения содействия торговле в пилотной зоне свободной торговли.

Усиление общего развития трансграничных отраслей промышленности: улучшить единую структуру приграничной торговли между провинцией Хэйлунцзян и Россией; выполнить переход от импорта и экспорта продукции с низкой добавленной стоимостью, такой как сырье и продукция легкой промышленности, к торговле высокотехнологичной продукцией с высокой добавленной стоимостью; активно расширять развитие проектов научно-технического сотрудничества с Россией. Правительство возьмет на себя ведущую роль в организации сотрудничества в Свободном порту и территориях опережающего развития Дальнего Востока, создаст совместный российско-китайский центр инкубации научно-технической промышленности и российско-китайский центр научно-технического сотрудничества и обмена.

Активизация усилий по поддержке и развитию предприятий трансграничной электронной коммерции: изучение возможности создания трансграничного промышленного парка электронной коммерции и новой модели бартерной торговли, соединяющей торговлю мелкими товарами с торговлей крупными товарами; ускорение модели компоновки «связи нескольких складов» «зарубежный склад + пограничный склад + таможенный склад»; ускорение строительства и полного применения цифровой инфраструктуры, такой как сети 5G и центры обработки данных, и содействие глубокой интеграции Интернет-технологий с трансграничной электронной коммерцией.

Содействие модернизации трансграничной логистической отрасли. В целях более эффективного продвижения экономических и торговых обменов между двумя сторонами платформа обмена логистической информацией может быть построена с помощью Интернет-технологий и больших данных для улучшения цифровых технологий в сфере логистики. Кроме того, с помощью облачных вычислений, искусственного интеллекта и других информационных технологий необходимо оптимизировать методы логистики, преодолеть информационный барьер и улучшить своевременность логистики, как это разрешено политикой и правилами обеих сторон. Ссылаясь на опыт различных видов трансграничных перевозок в Пилотной зоне свободной торговли провинции Гуанси, необходимо внедрять инновации и развивать способы транспортировки и логистики, подходящие для самой северной зоны свободной торговли.

Содействие внедрению и обучению специалистов в пилотной зоне свободной торговли. Необходимо активизировать усилия по внедрению ведущих специалистов трансграничной электронной коммерции, созданию провинциального рынка высококвалифицированных кадров трансграничной электронной коммерции и базы обмена профессиональными кадрами, привлечению и обучению команд профессиональных талантов, а также поощрению китайских и иностранных экспертов электронной коммерции и высокотехнологичного персонала к поиску работы в провинции Хэйлунцзян. В то же время необходимо активизировать подготовку местных специалистов по внешней торговле, поощрять вузы провинции Хэйлунцзян к открытию специальностей по внешней торговле, добавлению специальностей по деловому иностранному языку и организации профессионального бизнес-обучения для внешнеторговых предприятий и соответствующего персонала. В то же время правительство должно объединиться с внешнеторговыми предприятиями для введения ряда благоприятных политик для привлечения и удержания талантов и решения проблемы утечки мозгов.

Список источников:

1. Санеев Б. Г. Китайские факторы энергетической стратегии России на восток, перевод Лю Цзяньнань // Сибирские исследования, 2021, выпуск 6.

2. Китайская (Юньнаньская) пилотная зона свободной торговли пишет новую экзаменационную работу по открытию трансграничной зоны вдоль границы // Сайт Народного правительства провинции Юньнань. 20 ноября 2021 г. URL: https://

mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI0ODM4MDU1MQ==&mid=2247600485&idx=3&sn=2fa135

3. Юньнань создает новую трансграничную экосистему электронной коммерции, связывающую Южную Азию и Юго-Восточную Азию, 22 марта 2022 г. «Единое окно» Китайской (Юньнаньской) международной торговли (singlewindow.cn). URL: https://dknews.kz/ru/xinhua/227072-yunnan-sozdaet-transgranichnuyu-ekosistemu

4. Основные моменты импорта и экспорта Гуанси разнообразны, а его импорт и экспорт в другие страны-члены ВРЭП в 2021 году составляют 320,91 млрд юаней // Веб-сайт Пилотной зоны свободной торговли Китая (Гуанси). URL: http://gxftz.gxzf.gov.cn/index.php?case=archive&act=show&aid=2841

5. Линь Лэи, Лю Сяньюй. Проблемы и контрмеры трансграничного экспорта электронной коммерции провинции Хэйлунцзян в Россию // Региональная экономика, январь 2018 г.

6. Го Цзя, Ян Хуэйин. Развитие трансграничной логистики в Хэйлунцзянской зоне свободной торговли // Коммерческая экономика, 2020 г., выпуск 10.

References:

1. Saneev B. G. (2021) Chinese factors of Russia's energy strategy to the east, translated by Liu Jiannan Sibirskiye issledovaniya [Siberian Research]. Issue 6.

2. China (Yunnan) Pilot Free Trade Zone writes a new examination paper on opening a cross-border zone along the border Sayt Narodnogo pravitel'stva provintsii Yun'nan' [Website of the People's Government of Yunnan Province]. November 20, 2021 URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI0ODM4MDU1MQ==&mid=2247600485&idx=3&sn=2fa135

3. Yunnan builds a new cross-border e-commerce ecosystem linking South Asia and Southeast Asia, March 22, 2022 China (Yunnan) International Trade Single Window (singlewindow.cn). URL: https://dknews.kz/ru/xinhua/227072-yunnan-sozdaet-transgranichnuyu-ekosistemu

4. The highlights of Guangxi's imports and exports are diverse, and its imports and exports to other RCEP countries in 2021 are 320.91 billion yuan Veb-sayt Pilotnoy zony svobodnoy torgovli Kitaya (Guansi) [China Pilot Free Trade Zone (Guangxi) website]. URL: http://gxftz.gxzf.gov.cn/index.php?case=archive&act=show&aid=2841

5. Lin Lei, Liu Xianyu. (2018) Problems and countermeasures of cross-border e-commerce exports from Heilongjiang Province to Russia Regional'naya ekonomika [Regional Economics]. No. 1.

6. Guo Jia, Yang Huiying. (2020) Development of cross-border logistics in the Heilongjiang Free Trade Zone Kommercheskaya ekonomika [Commercial Economics]. Issue 10.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторе

Чу Ци – помощник научного сотрудника, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР.

Information about the author

Chu Qi – assistant researcher, the Institute of Russia of the Academy of Social Sciences of Heilongjiang Province China.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 338.47(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-62-70

Изменение потребностей экономики Дальнего Востока в транспортных услугах

Анна Борисовна Бардаль
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
Bardal@ecrin.ru

Аннотация. *Формирование транспортного комплекса, отвечающего потребностям экономики Дальнего Востока, всегда было одним из важных направлений научных исследований. На современном этапе актуальность данного вопроса сохраняется, обретая особую значимость вследствие модификации внешних и внутренних условий функционирования макрорегиона. Однако текущее состояние является результатом генезиса взаимоотношений транспортно-экономической системы на протяжении длительного периода. Предметом статьи является взаимосвязь развития экономики и транспортного комплекса в макрорегионе. Цель работы – рассмотреть динамику изменения потребностей экономики Дальнего Востока в транспортных услугах. В процессе хозяйственного освоения востока России менялась структура экономики, ее масштабы, пространственные и технологические характеристики, система экономических взаимодействий в рамках страны и за ее пределами. Эти изменения происходили с учетом объема выделяемых централизованных ресурсов, определяемого целями и задачами государства, реализуемыми в конкретный период времени. Происходящие процессы развития экономики требовали адекватного транспортного обслуживания. Создаваемые на востоке России хозяйственные комплексы и отрасли формировали потребности в развитии транспортной инфраструктуры данной территории для доступа к природным и трудовым ресурсам, обеспечения надежных поставок в рамках системы межрегиональных кооперационных связей, а также перемещения готовой продукции к потребителям. На современном этапе выделяются новые условия развития экономики Дальнего Востока, отражающиеся на изменении требований к транспорту: трансформация масштабов и направлений внешнеэкономических связей, повышение оценок полезности фактора мобильности населения, формирование новых стратегических ориентиров для социально-экономической системы. Важно своевременно скорректировать развитие транспортного комплекса для минимизации рисков ограничения транспортного обеспечения экономики макрорегиона.*

Ключевые слова: *Дальний Восток России, транспортный комплекс, экономика региона, транспортная инфраструктура*

Для цитирования: Бардаль А. Б. Изменение потребностей экономики Дальнего Востока в транспортных услугах // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 62–70. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-62-70

Change in the needs of the Far-Eastern economy for transport services

Anna B. Bardal
The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
Bardal@ecrin.ru

Abstract. *Formation of the transport complex that meets the needs of the economy of the Far East has always been an important area of scientific research. At the present stage, the relevance of this issue remains, acquiring special significance due to the modification of external and internal conditions for the functioning of the macro-region. However, the current state is the result of the genesis of the relationship of the transport and economic system over a long period. The subject of the article is the relationship between the development of the economy and the transport complex in the macro-region. The purpose of the work is to consider the dynamics of changes in the needs of the economy of the Far East in transport services. In the process of economic development of the east of Russia, the structure of the economy, its scale, spatial and technological characteristics, the system of economic interactions within the country and beyond its borders changed. Changes in the economy took place with the use of allocated centralized resources, the scale of which was determined by the goals and objectives of the state in a particular period of time. The processes of development of the economy of the Far East required adequate transport services. The economic complexes and industries being created in the east of Russia formed the need for the development of transport infrastructure for access to deposits of natural resources, to labor resources, to ensure reliable supplies within the framework of the system of interregional and inter-republican cooperative ties, as well as to move finished products to consumers. At the present stage, new conditions for development of the economy of the Far East are highlighted, which are reflected in the changing requirements for transport, such as: the transformation of the scale and directions of foreign economic relations, an increase in the assessment of the usefulness of the factor of population mobility, the formation of new strategic guidelines for the socio-economic system. To minimize the risks of limiting the transport support of the economy of the macro-region, it is important to correct the development of the transport complex in a timely manner.*

Keywords: *the Russian Far East, transport accessibility, transport complex, regional economy, transport infrastructure*

For citation: Bardal A. B. Change in the needs of the Far-Eastern economy for transport services // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 62–70. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-62-70

Введение

Разреженность и фрагментарность экономического пространства Дальнего Востока рассматриваются как его ключевые характеристики в исследованиях по вопросам освоения региона [Минакир, 2014; Бакланов, 2011]. Неравномерность хозяйственной деятельности выступает следствием естественных исторических процессов освоения, большой площади, сложных природно-климатических факторов, не способствующих организации постоянного проживания населения на большей части территории и определяющих повышенные затраты ведения хозяйства. Развитие транспорта изменяет характеристики экономического пространства за счет обеспечения физической доступности территорий, изменения интенсивности экономических процессов, удельных затрат через «сжатие» расстояния и сокращение времени достижения определенных точек пространства [Безруков, 2010].

Функционирование транспортного комплекса Дальнего Востока на про-

тяжении всей истории хозяйственного освоения региона выполняет не только традиционные функции: изменение пространственного положения товаров и людей, устранение пространственных разрывов между производством и потребителями, обеспечение доступа к ресурсам, создание условий освоения новых территорий, но выступает системообразующим компонентом в экономическом пространстве региона, формирует экономическое пространство и влияет на основные характеристики хозяйственной деятельности.

Цель работы – рассмотреть процесс изменения потребностей в транспортных услугах для развития экономики Дальнего Востока.

Динамика транспортно-экономического пространства Дальнего Востока[1]: краткая ретроспектива

К началу XX в. очаги освоения, сформированные на территории Дальнего Востока, были расположены в южных и восточных районах, жестко привязаны к транспортной инфраструктуре: морской порт Владивосток, Уссурийская железная дорога, Амурская железная дорога, морской порт Охотск. Объекты транспортного комплекса – порты, дороги – выступали опорными пунктами развития хозяйственной деятельности в регионе, а также важными элементами в поддержании внешнеэкономических связей региона, тесно интегрированного в международные торговые взаимодействия со странами Азии. В целом экономика Дальнего Востока, в связи с фактической недоступностью внутренних рынков западных и центральных районов страны, была ориентирована на внешние рынки.

Учитывая необходимость развития транспортных сетей, процесс хозяйственного освоения территории Дальнего Востока во многих случаях начинался со строительства дорог и портов. Именно при строительстве инфраструктуры часто осуществлялось комплексное изучение территории. Так, в зоне Транссибирской магистрали в процессе подготовки и строительства дороги были проведены систематические геологические и гидрографические изыскания. Информация об обнаруженных в результате месторождениях полезных ископаемых (каменный и бурый уголь, железная руда, строительные минералы) была использована при разработке перспективных планов хозяйственного освоения.

В свою очередь, создаваемые объекты транспортного комплекса нуждались в топливе: уголь, нефть (бензин, керосин, мазут, лигроин и пр. нефтепродукты) для железнодорожного и морского транспорта, включая военный флот. Соответственно, в т. ч. для обеспечения нужд транспорта, разрабатывались угольные (Приморье, Сахалин) и нефтяные месторождения (с 1928 г. велась промышленная добыча на Охинском и Эхабинском месторождениях о. Сахалин), был построен нефтепровод Оха – залив Байкал и железная дорога Оха – Москальво.

В 1930-е годы проекты организации экономического пространства Дальнего Востока формировались в противостоянии позиций Госплана СССР и Дальревкома. Специалисты Госплана считали, что «Дальний Восток самостоятельно не может служить опорной базой Союза в Восточной Азии» [Дубинина, 2011. С. 114], а производственные связи региона с народнохозяйственным комплексом в перспективе будут оставаться слабыми. Эксперты Дальревкома в противовес отстаивали наличие существенного ресурсного потенциала территории (запасы древесины, угля, нефти, железа, золота, серебра, свинцовых руд, вольфрама, молибдена, висмута, радиоактивных руд и самоцветных камней) и необходимость активных действий по преобразованию хозяйства в сочетании с колонизацией. В Дальревкоме был разработан проект Плана социально-экономического развития Дальневосточного края на период 1925–1935 гг., согласно которому региону требовались масштабные инвестиции в размере 256 млн руб., в т. ч. 20% – в развитие промышленности, 20% – в сель-

[1] *В ретроспективе рассматривается территория, условно соотносимая с современным контуром ДФО, имевшая различное административное оформление (Дальневосточная республика, Дальневосточная область, Дальневосточный край и др.).*

ское хозяйство и колонизацию, 60% – в развитие транспортной инфраструктуры [Дубинина, 2011. С. 117].

Планы государства по развитию хозяйственной деятельности на Дальнем Востоке были напрямую связаны с опережающим решением проблемы транспортной доступности. Так, Н. Н. Колосовский, представляя варианты отраслевых и пространственных приоритетов в регионе, отмечал, что в них «намеренно выделены на первое место транспортные вопросы, ибо разрешение их определяет возможность правильной последовательности в развертывании всего хозяйства Дальнего Востока» [Колосовский, 2008]. С учетом природных факторов и наличных экономических условий ученый предлагал в период до 1940-х гг. формирование перспективных «областей хозяйства» в регионе (табл. 1).

В условиях ограниченных материальных и финансовых ресурсов государства продолжалась реализация концепции очагового освоения экономического пространства Дальнего Востока. Для получения максимального экономического результата первоначально в оборот вовлекались самые эффективные ресурсы региона, в отношении которых была сформирована высокая потребность хозяйственного комплекса европейских районов и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В качестве отраслей специализации развивались рыбная, лесная, цветная металлургия с крайне слабым развитием обрабатывающих производств. Транспортная сеть развивалась с целью обеспечения доступности мест добычи ресурсов и их транспортировки потребителям. В регионе создавалась база золотой и оловянной промышленности (Магаданская область, Якутия) [Минакир, 2017]. Сырьевые ресурсы определяли важную позицию Дальнего Востока в национальном хозяйстве. Например, уже в 1940 г. на Колыме (рудник «Кинжал», Утинская обогатительная фабрика) добывалось 46,3% общесоюзного объема золота [Тимошенко, 2011].

В 1933–1940 гг. произошел резкий рост централизованных капиталовложений на Дальнем Востоке. Были построены и реконструированы более ста промышленных объектов (в т. ч. в рамках создания предприятий-дублеров) в Хабаровске (машиностроительные заводы), Комсомольске-на-Амуре (металлургический, нефтеперерабатывающий, судостроительный), Владивостоке, Благовещенске. На Камчатке развивалась угольная, лесная, рыбная промышленность, электроэнергетика. Для обеспечения экономики развивалась транспортная сеть: в 1936 г. была построена железнодорожная ветка Хабаровск (Волочаевка) – Комсомольск-на-Амуре, которая связала предприятия Комсомольска с Транссибирской магистралью (сдана в постоянную эксплуатацию в 1940 г.).

Созданная промышленная база позволила в годы Великой Отечественной войны производить на предприятиях региона бомбардировщики и транспортные

Таблица 1

Перспективная специализация хозяйства Дальнего Востока

Название областей*	**Производственная характеристика хозяйства**
Центрально-Сибирская (Лено-Байкальская)	золотопромышленность, углепромышленность, полиметаллы, олово, редкие металлы, обрабатывающая промышленность**, лесное дело**
Якутская	пушное дело, скотоводство, золотопромышленность, лесопромышленность**
Дальневосточная (Приморская)	лесное дело, золотопромышленность, рыбное дело, пушное дело, морские промыслы, уголь и нефть Сахалина, полиметаллы Сихотэ-Алина

*Примечание: * – названия приводятся в том виде, как они планировались Сибирской секцией Госплана; ** – данные виды деятельности имели отметку «в будущем», означавшую их возможное развитие в более отдаленной перспективе.*

Источник: [Колосовский, 2008. С. 123].

самолеты, минометы, мины, гранаты, отливать пули. Транспортный комплекс Дальнего Востока в военное время обеспечивал перевозки по Тихоокеанскому маршруту «ленд-лиза» – системы поставок военных грузов из США. Через морские порты Дальневосточного бассейна прошло более 47% общего объема грузов, включая товары военного назначения (танки, орудия, взрывчатые вещества), а также вспомогательные товары (горюче-смазочные материалы, автомашины, продукты питания) [Монин, 2010].

В 1950–60-е гг. чрезвычайная разреженность и фрагментированность экономического пространства региона сохранялась. Основные промышленные предприятия располагались в южной зоне, были привязаны к наземной магистральной транспортной сети и системе морских портов, освоение природных ресурсов в центральных и северных районах носило очаговый характер.

Попытка перейти к комплексному развитию и сдвинуть пространственный вектор освоения региона была сделана при разработке программы хозяйственного освоения зоны Байкало-Амурской магистрали (БАМ), разрабатываемой в 1980–1990-х гг. Прилегающая территория и дорога, с 1930-х г. рассматриваемая как рокадный объект оборонного назначения, стали фокусом научных разработок специалистов по комплексному планированию. Был подготовлен научный доклад по различным аспектам хозяйственного освоения территории, проведено несколько всесоюзных конференций, серия экспериментальных расчетов с использованием сетевых моделей. В зоне БАМ предполагалось формирование ТПК (на базе минеральных и лесных ресурсов): Верхнеленского, Северо-Байкальского, Мамско-Бодайбинского, Южно-Якутского, Селемджинского, Комсомольского и др., а также промышленных узлов: Тындинского, Удоканского, Зейского, Ургальского и Совгаванского и др. Выделенные территориальные структуры должны были сформировать единую цепь производственной инфраструктуры вдоль всей линии железнодорожной магистрали. Однако программа развития зоны БАМ по различным причинам не была реализована.

К середине 1960-х гг. Дальний Восток был встроен в общесоюзное хозяйство через систему кооперационных связей, а также в качестве источника ресурсов (доля добывающей промышленности составляла около 30% валовой продукции региона), получая посредством системы централизованных поставок продовольствие, товары производственно-технического назначения и прочее. Например, к началу 1990-х гг. на Дальнем Востоке добывалось более 40% общесоюзного вылова рыбы и морепродуктов, около 80% олова, 98% алмазов, 90% борного сырья, почти 50% золота, 14% вольфрама [Минакир, 2006]. Ситуация сохранялась вплоть до 1990-х гг.

В середине 1960-х – начале 1970-х гг. стала проявляться «трансформация» природных ресурсов региона, выражавшаяся в исчерпании технически доступной их части по отдельным объектам освоения, либо в условно полном (при применявшихся технологиях) исчерпании ресурсов на отдельных объектах. Это приводило к изменению видовой и пространственной структуры осваиваемых ресурсов, повышало удельные затраты процессов добычи [Шейнгауз, 1995]. Возникала потребность в строительстве транспортной инфраструктуры для освоения новых объектов взамен выбывающих из хозяйственного оборота.

Сформированная на Дальнем Востоке производственная система имела многочисленные искажения, отражающие неэффективность организации экономики и порождающие, в т. ч. излишние грузопотоки для транспортного комплекса. Например, продукция целлюлозно-бумажных комбинатов Сахалинской области поставлялась практически во все союзные республики СССР и на экспорт. При этом само производство приносило убытки: при реализации бумаги и целлюлозы на внутреннем рынке дальневосточные предприятия на каждой тонне бумаги теряли примерно 100 руб. [Платонова, 2009].

Тем не менее, к началу 1990-х гг. Дальний Восток был плотно включен в общесоюзную систему народного хозяйства: без учета экспортно-импортных перевозок, составлявших до 1992 г. незначительную

часть грузооборота транспорта, в вывозе из региона 21,5% составляли поставки в союзные республики СССР, 62% – в европейские регионы РСФСР, 16,5% – в регионы Сибири. В общем потоке ввоза в регион 53% составляли поставки из республик СССР, 32% – из других регионов РСФСР и 15% – из регионов Сибири [Лаврентьев, 2014]. Эта система сложившихся хозяйственных связей была разрушена с прекращением существования СССР.

В этот период была сформулирована идея развития Дальнего Востока, с одной стороны, как части национальной экономики, с другой – как субъекта международного рынка. Организация внутреннего пространства согласно выдвинутой идее должна была основываться на формировании «ядер роста», а инфраструктурное развитие территории обеспечиваться государством [Минакир, 1990].

Изменились общие условия функционирования транспортного комплекса макрорегиона (хозрасчет, приватизация, изменение системы управления), значительно сократилась транспортная работа, снизились централизованные поставки для нужд транспорта. Наблюдался трансформационный спад транспортного комплекса, изменения осуществлялись в рамках общенациональной реформы транспорта.

К началу 2000-х гг. в экономике Дальнего Востока проявились определенные структурные сдвиги в части роста выпуска отраслей перерабатывающей промышленности, однако сырьевые отрасли по-прежнему представляли ее ядро, формируя также основу экспорта. Далее развитие экономики региона имело положительную, но нестабильную динамику. С начала второго десятилетия XXI в. изменение внешних условий и политика России «поворот на Восток» привели к формированию вектора экономического развития региона и сформулировали новые задачи для транспортного комплекса макрорегиона по обслуживанию экспортных потоков национальной экономики, проходящих транзитом через территорию Дальнего Востока в страны АТР [Бардаль, 2019]. Кардинально изменилась структура экономических взаимодействий макрорегиона: около 30% валовой продукции реализуется на зарубежных рынках, 15% – в межрегиональном обмене и 55% – в пределах макрорегиона [Минакир, 2020. С. 82]. Изменение структуры сказалось на потребностях в транспортном обслуживании, вызвав дефицит мощностей по отдельным направлениям.

Транспортное обслуживание экономики макрорегиона на современном этапе

В настоящее время инфраструктурную основу транспортного комплекса Дальнего Востока представляют сети железнодорожного и автомобильного транспорта, система аэропортов (87 ед.[2]), а также морские и речные порты. Характерна существенная неравномерность территориального распределения объектов транспорта: дороги сосредоточены в основном в южной и центральной частях ДФО, в то время как водные пути и инфраструктура воздушного транспорта расположены преимущественно в северных районах.

Базовый инфраструктурный каркас транспортного комплекса Дальнего Востока, основа которого сформирована в первой четверти прошлого века, включает широтные наземные сети (железные и автомобильные дороги), имеющие выход к морским портам Тихоокеанского побережья, дополненные меридиональными связками, системой аэропортов и речных портов. Магистральная инфраструктура железнодорожного транспорта макрорегиона состоит из Транссибирской (двухпутной, электрифицированной магистрали) и Байкало-Амурской (однопутной, 85,8% протяженности по территории ДФО не электрифицировано) дорог. Железнодорожное сообщение отсутствует на территории трех северных субъектов РФ ДФО: Чукотский автономный округ, Магаданская область и Камчатский край.

Условно понимая под «современным этапом» период после общей структурной реформы экономики России, начало кото-

[1] *Государственный реестр аэродромов и вертодромов гражданской авиации Российской Федерации. URL: https://favt.gov.ru/dejatelnost-ajeroporty-i-ajerodromy-reestr-grajdanskih-ajerodromov-rf/*

рой относится к 1993 г., кратко представим динамику работы транспортного комплекса Дальнего Востока. В ретроспективе с 1990 г. по 2019 г. в грузовых перевозках транспортным комплексом Дальнего Востока можно выделить три периода.

Первый (1990–1999 гг.): наблюдался значительный по масштабам спад в экономике, сопровождавшийся значительным снижением транспортной работы. В этот период ежегодные темпы снижения транспортной работы составляли в среднем 11%, к концу периода объем перевозок транспортным комплексом Дальнего Востока снизился по сравнению с 1990 г. в 2,5 раза.

Второй (2000–2010 гг.): работа транспортного комплекса макрорегиона в целом стабилизировалась, наблюдались колебания в ежегодных объемах перевозки при положительных приростах 2–12%. В 2007 г. по сравнению с 1999 г. прирост транспортной работы составил 94%.

Третий (2008–2019 гг.): начавшийся в 2008 г. финансово-экономический кризис прервал оживление в транспортной работе. Временная положительная динамика по окончании кризиса (2010–2015 гг.) вскоре сменилась новым спадом после 2015 г. и последующей стабилизацией. Однако среднее значение ежегодного прироста перевозок составило всего 1,6%. В целом этот период характеризуется как период слабой стагнации. В 2019 г. увеличение объемов транспортной работы в регионе составило по сравнению с 2007 г. 19%.

Вышеуказанная динамика формировалась за счет сравнительной динамики отдельных видов транспорта в регионе (рис. 1).

Длительный экономический спад, подорвавший собственные ресурсы организаций транспорта и вызвавший сокращение централизованного финансирования, крайне негативно сказался на основных фондах транспорта [Бардаль, 2018]. Для компенсации накопленных негативных последствий были разработаны и реализованы государственные отраслевые программы развития инфраструктуры (с дифференцированными источниками инвестиций), финансировалось обновление транспортных средств.

С 2000-х гг. реализованы важные для Дальнего Востока инфраструктурные проекты: в 2003 г. сдан в эксплуатацию Северо-Муйский тоннель, завершив строительство БАМ; в 2002 г. завершена электрификация Транссибирской железнодорожной магистрали по основному ходу; в 2010 г. завершено строительство автомобильной трассы «Амур» (Чита–Хабаровск) и др. В настоящее время продолжаются масштабные работы по развитию железных дорог (проект Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей), автомобильные сети совершенствуются с использованием ресурсов национального проекта «Безопасные качественные дороги», поддержка инфраструктуры воздушного транспорта осуществляется через финансирование созданных на базе региональных аэропортов федеральных казенных предприятий.

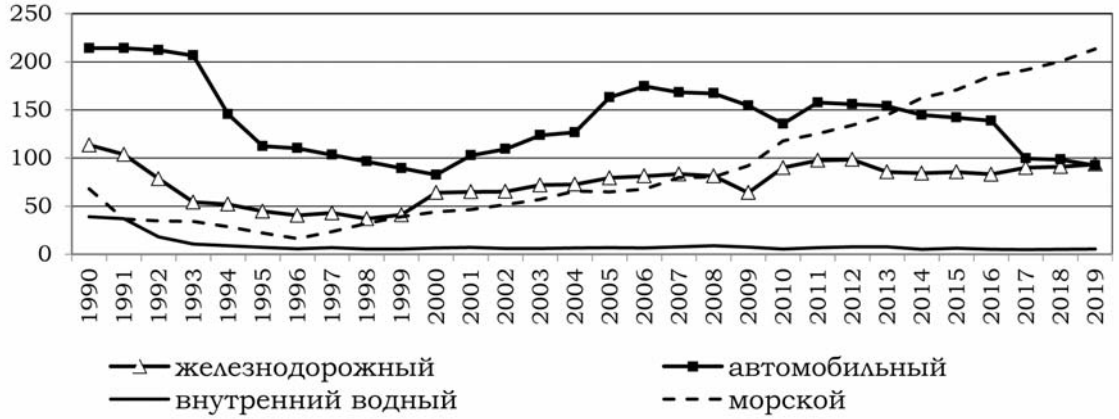

Рис. 1. Динамика перевозок транспортным комплексом Дальнего Востока (млн т)

Выводы

Развитие транспортного комплекса Дальнего Востока на всем протяжении хозяйственного освоения происходило исходя из потребностей отраслей региональной экономики, а также с учетом национальных интересов. Изучение генезиса транспорта востока страны в рамках канвы общеэкономической динамики позволяет проследить закономерности пространственного развития транспортно-инфраструктурной сети, волны технологического перевооружения и активизации международных контактов.

На современном этапе изменение внешнеэкономических условий России, определившее усиление торговых взаимодействий со странами Азии, привело к росту магистрального транзитного потока транспортного комплекса Дальнего Востока. Вероятно, масштабы дополнительной нагрузки на транспортный комплекс макрорегиона будут возрастать. Для минимизации рисков ограничения транспортного обеспечения экономического развития макрорегиона необходимо не только ускорить модернизацию лимитирующих элементов инфраструктуры, но и соблюдать безусловный приоритет транспортного обслуживания региональной экономики.

Список источников:

1. Бардаль А. Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: трансформация и интеграция. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019.

2. Бардаль А. Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: тенденции развития и роль в экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 24–36. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2

3. Дубинина Н. И. О проектах социально-экономического развития советского Дальнего Востока в 1920–30-е годы // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2011. № 4(57). С. 113–118.

4. Колосовский Н. Н. Перспективы хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 120–130.

5. Лаврентьев А. В. Развитие транспорта на Дальнем Востоке России (сер. 1980-х годов – нач. XXI века). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014.

6. Минакир П. А. Концепция долговременного развития Дальнего Востока: препринт научного доклада. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990.

7. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006.

8. Минакир П. А., Исаев А. Г., Демьяненко А. Н., Прокапало О. М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–99. DOI: doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099

9. Минакир П. А., Прокапало О. М. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 24–41. DOI: doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.2

10. Монин С. М. Маршруты ленд-лиза // Научно-аналитический журнал Обозреватель. 2010. № 6(245). С. 50–57.

11. Платонова Н. М. Основные проблемы развития базовых отраслей экономики юга Дальнего Востока в 1960–1970-е годы: исторический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 35–44.

12. Тимошенко А. И. Российская региональная политика в Арктике в XX–XXI вв.: проблемы стратегической преемственности // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 1–13.

13. Шейнгауз А. С. Устойчивость развития и дальневосточное природопользование // Вестник ДВО РАН. 1995. № 5. С. 67–75.

References:

1. Bardal' A. B. (2019) Transportnyj kompleks Dal'nego Vostoka: transformaciya i integraciya [Transport complex of the Far East: transformation and integration], Habarovsk, IEI DVO RAN. (In Russ.)
2. Bardal' A.B. (2018) The Transport Complex of the Far East: Development Trends and Economic Role *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 11. No. 2: 24–36. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2 (In Russ.)
3. Dubinina N. I. (2011) On the projects of socio-economic development of the Soviet Far East in the 1920s–30s *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East]. No. 4(57): 113–118. (In Russ.)
4. Kolosovskij N. N. (2008) Prospects for the economy of the Far East *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. No. 4: 120–130. (In Russ.)
5. Lavrent'ev A. V. (2014) Razvitie transporta na Dal'nem Vostoke Rossii (ser. 1980-h godov – nach. XXI veka) [Transport development in the Russian Far East (mid-1980s – early 21st century)], Vladivostok, Izd-vo VGUES. (In Russ.)
6. Minakir P. A. (1990) Koncepciya dolgovremennogo razvitiya Dal'nego Vostoka: preprint nauchnogo doklada [The concept of long-term development of the Far East: a preprint of a scientific report], Vladivostok, DVO AN SSSR. (In Russ.)
7. Minakir P. A. (2006) Ekonomika regionov. Dal'nij Vostok [Economics of the regions. Far East], Moscow, ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika». (In Russ.)
8. Minakir P. A., Isaev A. G., Dem'yanenko A. N., Prokapalo O. M. (2020) Economic macro-regions: integration phenomenon or political and geographical expediency? Case of the Far East *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 16. No. 1: 66–99. DOI: doi.org/10.14530/se.2020.1.066-099 (In Russ.)
9. Minakir P. A., Prokapalo O. M. (2017) Centralization and autonomization as factors of socio-economic development of the Russian Far East *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 10. No. 6: 24–41. DOI: doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.2 (In Russ.)
10. Monin S. M. (2010) Lend-Lease Routes *Nauchno-analiticheskij zhurnal obozrevatel' – Observer* [Scientific-analytical journal Observer]. 2010. No. 6(245): 50–57. (In Russ.)
11. Platonova N. M. (2009) The main problems of the development of the basic sectors of the economy of the south of the Far East in the 1960s–1970s: a historical aspect *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen]. No. 97: 35–44. (In Russ.)
12. Timoshenko A. I. (2011) Russian regional policy in the Arctic in the XX-XXI centuries: problems of strategic succession *Arktika i Sever* [Arctic and North]. No. 4: 1–13. (In Russ.)
13. SHejngauz A. S. (1995) Sustainability of development and Far Eastern environmental management *Vestnik DVO RAN* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. 1995. No. 5: 67–75.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 26.08.2022.
The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 26.08.2022.

Информация об авторе

А. Б. Бардаль – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

A. B. Bardal – Candidate of Economics, Associated Professor, Leading researcher, the Economic Research Institute FEB RAS

Научная статья
УДК 338.27
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86

Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности

Елена Борисовна Веприкова[1], Александра Анатольевна Кисленок[2], Руслан Витальевич Гулидов[3]
[1,2,3] Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия
[1] e.veprikova@vostokgosplan.ru
[2] a.kislenok@vostokgosplan.ru
[3] r.gulidov@vostokgosplan.ru

Аннотация. *Развитие любой территориальной системы является результирующей динамики ее составляющих (в случае субъекта Российской Федерации – муниципальных образований, входящих в его состав). Именно на этом уровне экономические агенты и жители непосредственно соприкасаются с результатами государственной политики по созданию условий для ведения хозяйственной деятельности и комфортного проживания. Сравнительные исследования динамики и состояния социально-экономического развития муниципалитетов внутри региона позволяют выявить территории со сходными характеристиками развития, что формирует рациональную основу для реализации адресных мер региональной политики в отношении различных групп территорий. В статье представлен обзор научных публикаций, посвященных вопросам оценки социально-экономического развития муниципальных образований, и обоснована необходимость выработки собственного подхода. Предложена авторская методика сравнительной оценки уровня развития муниципальных образований, основанная на выявлении признаков локальной депрессивности: отставание в развитии от других схожих территорий, устойчивая негативная экономическая динамика; отсутствие условий и возможностей для эндогенного развития. Представлена логика формирования системы показателей, в соответствии с которой выделено три направления оценки («состояние экономики», «экономическая динамика», «условия для сохранения человеческого потенциала»), позволяющих фиксировать проявление признаков локальной депрессивности. Обоснован отбор индикаторов в условиях ограниченности статистических данных на муниципальном уровне и приведена методика расчета интегральных показателей по каждому из направлений оценки. Сформирован подход к группировке муниципалитетов в зависимости от степени проявления признаков локальной депрессивности. Данная группировка может служить основанием для определения направлений и инструментов селективной региональной политики для территорий с разным уровнем развития.*

Ключевые слова: *система показателей, социально-экономическое развитие, муниципальные образования, признаки депрессивности, муниципальная статистика*

Для цитирования: Веприкова Е. Б., Кисленок А. А., Гулидов Р. В. Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 71–86. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86

Methodology for evaluating socio-economic development of the territories based on revealing of the local backwardness attributes

Elena B. Veprikova[1], Aleksandra A. Kislenok[2], Ruslan V. Gulidov[3]
[1,2.3] , The Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center», Khabarovsk, Russia
[1] e.veprikova@vostokgosplan.ru
[2] a.kislenok@vostokgosplan.ru
[3] r.gulidov@vostokgosplan.ru

Abstract. *Development of any territorial system is the resulting dynamics of its components – in the case of the regions of the Russian Federation – its constituent municipalities. It is at this level that economic agents and residents directly come into contact with the results of state policy to create favorable conditions for doing business and comfortable living. Comparative studies of socio-economic dynamics on a municipal region make it possible to identify territories with similar development characteristics, which forms a rationale for the implementation of targeted regional policy measures in relation to specific groups of territories. The article presents an overview of publications on the issues of assessing the socio-economic development of municipalities, and substantiates a need to develop our own approach. Based on the attributes of local backwardness such as lagging behind in development from the other similar territories, stable negative economic dynamics; lack of conditions and opportunities for endogenous development, the author's methodology of comparative assessment of the level of socio-economic development of municipalities is proposed. The logic of building a system of indicators is presented, in accordance with which three areas of assessment ("the state of the economy", "economic dynamics", "conditions for maintaining human potential") are identified. The selection of indicators is substantiated in the context of limited statistical data at the municipal level, and an approach for calculating integral indicators for each of the areas of assessment is given. An approach has been formed to the grouping of municipalities depending on the degree of manifestation of local backwardness. This grouping can serve as a basis for determining directions and instruments of selective regional policy for the territories with different levels of development.*

Keywords: *territorial backwardness, system of indicators, social and economic development, municipalities, municipal statistics*

For citation: Veprikova E. B., Kislenok A. A., Gulidov R. V. Methodology for evaluating socio-economic development of the territories based on revealing of the local backwardness attributes // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 71 –86. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86

Введение

Высокая степень неоднородности пространственного развития, характерная для России, является одним из значимых факторов, определяющих темпы роста экономики и социального развития [Зубаревич, 2019; Ворошилов, Губанова, 2018; Коломак, 2013]. Неравномерность развития проявляется на всех соподчиненных уровнях административно-территориального деления – федеральных округах, субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях [Герасимова, Герасимова, 2019]. В наибольшей степени дифференциация проявляется на муниципальном уровне, который, на наш взгляд, является наиболее важным с точки зрения понимания процессов пространственного развития. Именно здесь формируется первичная система управления, функционируют субъекты хозяйствования, протекают основные процессы жизнедеятельности граждан. При этом социально-экономические показатели регионального уровня не дают полного представле-

ния о состоянии и тенденциях развития территории, так как представляют собой усредненные значения, которые сглаживают реальную картину в разрезе локальных территорий.

Существенные диспропорции в развитии муниципалитетов снижают эффективность использования имеющихся ресурсов и могут приводить к формированию проблемных территорий, характеризующихся деградацией социально-экономических процессов, распространением признаков депрессивности, миграцией жителей в более благоприятные территории и утратой потенциала устойчивого развития. Наличие проблемных муниципальных образований снижает результативность мер государственной политики, неблагоприятно сказывается на имидже региона и его привлекательности для инвесторов.

В этой связи оценка состояния и возможностей развития отдельных территорий с целью выработки дифференцированных управленческих решений, направленных на активизацию потенциала развития территорий и сокращение числа проблемных муниципальных образований, является актуальной задачей для региональной системы государственного управления.

Степень изученности вопроса

Проблемы территориальной дифференциации, сравнительной оценки социально-экономического развития регионов и муниципальных образований достаточно часто являются предметом научных исследований. Однако большинство работ направлено на исследование межрегиональных диспропорций [Минакир, 2008; Зубаревич, 2019; Коломак, 2013 и др.]. Оценке дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований посвящено значительно меньше публикаций, при этом в фокусе внимания находятся города [Зубаревич, Сафронов, 2013; Голубчиков, Махрова, 2013 и др.] и муниципальные районы (по отдельным регионам) [Леонов, Барабаш, Примарченко, 2014; Булкина, 2016; Сульдина, Хамидуллина 2012; Ворошилов, Губанова, 2014, 2018; Толмачев, 2020].

В настоящее время учеными предлагаются различные подходы, позволяющие оценить уровень социально-экономического развития муниципальных образований. При этом большинство из них строится на нахождении интегрального относительного показателя, отражающего общий уровень социально-экономического развития территории. Основные отличия методических подходов заключаются в составе и количестве используемых показателей, а также в разновидности математического аппарата для их агрегирования в интегральный индекс. Вариативность отмечается также в способах стандартизации (нормирования) показателей и характере используемых данных (объективные или субъективные; направленные на измерение текущего состояния или динамики) [Сидоров, Силич, 2008; Шевандрин, 2012].

На практике весьма сложно учесть все многообразие показателей, используемых для диагностики социально-экономического состояния муниципальных образований, а максимальный охват показателей не всегда позволяет отразить особенности развития территорий. В научной литературе точки зрения по оптимальному количеству используемых индикаторов и их составу существенно разнятся. Например, в изученных методиках количество используемых параметров находится в пределах от 6 [Баянова, 2010] до 24 [Чистопольская, Щербань, 2018]. В то же время аргументация выбора тех или иных индикаторов зачатую не приводится или недостаточно обоснована.

Существенно отличаются точки зрения исследователей относительно группировки показателей для дальнейшего агрегирования в интегральный индекс. Как правило, такая необходимость возникает при использовании более 10 показателей. Достаточно распространённым подходом является деление всех индикаторов на экономические и социальные [Колчина, Лесничая, 2018], а также выделение отдельных направлений в рамках данных сфер [Ворошилов, Губанова, 2014; Чистопольская, Щербань, 2018; Толмачев, 2020]. Все это, в конечном итоге, отражается на интерпретации полученных результатов и может привести к сглаживанию явных различий терри-

торий при стандартизации (нормировании) используемых показателей.

Используемый в изученных публикациях состав показателей не в полной мере позволяет оценить социально-экономические процессы, протекающие на территории, что обусловлено, в том числе и объективными причинами (отсутствием статистических данных). Например, в качестве индикаторов социального развития исследователями [Чистопольская, Щербань, 2018; Ворошилов, Губанова, 2014] используются показатели обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, значения которых зачастую выше в малонаселенных территориях, где другие параметры социальной среды существенно хуже. В качестве агрегированного показателя экономического развития в научных публикациях [Шевандрин, 2012 и др.] зачастую используется аналог валового регионального продукта – валовой муниципальный продукт. Поскольку территориальные органы Росстата данный показатель не рассчитывают, возникают сложности с его применением. Практика использования показателей динамики для сравнительной оценки социально-экономического развития муниципальных образований не имеет широкого распространения и, как правило, ограничивается такими индикаторами как «индекс промышленного производства»[1] [Колчина, Лесничая, 2018].

Определение интегрального показателя, используемого для сравнительной оценки уровня социально-экономического развития территории, предполагает приведение исходных показателей в сопоставимый вид. Трансформация частных индикаторов в методиках сравнительной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований производится с использованием рейтингового, нормированного или максиминного подходов, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. Практически в каждом из исследований приводится аргументация применения того или иного подхода. Но независимо от выбора их реализация осуществляется в несколько этапов:

1) нормирование – приведение данных к безразмерному виду, к единому диапазону, при котором возможно сравнение различных видов данных;

2) агрегирование (группирование) – объединение нескольких индикаторов для получения комплексного индикатора – позволяет оценить и сравнить объекты по совокупности различных показателей;

3) взвешивание – присвоение значениям индикаторов веса, что позволяет дифференцировать относительную важность основных индикаторов в общей совокупности [Клюшникова, Шитова, 2016].

Большинство методик предполагает выделение групп территорий на основе интегрального показателя или нескольких агрегированных параметров. Для этого используются как интервальные оценки интегрального показателя [Ворошилов, Губанова, 2018; Леонов, Барабаш, Примаченко, 2014; Толмачев, 2020], так и инструменты кластерного анализа [Шевандрин, 2012].

Таким образом, большинство методических подходов, описанных в научной литературе, используют стандартные инструменты приведения значений показателей в сопоставимый вид и получения интегральных оценок. Кардинальные различия отмечаются на этапе выбора направлений оценки и формирования системы показателей, а также группировки территорий и интерпретации полученных результатов оценки. В то же время именно состав отобранных индикаторов во многом определяет адекватность сравнительной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований реальному положению дел в муниципалитетах и возможность ее использования для выработки адресных мер региональной политики. Полученные данные в конечном итоге должны помочь определить: какие муниципалитеты могут выступать локомотивами социально-экономического

[1] *Показатель отсутствует в БД ПМО Росстата, методика его расчета на муниципальном уровне в публикации не приводится.*

развития региона, какой внутренний потенциал территории может быть задействован, и какие муниципальные образования требуют особой поддержки.

Необходимо также обметить, что помимо научных публикаций, посвященных вопросам сравнительной оценки социально-экономического развития территорий, рейтинг муниципальных образований составляется органами исполнительной власти регионов в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». В соответствии с действующей редакцией Указа мониторинг осуществляется по 13 показателям, из которых 2 показателя носят субъективных характер (определяются на основе социологических опросов). Кроме того, в 2012 г. Правительством РФ был утвержден перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов, сгруппированных по функциональному признаку муниципального управления[2]. Поэтому достаточно емкий перечень показателей характеризует преимущественно выполнение полномочий органов местного самоуправления, при этом не дает полного представления об уровне социально-экономического развития муниципальных образований. Кроме того, несмотря на единую методологическую основу (перечень показателей, интерпретация их динамики), регионы используют разные методики агрегирования и рейтингования, что не позволяет проводить межрегиональные сопоставления на муниципальном уровне.

В связи с вышеизложенным существует потребность в разработке методики сравнительной оценки социально-экономического развития муниципальных образований, которая, с одной стороны, сможет обеспечить максимально возможную объективность полученных результатов, а с другой – не будет слишком трудоемкой. Используемая система показателей должна быть аргументирована, информативна, не перегружена количеством индикаторов и при этом корректно отражать достигнутый уровень развития территории и динамику социально-экономических процессов. Только при соблюдении этих требований она может быть эффективным информационно-аналитическим инструментом для решения управленческих задач на региональном уровне.

Формирование системы показателей для проведения оценки

В основе авторской методики оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований лежит выявление признаков территориальной (локальной) депрессивности и определение степени их проявления. В ранее проведенных исследованиях [Веприкова, Кисленок, 2020] была обоснована позиция о том, что территория является депрессивной если:

наблюдается ее устойчивое отставание по значениям социально-экономических показателей от других, схожих по группе территорий;

в прошлом она имела лучшие значения социально-экономического развития, чем в настоящее время (негативная динамика);

не имеет условий, возможностей и ресурсов для самостоятельного развития, т. е. нуждается в специальной поддержке со стороны государства.

Поэтому на первоначальном этапе необходимо провести отбор индикаторов, способных зафиксировать проявление вышеприведенных признаков.

На практике эта задача осложняется

[2] *Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» (в ред. 30.03.2021). Форма утвержденного типового доклада глав муниципальных образований содержит 41 показатель.*

низкой доступностью и качеством статистических данных муниципального уровня. Имеющиеся проблемы муниципальной статистики и ограничения возможностей ее применения часто отмечаются исследователями [Леонов, 2015; Моляренко, 2014; Байко, 2016; Самохвалова, 2016]. Главная проблема базы данных показателей муниципальных образований Росстата (БД ПМО)[3] – малая информативность для оценки экономических процессов в территориях, поскольку большинство значений показателей приводится без учета субъектов малого предпринимательства. Для муниципальной экономики малый бизнес является основой, во многих муниципалитетах нет средних и крупных предприятий, поэтому исключение данных по субъектам малого предпринимательства существенно искажает реальную картину состояния экономики локальной территории.[4]

Кроме того, в БД ПМО перечень показателей неоднократно изменялся, в связи с чем данные имеют разные временные интервалы представления, что ограничивает возможности корректного анализа их динамики. По социальным направлениям в основном представлены параметры функционирования бюджетных учреждений, а не показатели, характеризующие социальные процессы и состояние социальной среды. Существенной является и проблема фактической доступности данных в БД ПМО, поскольку по отдельным показателям в ряде регионов отмечается неполнота представленных сведений.[5]

Поэтому система показателей для оценки муниципальных образований формировалась с использованием ряда дополнительных данных из альтернативных информационных источников (справочно-аналитическая система «СПАРК-Интерфакс», отчетность ФНС России, отчеты глав муниципальных образований).

В результате группировка показателей осуществлялась по трем направлениям (блокам) (рис. 1):

1. «Состояние экономики» (характеризует достигнутый уровень экономического развития в сравнении с другими территориями региона);
2. «Экономическая динамика» (характеризует настоящее состояние экономики территории в сравнении с ситуацией в прошлом);
3. «Условия для сохранения человеческого потенциала» (характеризует текущую ситуацию с главным ресурсом территориального развития).

Состояние экономики. Интегральным показателем, характеризующим уровень экономического развития региона, как правило, выступает ВРП. Общепринятая методика расчета аналогичного показателя на муниципальном уровне – валового муниципального продукта – отсутствует. В связи с этим в качестве альтернативного показателя для оценки масштаба экономической деятельности муниципального образования предлагается использовать индикатор «доходы хозяйствующих субъектов (осуществляющих коммерческую деятельность)». В основу его расчета включены показатели: доходы организаций, находящихся на общей системе налогообложения (являются плательщиками налога на прибыль); доходы организаций и индивидуальных предпринимателей (ИП),

[3] Включены 179 (без учета разбивки) показателей, по утвержденному Росстатом перечню. Дополнительно включены данные по 40 показателям оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Данные информационной базы сгруппированы по 26 тематическим разделам. Краткий методологический комментарий по показателям БД ПМО. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ykmb3eKg/munst.htm (дата обращения 01.12.2021)

[4] Статистический учет по малому бизнесу проводится в рамках «сплошного исследования», организуемого один раз в 5 лет, в настоящее время доступны полные данные только за 2010 и за 2015 годы. Данные 2020 г. представлены без детализации по муниципальным образованиям.

[5] Например, в ДФО наиболее проблемным регионом, в котором отмечается низкий уровень наполнения БД ПМО фактическими данными, является Чукотский автономный округ, где по большинству показателей экономического и социального блоков (до 2017 г.) присутствуют пробелы, не позволяющие провести даже поверхностный анализ социально-экономического развития муниципального образования.

Рис.1. Система показателей для оценки социально-экономического развития муниципальных образований

находящихся на упрощенной системе налогообложения; вмененный доход хозяйствующих субъектов, использующих специальные налоговое режимы (единый налог на вменный доход (ЕНВД) и единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН)).

В качестве доходов организаций, находящихся на общей системе налогообложения, в расчете может быть использован показатель выручки по данным справочно-аналитической системы СПАРК-Интерфакс[6] или других аналогичных источников. Доходы субъектов хозяйственной деятельности, которые используют для целей налогообложения специальные налоговые режимы, определяются на основе открытых данных ФНС России. Источником данных по доходам

[6] *Раздел «статистика» справочно-информационной системы СПАРК-Интерфакс находится в свободном доступе.*

хозяйствующих субъектов, находящихся на упрощённой системе налогообложения, является форма налоговой отчетности № 5-УСН. Для ИП и юридических лиц, использующих специальные налоговые режимы ЕНВД и ЕСХН, в общий расчет доходов по муниципальному образованию включен «вмененный доход»[7], который с некоторыми допущениями позволяет оценить примерные доходы малого бизнеса (формы налоговой отчетности № 5-ЕНВД, № 5-ЕСХН)[8].

Для сопоставимости данных при выполнении сравнительной оценки муниципальных образований необходимо использовать удельные значения доходов (в расчете на душу населения).

Состояние экономики муниципалитета во многом определяется уровнем *экономической активности* местного бизнеса и его жителей. Косвенно активность предпринимательской деятельности можно измерить по количеству коммерческих юридических лиц и ИП, соотнесенному с численностью населения в муниципальном образовании. Чем больше значение полученного соотношения, тем выше предпринимательская активность. Однако данные показатели нужно анализировать в совокупности с доходами, так как сокращение числа субъектов хозяйствования может свидетельствовать не только о снижении активности бизнеса, но и о его укрупнении при условии растущих доходов. В открытом доступе данные для расчета значений показателей на муниципальном уровне приводятся в справочно-аналитической системе СПАРК-Интерфакс.

Важным параметром, который характеризует не только текущее состояние экономики, но и является обязательным фактором дальнейшего развития, являются инвестиции, количественная оценка которых может косвенно характеризовать *экономическую среду* в муниципалитете (инвестиционную привлекательность). Существенный объем и положительная динамика инвестиций обеспечивают рост доходов в будущем периоде и положительно влияют на экономическую активность. Поэтому в систему индикаторов включен показатель «инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями, находящимися на территории муниципального образования». Данные в разрезе муниципальных образований представлены в БД ПМО.

При использовании показателей в денежном выражении важно учитывать стоимость условий ведения бизнеса и проживания в разных локациях, которая даже в масштабах одного региона может существенно отличаться. Главным образом это обусловлено объективными факторами (удаленностью, климатическими условиями и др.), которые влияют на стоимость жизни в этих территориях и покупательную способность доходов. Использование различий в стоимости потребительской корзины на муниципальном уровне невозможно, так как данный показатель рассчитывается Росстатом только в региональном разрезе, а мониторинг потребительских цен осуществляется только в крупных городах. При этом применение значений показателей, измеряемых в рублях, без корректировки на покупательную способность доходов приводит к существенному искажению результатов оценки.

С целью сглаживания влияния данного фактора предлагается применять корректирующий коэффициент стоимости жизни по отношению к стоимостным параметрам, который определяется следующим образом:

$$К = \frac{РМО}{Рсуб}, \qquad (1)$$

где $РМО_i$ – расходы муниципального бюджета i-го муниципального образова-

[7] *Предприниматели платят налог с предполагаемого (вмененного) дохода. Данные о фактических доходах в ФНС не предоставляются.*

[8] *При этом состав элементов показателя может изменяться в зависимости от меняющихся условий. Например, отмена ЕНВД с 2021 года и рост предпринимателей, использующих патентную систему налогообложения, влечет за собой и внесение поправок в методику расчета доходов хозяйствующих субъектов.*

ния в расчете на душу населения;

$Рсуб_j$ – средние расходы муниципальных бюджетов в расчете на душу населения в j-м регионе.

Логика корректирующего коэффициента стоимости жизни состоит в следующем. Муниципальные образования реализуют примерно одинаковый объем полномочий, для осуществления которого им необходим разный объем ресурсов, что в основном обусловлено разной стоимостью их реализации в конкретных ценовых условиях. При этом на фактический объем бюджетных расходов могут оказывать влияние и другие факторы. Однако в условиях ограниченности данных предложенный коэффициент позволит привести сравниваемые параметры в сопоставимый вид. Исходные данные для расчета имеются в БД ПМО.

Экономическая динамика. Оценку по данному направлению предлагается осуществлять по показателям, используемым в предыдущем блоке. При этом значения, выраженные в денежных единицах, требуют корректировки, учитывающей изменение ценовых факторов. Дополнительно может рассматриваться темп роста численности плательщиков НДФЛ, который косвенно отражает создание рабочих мест. Анализ данного индикатора целесообразно проводить в совокупности с темпами роста инвестиций в основной капитал. Информация по количеству налогоплательщиков НДФЛ в разрезе муниципальных образований представлена на официальном сайте ФНС России (форма № 5-НДФЛ).

Условия для сохранения человеческого потенциала. Главным показателем оценки в рамках этого направления является *численность населения* и её динамика.

Условия жизни населения существенным образом зависят от уровня доходов и жилищных условий. Отсутствие работы и/или низкий уровень доходов приводят к росту миграционных намерений людей, которые готовы сменить место жительства, в обмен на гарантию трудоустройства с оплатой труда, обеспечивающей лучший уровень жизни. В свою очередь строительство нового жилья свидетельствует о намерениях людей жить на данной территории, что способствует сохранению человеческого потенциала.

Для оценки условий социальной среды и психологического климата информативными индикаторами являются факторы социального неблагополучия, имеющие социально-поведенческую природу. Динамика и направленность этих показателей могут служить маркерами для оценки условий формирования и сохранения человеческого потенциала территории.

В качестве измерителя степени проявления факторов социального неблагополучия муниципального образования предлагается использовать интегральный показатель – коэффициент социального неблагополучия [Veprikova, & Kislenok, 2021]. Использование параметров для его расчета ограничивается доступностью данных на муниципальном уровне. Но даже с учетом минимального охвата показателей, характеризующих проявление факторов социального неблагополучия, можно сделать выводы о степени остроты социальных проблем и сложившемся уровне маргинализации населения[9].

Влияние на условия для сохранения человеческого капитала оказывает и уровень обеспеченности *бюджетными ресурсами*. При этом важен не общий объем муниципального бюджета, а величина собственных налоговых и неналоговых доходов, обеспечивающих основную финансовую базу для решения вопросов организации жизнедеятельности муниципального образования.

После формирования системы показателей и сбора данных необходимо сопоставить полученные результаты по направлениям оценки, что требует определенного подхода к агрегации разновеликих параметров.

Расчет интегральных показателей и интерпретация полученных значений

[9] *Для расчета коэффициента социального неблагополучия на муниципальном уровне использованы удельные значения следующих показателей: «число убийств», «число самоубийств», «объем розничных продаж крепкой алкогольной продукции», «количество детей, родители которых лишены родительских прав».*

Для исчисления интегральных показателей и проведения группировки муниципальных образований по уровню социально-экономического развития предлагается использовать максиминный подход, который заключается в использовании минимальных и максимальных значений по всем частным показателям с целью масштабирования разновеликих значений индикаторов и приведения их к единой шкале. Данный выбор обоснован тем, что его использование позволяет учесть масштаб разброса значений показателей, т. е. характер различий исследуемых объектов по отдельно взятым показателям отражается наиболее адекватно.

Этого не может обеспечить рейтинговый метод, который оценивает лишь положение объектов относительно друг друга и не учитывает масштаб дифференциации значений. Использование соотношения со средними значениями по группе (нормированный подход) искажает поляризацию имеющихся значений совокупности, значительные различия между объектами по одному из показателей могут существенным образом повлиять на интегральный индикатор, что допустимо только, если такой показатель имеет ключевое значение. Также применение максиминного подхода позволяет исключить чрезмерное влияние одного частного показателя на интегральный [Леонов, Барабаш, Примарченко, 2014].

В соответствии с максиминным подходом пересчет значений по параметрам, большее значение которых оценивается положительно, осуществляется по формуле:

$$\overline{x_{ij}} = \frac{x_{ij} - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}, \qquad (2)$$

где $\overline{x_{ij}}$ – нормированное значение *i*-го показателя *j*-го объекта;

x_{ij} – значение *i*-го показателя *j*-го объекта;

x_{min} – минимальное значение ряда;

x_{max} – максимальное значение ряда.

Если оптимальным считается значение стремящиеся к минимуму, то нормирование производится по следующей формуле:

$$\overline{x_{ij}} = 1 - \frac{x_{ij} - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}. \qquad (3)$$

После приведения данных к безразмерному виду и к единому диапазону (от 0 до 1) производится расчет интегральных показателей по трем основным направлениям с учетом значимости (веса) частного показателя по каждому направлению оценки. Для упрощения расчетов предлагается принять допущение, что все факторы имеют равную значимость (веса) в соответствующей группе (рис. 1).

Следовательно, интегральная оценка состояния экономики (СЭ) муниципальных образований определяется на основе нормированных значений показателей по следующей формуле:

$$\text{СЭ} = \frac{1}{3}\text{Д} \times \text{К} + \frac{1}{3}\text{ЭА} + \frac{1}{3}\text{ЭС} \times \text{К}, \qquad (4)$$

где Д – доходы хозяйствующих субъектов в расчете на душу населения;

К – корректирующий коэффициент стоимости жизни (формула 1);

ЭА – экономическая активность, выражающаяся в численности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных на территории муниципального образования, на 1 тыс. чел. населения;

ЭС – экономическая среда, состояние которой определяется размером инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения.

Для интегральной оценки экономической динамики (ЭД) муниципального образования предлагается использовать среднегодовые темпы роста показателей, характеризующих состояние экономики за исследуемый период. При этом значения показателей должны исключать ценовые факторы, т. е. динамика стоимостных индикаторов должна быть представлена в сопоставимых ценах[10]. Расчет производится по следующей формуле:

$$\text{ЭД} = \frac{\text{Тр}_{\text{Д}}^{t} + \text{Тр}_{\text{ЭА}}^{t} + \text{Тр}_{\text{ЭС}}^{t}}{3}, \qquad (5)$$

[10] *Учет ценовых факторов в статистике проводится только в региональном разрезе, поэтому в работе принято допущение, что данные факторы меняются одинаково на всей территории региона. Соответственно, в расчетах использованы региональные показатели, учитывающие соответствующие факторы (дефлятор ВРП, индекс цен на продукцию инвестиционного характера).*

где $Тр_д^t$ – среднегодовой темп роста доходов хозяйствующих субъектов, скорректированный на дефлятор ВРП за период *t*;

$Тр_{ЭА}^t$ – динамика экономической активности, выраженная в среднегодовых темпах роста числа юридических лиц и ИП за период *t*;

$Тр_{ЭС}^t$ – динамика экономической среды, выраженная в среднегодовых темпах роста числа инвестиций в основной капитал и числа плательщиков НДФЛ за период *t*.

Важным при этом является выбор периода анализа данных, поскольку необходимо, с одной стороны, обеспечить достаточную глубину ретроспективных данных для объективности оценки, с другой – избежать высокой трудоемкости сбора информации. На наш взгляд, для анализа динамики экономики 5-летний период является приемлемым.

Благоприятной тенденцией экономического развития считается рост инвестиций, повлекший за собой дополнительное создание рабочих мест. В оценке динамики экономической среды было принято решение учитывать оба параметра, поэтому расчет произведен как среднее арифметическое среднегодового темпа роста инвестиций в основной капитал (скорректированных на индекс цен на продукцию инвестиционного назначения) и среднегодового темпа роста числа плательщиков НДФЛ.

Оценка условий для сохранения человеческого капитала также осуществляется с использованием нормированных значений показателей на основе максиминного подхода (с учетом равных весов групп показателей). В общем виде интегральная оценка условий для сохранения человеческого потенциала (УСЧП) может быть представлена в следующем виде:

$$УСЧП = \frac{1}{3}Ч_н \times Тр_{Чн}^t + \frac{1}{3}УЖ \times$$
$$\times Тр_{УЖ}^t + \frac{1}{3}БР \times К \times Тр_{БР}^t, \quad (6)$$

где $Ч_i$ – среднегодовая численность населения;

$Тр_{Чн}^t$ – среднегодовой темп роста численности населения за период *t*;

УЖ – условия жизни населения, которые учитывают доходы населения, объемы жилищного строительства и состояние социальной среды;

$Тр_{УЖ}^t$ – среднегодовая динамика условий жизни населения на территории муниципального образования за период *t*;

БР – налоговые и неналоговые доходы местного бюджета;

$Тр_{БР}^t$ – среднегодовой темп роста налоговых и неналоговых доходов местного бюджета за период *t;*

К – корректирующий коэффициент стоимости жизни (формула 1).

Интегральная оценка условий жизни определяется по формуле:

$$УЖ = \frac{1}{3}\frac{(Д_н \times К)}{ПМ} + \frac{1}{3}В_ж + \frac{1}{3}I_{СН}, \quad (7)$$

где $Д_н$ – объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов на душу населения;

К – корректирующий коэффициент стоимости жизни (формула 1);

ПМ – прожиточный минимум в регионе;

$В_ж$ – годовой ввод жилья в расчете на душу населения;

$I_{СН}$ – интегральный показатель социального неблагополучия.

Критерием качества социальной среды как важного параметра условий жизни является коэффициент социального неблагополучия ($I_{СН}$), фиксирующий степень проявления факторов социального неблагополучия в сравнении со средними значениями по региону:

$$I_{СН} = \sum_{i=1}^{n} \frac{З_i^{мо}}{З_i^{рег}} \times УВ_i, \quad (8)$$

где $З_i^{мо}$ – значение i-го показателя, характеризующего социальное неблагополучие в муниципальных образованиях;

$З_i^{рег}$ – значение i-го показателя, характеризующего социальное неблагополучие в среднем по региону (или макрорегиону, стране);

$УВ_i$ – удельный вес i-го фактора социального неблагополучия (приняты равнозначные веса);

n – количество учитываемых факторов социального неблагополучия (с учетом доступности данных по муниципальным образованиям – 4 фактора).

В соответствии с предложенной системой индикаторов и приведенными способами агрегации данных получены три

интегральных показателя по каждому из направлений оценки.

Заключительным этапом является оценка степени проявления признаков депрессивности в муниципальных образованиях – отставание от уровня экономического развития других территорий региона, негативная экономическая динамика (отставание от ранее достигнутого уровня) и деградация условий для сохранения человеческого потенциала. Сравнение территорий проводится отдельно по каждому из анализируемых направлений.

Важным элементом проведения группировки (типологии) территорий является использование адекватной шкалы для интегральных показателей, рассчитанных на основе нормированных значений. В научной литературе мнения по этому поводу отличаются относительно как количества групп, так и используемых интервалов для их формирования. Зачастую применяется пятиразрядная шкала с равным интервалом значений (0,2) [Ворошилов, Губанова, 2014; Колчина, Лесничая, 2018]. Пятиразрядная шкала также используется в [Леонов, Барабаш, Примаченко, 2014], но интервалы значений не имеют равновеликого шага[11]. Похожие интервалы использованы в [Леонов, Толмачев, 2020], но при этом в основе группировки муниципалитетов лежит трехразрядная шкала, в соответствии с которой все муниципалитеты классифицируются по следующим группам – «лидеры», «транзитные территории» и «аутсайдеры»[12]. Данная шкала применяется для группировки территорий по направлениям «состояние экономики» и «условия для сохранения человеческого капитала» с некоторым уточнением характеристики групп, а именно:

I группа – отстающие территории – «красная зона» (интервал нормированных значений – 0,0-0,2). Это территории, которые существенно отстают от лидеров и негативно влияют на показатели региона в целом;

II группа – территории «догоняющего» развития – «желтая зона» (0,5 > X > 0,2). Это муниципальные образования, которые имеют средний уровень развития и при изменении определенных условий и факторов могут оказаться как в группе лидеров, так и в группе аутсайдеров;

III группа – территории-лидеры – «зеленая зона» (1 > X > 0,5).

Интегральный показатель по направлению «экономическая динамика» отражает среднегодовые темпы роста показателей за период, поэтому для группировки муниципальных образований используется иная шкала:

I группа – отстающие территории, «красная зона», характеризуются отрицательной динамикой (среднегодовой темп роста 99 % и менее);

II группа – территории «догоняющего» развития, «желтая зона», в которых экономическое развитие практически остается на прежнем уровне, фиксируются незначительные изменения (среднегодовой темп роста находится в пределах 99–101%);

III группа – территории-лидеры, «зеленая зона» (темп роста более 101 %).

В результате по каждому из направлений оценки выделены три типа территорий: «красной зоны» (К), «желтой зоны» (Ж), «зеленой зоны» (З). Сопоставление итогов оценки по трем направлениям позволяет произвести группировку территорий с учетом всех оцениваемых параметров (табл. 1).

Безусловными лидерами социально-экономического развития региона являются муниципальные образования, получившие «зеленую окраску» по всем направлениям оценки. Особого внимания требуют территории «догоняющего развития», так как своевременная реализация стимулирующих или корректирующих мер может способствовать их переходу в группу лидеров, и, напротив, при сохранении сложившихся тенденций или ухудшении ситуации они могут тяготеть к группе отстающих муниципальных образований. В наибольшей степени проявление признаков депрессивности фиксируется в тех муниципалитетах, где по всем параметрам оценки значения интегральных показателей находятся в красной зоне. Если текущее состояние вызва-

[11] *I группа – 100–50,1 п.п.; II группа – 50–20,1 п.п.; III группа – 20–10,1 п.п.; IV группа –10–5,1 п.п.; V группа – 5–0 п.п.*

[12] *«Лидеры» – 100–50,1 п.п.; «транзитные» – 50–20,1 п.п.; «аутсайдеры» – 20–0 п.п.*

Таблица 1

Шкала интегральной группировки муниципальных образований

Тип территории по одному из направлений оценки			Тип территории
К	К	К	Муниципальные образования с признаками депрессивности
К	К	З	
К	К	Ж	
К	Ж	Ж	
З	З	К	Муниципальные образования «догоняющего» развития
З	Ж	К	
З	Ж	Ж	
Ж	Ж	Ж	
З	З	З	Муниципальные образования – лидеры
З	З	Ж	

Источник: составлено авторами

но объективными причинами, и у территории отсутствуют внутренние резервы для развития, то им могут оказываться особые (адресные) меры поддержки.

Заключение

Предлагаемая методика является информативным инструментом для проведения сравнительной оценки муниципальных образований и группировки муниципалитетов по уровню социально-экономического развития. Применение в качестве основных параметров оценки степени проявления признаков локальной депрессивности (при условии постоянного мониторинга) дает дополнительные возможности для раннего выявления проблем, своевременного принятия управленческих решений и выработки мер селективной региональной политики.

Данная оценка выполняет роль скрининга социально-экономического развития муниципалитетов и может служить основанием для проведения детальной диагностики территорий с последующим установлением причинно-следственных связей между уровнем развития территорий и различными условиями и факторами. Группировка территорий со сходными характеристиками может быть использована в рамках разработки документов стратегического планирования на уровне региона.

Список источников:

1. Байко А. Ю. Проблемы формирования муниципальной статистики в Курскстате // Проблемы и перспективы развития статистики на современном этапе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции в 2-х томах. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2016. Т. 2. С. 155–158.

2. Баянова Т. О. Сравнительная рейтинговая оценка социально-экономического развития муниципальных образований региона // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 96–107.

3. Булкина А. М. Статистический анализ дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С. 341–350.

4. Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Подходы к определению территориальной депрессивности в управлении региональным развитием // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 60–73.

5. Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Оценка территориальной депрессивности в управлении региональным развитием (на примере регионов Дальнего Востока России) // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 33–44.

6. Ворошилов Н. В., Губанова Е. С. Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 57–72.

7. Ворошилов Н. В., Губанова Е. С. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и

социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 54–69.

8. Герасимова И. А., Герасимова Е. В. Разнообразие и неравенство пространственного развития Российской Федерации. Часть 1. Об истории разработки «Стратегии пространственного развития Российской Федерации» // Вестник ЦЭМИ РАН. 2019. Т. 2. Выпуск 2. URL: https://cemi.jes.su/s265838870005281-2-1/

9. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 57–70.

10. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.

11. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.

12. Колчина О. А., Лесничая М. А. Модель оценки межмуниципальной социально-экономической дифференциации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 11А. С. 64–75.

13. Леонов С. Н. Становление муниципальной статистики, ее современное состояние и соответствие потребностям исследования региональной экономики // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 223–230.

14. Леонов С. Н., Барабаш Е. С., Примарченко Л. С. Оценка результативности государственной региональной политики в отношении муниципальных образований // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2014. № 2. С. 128–136.

15. Леонов С. Н., Толмачев В. Д. Территории опережающего развития и свободный порт Владивосток как инструменты реализации региональной политики в Хабаровском крае // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 49–65.

16. Минакир П. А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 5–18.

17. Моляренко О. А. Муниципальная статистика и проблемы сбора информации местной властью // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, Вып. 4. С. 125–140.

18. Морошкина М. В. Межрегиональная дифференциация российских регионов: тенденции и перспективы сближения // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 3. С. 48–60.

19. Самохвалова К. А. Муниципальная статистика и перспективы ее развития // Проблемы и перспективы развития статистики на современном этапе: материалы Межрегиональной научно-практической конференции в 2-х томах. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2016. Т. 2. С. 164–167.

20. Сидоров А. А., Силич М. П. Методические подходы к оценке социально-экономического развития муниципальных образований // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6. С. 38–44.

21. Сульдина Г. А., Хамидуллина А. М, Оценка сбалансированности социально-экономического развития муниципальных образований в регионе // Вопросы экономики и права. 2012. № 2. С. 111–115.

22. Толмачев В. Д. Опыт оценки дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований (на примере Хабаровского края) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1. С. 62–68.

23. Чистопольская Е. В., Щербань Е. Г. Формирование методики рейтинговой оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, выпуск 3. С. 305–313.

24. Шевандрин А. В. Оценка социально-экономического развития муниципальных районов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экон. Экол. 2012. № 2 (21). С. 92–100.

25. Veprikova E. B., & Kislenok A. A. (2021). Using behavioural indicators of social deprivation to assess human potential development conditions. In & N. G. Bogachenko (Ed.), International Scientific Conference – Amurcon 2020, vol 111. European Proceedings

of Social and Behavioural Sciences (pp. 1101–1107). European Publisher.

References:

1. Bayko A. Yu. (2016) Problemy formirovaniya munitsipal'noy statistiki v Kurskstate [Problems of formation of municipal statistics in Kurskstat] in Problems and prospects for the development of statistics at the present stage: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference in 2 volumes. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kursk region. Kursk. Vol. 2: 155–158. (In Russ.)

2. Bayanova T. O. (2010) Comparative rating assessment of the socio-economic development of municipalities in the region. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. No. 2: 96–107. (In Russ.)

3. Bulkina A. M. (2016) Statistical analysis of the differentiation of socio-economic development of municipalities. *Vestnik NGUEU* [Bulletin of the NSUEU]. No. 1: 341–350. (In Russ.)

4. Veprikova E. B., Kislenok A. A. (2020) Approaches to the definition of territorial depression in the management of regional development *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 4 (93): 60–73.

5. Veprikova E. B., Kislenok A. A. (2021) Assessment of territorial depression in the management of regional development (on the example of the regions of the Russian Far East) *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (94): 33–44. (In Russ.)

6. Voroshilov N. V., Gubanova E. S. (2018) Differentiation of territories and the mechanism of its reduction *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. Vol. 11. No. 6: 57–72. (In Russ.)

7. Voroshilov N. V., Gubanova E. S. (2014) Assessment of the level of socio-economic development of municipalities in the Vologda region *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. No. 6 (36): 54–69. (In Russ.)

8. Gerasimova I. A., Gerasimova E. V. (2019) Diversity and inequality of the spatial development of the Russian Federation. Part 1. On the history of the development of the "Strategy for Spatial Development of the Russian Federation" *Vestnik TSEMI RAN* [Bulletin of the CEMI RAS]. Vol. 2. Issue 2. URL: https://cemi.jes.su/s265838870005281-2-1/(In Russ.)

9. Zubarevich N. V. (2019) Inequality of regions and large cities of Russia: what has changed in the 2010s? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 4: 57–70. (In Russ.)

10. Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2013) Inequality in the socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: growth or decline? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 6: 15–26. (In Russ.)

11. Kolomak E. A. (2013) Uneven spatial development in Russia: explanations of the new economic geography *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 2: 132–150. (In Russ.)

12. Kolchina O. A., Lesnichaya M. A. (2018) A model for assessing inter-municipal socio-economic differentiation *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: yesterday, today, tomorrow]. Vol. 8. No. 11A: 64–75. (In Russ.)

13. Leonov S. N. (2015) Formation of municipal statistics, its current state and compliance with the needs of the study of the regional economy *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. No. 400: 223–230. (In Russ.)

14. Leonov S. N., Barabash E. S., Primarchenko L. S. (2014) Evaluation of the effectiveness of the state regional policy in relation to municipalities *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Bulletin of the Omsk University. Series "Economy"]. No. 2: 128–136. (In Russ.)

15. Leonov S. N., Tolmachev V. D. (2020) Territories of advanced development and the free port of Vladivostok as tools for the implementation of regional policy in the Khabarovsk Territory *Regionalistika* [Regionalistics]. Vol. 7. No. 6: 49–65. (In Russ.)

16. Minakir P. A. (2008) Imaginary and real disproportions of the economic space *Pros-*

transtvennaya ekonomika [Spatial Economics]. No. 4: 5–18. (In Russ.)

17. Molyarenko O. A. (2014) Municipal statistics and problems of collecting information by local authorities *Vestnik NGU. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of the NSU. Series: Social and economic sciences]. Vol. 14. Issue. 4: 125–140. (In Russ.)

18. Moroshkina M. V. (2018) Interregional differentiation of Russian regions: trends and prospects for convergence *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika* [Theoretical and applied economics]. No. 3: 48 – 60. (In Russ.)

19. Samokhvalova K. A. (2016) Municipal statistics and prospects for its development in Problems and prospects for the development of statistics at the present stage: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference in 2 volumes. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kursk region. Kursk. Vol. 2: 164–167. (In Russ.)

20. Sidorov A. A., Silich M. P. (2008) Methodological approaches to assessing the socio-economic development of municipalities. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. Vol. 313. No. 6: 38–44. (In Russ.)

21. Suldina G. A., Khamidullina A. M. (2012) Evaluation of the balance of socio-economic development of municipalities in the region *Voprosy ekonomiki i prava* [Questions of Economics and Law]. No. 2: 111–115. (In Russ.)

22. Tolmachev V. D. (2020) Experience in assessing the differentiation of socio-economic development of municipalities (on the example of the Khabarovsk Territory) *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of socio-economic development of Siberia]. No. 1: 62–68. (In Russ.)

23. Chistopolskaya E. V., Shcherban E. G. (2018) Formation of a methodology for rating assessment of the integrated socio-economic development of municipalities in the region. *Izvestiya Saratovskogo universi-teta. Seriya Ekonomika. Upravleniye. Pravo* [Bulletin of the Saratov University. Series Economics. Control. Right]. Vol. 18. Issue 3: 305–313. (In Russ.)

24. Shevandrin A. V. (2012) Assessment of the socio-economic development of municipal districts *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University]. Ser. 3, Ekol. No. 2 (21): 92–100. (In Russ.)

25. Veprikova E. B., & Kislenok A. A. (2021). Using behavioural indicators of social deprivation to assess human potential development conditions. In & N. G. Bogachenko (Ed.), International Scientific Conference – Amurcon 2020, vol 111. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (pp. 1101–1107). European Publisher.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

Информация об авторах

Е. Б. Веприкова – кандидат экономических наук, начальник научного отдела, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

А. А. Кисленок – кандидат экономических наук, руководитель научных проектов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

Р. В. Гулидов – кандидат экономических наук, первый заместитель директора, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

Information about the authors

E. B. Veprikova – Candidate of Economics, Head of the Research Depart-ment, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»

A. A. Kislenok – Candidate of Economics, Project Team Leader, the Federal Autonomous Research Institution

R. V. Gulidov – Candidate of Economics, First Deputy Director, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»

Научная статья
УДК 332.14
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-87-100

Новые инструменты привлечения инфраструктурных инвестиций в экономику региона

Надежда Васильевна Медведева[1], Наталья Альбертовна Маслюк[2]
[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1]medvedeva-nv@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-0674-6199
[2]maslyuk-na@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0001-6973-2056

Аннотация. *В статье рассмотрены современные инвестиционные инструменты осуществления государственных и частных инфраструктурных вложений. В течение последних лет активизировано создание новых и совершенствование существующих инструментов инфраструктурных инвестиций. Развитие системы инструментов связано с усложнением экономической и политической среды, а также с наращиванием потребностей регионов в создании объектов современной инфраструктуры. Цель исследования видится в обзоре и анализе практики применения инструментов инфраструктурных инвестиций в регионах для определения проблемного поля и дальнейшего развития инструментария региональной инвестиционной политики. Проведённый авторами обзор нормативных правовых аспектов применения данных инструментов, а также анализ фактических данных, характеризующих состояние и перспективы рынка инфраструктурных инвестиций в регионах, в частности, в Хабаровском крае, представляют научный и практический интерес. Установлена взаимосвязь между понятиями инфраструктурного проекта, инфраструктурных инвестиций, инфраструктурного меню и регионального инвестиционного стандарта. Результаты исследования, отражённые в статье, интересны с точки зрения практического применения органами власти и управления в сфере реализации инвестиционной политики региона, а также исследователям в области инвестиций. Выводы авторов подтверждают тенденции последних лет – при активизации деятельности федерального центра, предлагающего разнообразие инструментов инфраструктурного инвестирования, регионы пока ещё не в полной мере задействовали их для реализации инфраструктурных проектов.*

Ключевые слова: *инфраструктурные инвестиции, государственные расходы на инфраструктуру, инструменты инфраструктурного меню*

Для цитирования: Медведева Н. В., Маслюк Н. А. Новые инструменты привлечения инфраструктурных инвестиций в экономику региона // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 87–100. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-87-100

The new instruments of the attraction of the infrastructure investments in the regional economy

Nadezhda V. Medvedeva[1], Nataliya A. Maslyuk[2]
[1]The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia
[2]The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1]medvedeva-nv@ranepa.ru
[2]maslyuk-na@ranepa.ru

Abstract. *The article deals with modern investment instruments for the implementation of public and private infrastructure investments. In recent years, the creation of new and improvement of existing infrastructure investment instruments has been intensified. The development of the system of tools is associated with the complication of the economic and political environment, as well as with the increasing of the needs of the regions in the creation of modern infrastructure facilities. The purpose of the research is seen in the consideration and analysis of the regions practice of using infrastructure investment instruments for the identification the problems and further development the instruments of the regional investment policy. The review of the legislative aspects of the using of these tools, conducted by the authors, as well as the analysis of the factual data about the present and future of the infrastructure investment market in the regions, in particular, in the Khabarovsk Territory, are of scientific and practical interest. The relationship between the concepts of the infrastructure project, infrastructure investments, infrastructure menu and regional investment standard was established. The results of the research described in the article are interesting from the perspective of practical use by the government bodies in the realization of the investment policy of the region, as well as by researchers of the problems of the investment sphere. The authors' results verify the trends of recent years - despite the intensified activity of the federal center, which offers a variety of tools for infrastructure investment, the regions do not yet fully use them for the implementation of infrastructure projects.*

Keywords: *infrastructure investments, government spending on infrastructure, instruments of the infrastructure menu*

For citation: Medvedeva N. V., Maslyuk N. A. The new instruments of the attraction of the infrastructure investments in the regional economy // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 87–100. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-87-100

Введение

Современная политическая и экономическая действительность остро актуализирует динамизм создания технологического суверенитета России. Восстановление базовых отраслей экономики, развитие собственных производств и создание передовых компетенций становятся одним из важнейших приоритетов государства. Будучи антикризисной, такая мера закладывает основы долгосрочной стратегической экономической политики. Содержательность технологического суверенитета базируется на создании целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от внешних для государства институтов. Прорывной характер построения новой технологической экономики на основе собственной конкурентной промышленности потребует сформировать новые принципы и новые подходы, среди которых названы новые общесистемные меры поддержки, в том числе стимулы для развития промышленной

инфраструктуры.[1]

Развитая инфраструктура как наиболее значимый фактор экономического роста требует существенных по объёму и долгосрочных инвестиций. Тренды последних лет, несмотря на угрожающие внешнеполитические, внешнеэкономические, пандемийный факторы, указывают на то, что в Российской Федерации данному направлению инвестирования уделяется повышенное внимание. При этом государственные расходы на инфраструктурные проекты увеличиваются на протяжении последних лет и в текущем периоде. На фоне этой тенденции рост частных капиталовложений не так заметен, но всё же присутствует.

Для реализации масштабных планов Правительства Российской Федерации и региональных властей по развитию инфраструктуры, более эффективного освоения бюджетных средств и мотивирования частного капитала необходимо развивать инструментарий инвестиционной политики, адекватный сложившимся условиям и потребностям. В последние два года можно отметить появление новых инструментов инфраструктурного инвестирования, а также развитие и совершенствование существующих.

Инструменты инфраструктурных инвестиций

Решение амбициозных задач требует адекватного инструментария, в составе которого выделяется региональная инвестиционная политика и курс на развитие инфраструктуры на основе инфраструктурных инвестиций. При этом только принципиальная смена характера региональной инвестиционной политики, от базирования ее на возможностях экономики региона до роли активатора инвестиционных процессов в условиях современных вызовов, будет способствовать ее обеспечивающей роли в переходе к модели технологической экономики.

Реализация региональной инвестиционной политики в новых условиях возможна на условиях динамизма развития ее собственного инструментария.

Перечень современных инструментов включает, например, преференциальные режимы (из них ТОСЭР и СПВ наиболее востребованы на Дальнем Востоке), соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), специальные инвестиционные контракты (СПИК), инфраструктурные кредиты и облигации. Эти инструменты стали применяться относительно недавно, и исследование практики их применения показывает, что процесс их совершенствования продолжается. Так, например, в июне 2022 г. поправки об использовании механизма СЗПК внесены на рассмотрение Госдумы. В результате, субъекты Российской Федерации «…получат больше полномочий для принятия участия в решении о реализации инвестиционных проектов, рассматривая их в контексте региональной экономики»[2]. Бизнес также получит дополнительные возможности для участия в федеральном и региональном инвестиционных процессах.

Ещё один относительно новый инструмент – облигации для финансирования инфраструктурных проектов. Их эмитентами в зависимости от вида и назначения могут быть как специализированные компании, так и субъекты Федерации. Среди них перспективными являются концессионные бонды, ESG-облигации (облигации в области устойчивого развития – экологические и социальные), облигации в сфере обращения с отходами, жилищные.

Активно применяемыми в сфере инфраструктурных вложений, перспективными и имеющими потенциал развития являются механизм государственно- (муниципально-) частного партнёрства и концессионные соглашения.

Для ускорения инфраструктурных инвестиций разработан и запущен ещё один современный инструмент – инвестиционный акселератор.

---

[1] *Технологический суверенитет и опережающая экономика: выступление М. Мишустина на международной промышленной выставке «ИННОПРОМ-2022», 4-7 июля 2022 г., Екатеринбург. URL: https://expo.innoprom.com/media/news/itogi-innoprom-2022/*

[2] *См. О внесении поправок в федеральный закон о СЗПК: информация с официального сайта Правительства РФ от 6 июня 2022. URL: http://government.ru/news/45638/*

Перечисленные инструменты в той или иной мере применяются при осуществлении инфраструктурных инвестиций как на уровне государства, так и в рамках региональной инвестиционной политики. При этом оценить их относительную эффективность и привлекательность для инвестора сложно, так как они не являются альтернативными (могут использоваться в рамках одного проекта), и их выбор будет определяться конкретными институциональными условиями.

Создание инфраструктуры посредством инфраструктурных проектов

Формирование инфраструктуры и ее позитивное влияние на социально-экономическое развитие регионов априори выступает исследованным и доказанным фактом развития любой системы [Маллаев, Аврамчикова, 2017. С. 44; Переверзева, Юрьева, 2018. С. 3].

Развитие инфраструктуры является одним из ключевых факторов экономического роста и требует значительных инвестиций, чтобы удовлетворять постоянно растущий спрос на качественную инфраструктуру. Сегодня необходимы новые подходы к строительству и эксплуатации инфраструктурных объектов, учитывающие, наряду с экономической эффективностью, также расширенный спектр факторов социального характера и вопросов экологии [Бровкин, 2017. С. 11].

Вместе с тем, долгое время спорным оставался факт экономического эффекта от инвестирования в инфраструктуру и сложности его расчета. По-прежнему остается острая необходимость в регулировании единых подходов к созданию инфраструктурной основы экономики и методов оценки вложений в инфраструктуру с учетом дифференциации региональной компоненты [Белова, 2020. С. 20]. Важны исследования возможности создания национальной системы оценки и сертификации качественных и устойчивых инфраструктурных проектов.[3] Сохраняющаяся небольшая доля частных инвестиций в развитие инфраструктуры указывает на необходимость проработки инструментария повышения инвестиционной привлекательности инфраструктурных проектов для частных инвесторов. В условиях перехода развития инфраструктуры на качественный уровень все более усугубляется методологическая проблема отсутствия общего системного подхода к определению инфраструктурного проекта и инфраструктуры как таковой [Попов, 2015. С. 56; Шеховцов, Авакьян, 2017. С. 170].

Инфраструктурные проекты жизненно необходимы для развития регионов, так как способствуют наращиванию темпов роста производительных сил. При существенной степени дифференциации российских регионов по многим факторам потребность в инвестициях на создание объектов инфраструктуры у них различна, однако, очевидно, что наличие развитой инфраструктуры является наиболее значимым фактором инвестиционной привлекательности любого региона. По оценкам рейтингового агентства «Эксперт РА» в структуре интегрального показателя инвестиционной привлекательности максимальную долю – 40% занимает интегральный показатель оценки инфраструктурных ресурсов [Тирских, Галиева, 2021. С. 7]. Таким образом, с одной стороны, инвестиции в инфраструктуру многократно ускоряют темпы социально-экономического развития, с другой – наличие развитой инфраструктуры существенно повышает инвестиционную привлекательность территории.

Состояние инфраструктуры в Российской Федерации требует существенного роста темпов ее развития и масштабной модернизации в рамках реализации крупных системных инфраструктурных проектов.

Активизация развития инфраструктуры произошла в рамках национальных проектов и комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры как ответа на внешние угрозы.[4]

---

[3] *См. обзор исследования: Инфраструктура для устойчивого развития // Государственная корпорация развития ВЭБ.РФ, АНО «Национальный Центр ГЧП» и компания АЕСОМ. Москва. 2020. С. 14. URL: https://вэб.рф/downloads/infrastructure-for-sustainability-web.pdf*

[4] *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.*

В период до 2025 г. в качестве приоритетных выделены транспортная, энергетическая, социальная, коммунальная, телекоммуникационная и IT-инфраструктура.[5]

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 2816-р утвержден перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, в состав которого входит инициатива «Инфраструктурное меню». Реализация инициативы «Инфраструктурное меню» осуществляется в форме одноименного федерального проекта, интегрированного в мероприятия двух государственных программ Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» и «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами».[6]

Инфраструктурное меню представляет собой комплекс мер поддержки, направленных на опережающее развитие инфраструктуры субъектов Российской Федерации. Планируемые мультипликативные эффекты от реализации инфраструктурного меню будут базироваться на корреляции обновления инфраструктуры субъектов Российской Федерации и повышения инвестиционной привлекательности территорий с разной степенью воздействия на экономические показатели регионов. Разная степень воздействия обусловлена как разным уровнем инфраструктурного развития регионов, так и потенциалом конкурировать при получении льготного финансирования на реализацию инфраструктурных проектов и его освоении. В освоении мер поддержки и реализации инфраструктурных проектов содержится задел на активизацию применения механизмов государственно-частного партнерства, позволяющих привлекать дополнительное финансирование и компетенции частного сектора [Бедняков, 2022. С. 148].

Инфраструктурное меню дополняет действующее меню государственной поддержки во многом новыми для большинства субъектов Российской Федерации инструментами. Заделы технологического рывка обеспечиваются масштабным денежным эквивалентом. Так, «действующие программы государственной поддержки составляют 1,1 трлн рублей, дополнительное финансирование с помощью механизмов инфраструктурного меню составит 2,4 трлн рублей, а общий объём средств для развития инфраструктуры будет доведён до 3,5 трлн рублей».[7] В инфраструктурном меню впервые заложена модель, при которой средства предоставляют преимущественно на возвратной основе, что позволит достичь целей долгосрочного развития в условиях ограниченности бюджетного финансирования и достаточно значительных объемов задолженности у регионов.

Инструменты инфраструктурного меню

Структурно инфраструктурное меню представляет собой следующий набор инструментов:

инфраструктурные бюджетные кредиты;

инфраструктурные облигации;

реструктуризация бюджетных кредитов в целях инфраструктурной поддержки реализации новых инвестиционных проектов и иные цели инфраструктурного развития;

займы Фонда ЖКХ за счет средств ФНБ;

инфраструктурные кредиты ВЭБ.РФ на городскую инфраструктуру;

субсидирование процентной ставки на досрочное исполнение контрактов (в сфере дорожного строительства и на

---

[5] *Инфраструктура 2025: вызовы и перспективы. URL: // https://infraoneresearch.ru/infrastructure2025/*

[6] *Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 года № 2816-р // Собр. законодательства РФ. 2021. № 41. Ст. 7051*

[7] *См. о финансировании инфраструктурного развития субъектов Российской Федерации: информация с официального сайта Правительства РФ от 25 июня 2021 г. URL: http://government.ru/news/42611/*

иные объекты строительства);

субсидирование низкомаржинальных проектов;

средства, поступающие в Федеральный дорожный фонд за счет перераспределения акцизов от нефтепродуктов.

К наиболее ёмким компонентам инфраструктурного меню относятся инфраструктурные бюджетные кредиты, инфраструктурные облигации, а также реструктуризация бюджетных кредитов.

Инфраструктурные бюджетные кредиты. Инфраструктурные бюджетные кредиты предоставляются бюджетам субъектов Российской Федерации на цели финансового обеспечения реализации инфраструктурных проектов, отобранных на конкурсной основе по установленным правилам.[8]

Инфраструктурный бюджетный кредит предоставляется по процентной ставке 3 процента годовых на срок не менее 15 лет при условии его ежегодного погашения, начиная с истечения двухлетнего грейс-периода.

По общему правилу конкурсный отбор инфраструктурных проектов осуществляется с учетом соответствия субъекта Российской Федерации установленным критериям по объему привлеченных внебюджетных средств; количеству созданных рабочих мест; дополнительным налоговым и неналоговым доходам в консолидированный бюджет региона.

Общий объем средств инфраструктурных бюджетных кредитов на период реализации 2022–2025 гг. составит 1 трлн рублей (при динамике увеличения первоначальных планов в 500 млрд рублей).[9] Предполагается, что инфраструктурные бюджетные кредиты обеспечат ввод более 130 млн кв. м жилья и позволят привлечь в экономику субъектов Российской Федерации 10,5 трлн рублей из внебюджетных источников.[10]

Приоритетными для финансирования проектами являются создание объектов инженерной, транспортной, социальной, туристской инфраструктуры, дорожного строительства, индустриальных парков, промышленных технопарков, особых экономических зон.

Инфраструктурные облигации. Механизм применения инфраструктурных облигаций активно используется в мировой практике для преодоления дефицита финансирования инфраструктурных проектов. В Российской Федерации нет сформировавшегося рынка инфраструктурных облигаций, до недавнего времени правовое закрепление института инфраструктурных облигаций отсутствовало.

Под инфраструктурными облигациями в литературе понимаются все облигации, выпуск которых направлен на финансирование инфраструктурных проектов. В общем понимании, инфраструктурная облигация – это ценная бумага, эмитируемая специализированной проектной организацией с целью привлечения денежных средств в инфраструктурные проекты общественной значимости [Плескачев, Пономарев, Ростислав, 2021. С. 41].

Нормативно утвержденное Банком России определение инфраструктурных облигаций в качестве ключевых параметров выделяет исключительно целевое использование всех привлекаемых

---

[8] *Об утверждении Правил отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, и о внесении изменений в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1189 (с изм. на 2 апреля 2022 года) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31. Ст. 5901; Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов: постановление Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1190 (с изм. на 2 апреля 2022 года) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31. Ст. 5902.*

[9] *См. об утверждении правил предоставления инфраструктурных бюджетных кредитов: информация с официального сайта Правительства РФ от 24 июля 2021 г. URL: http://government.ru/docs/42869/*

[10] *См. о ходе реализации программы «Инфраструктурное меню»: информация с официального сайта Правительства РФ от 29 июля 2022 г. URL: http://government.ru/news/46135/*

средств и механизм контроля за ним, а также досрочное погашение облигаций в случае нецелевого использования средств, неисполнения обязанности эмитента раскрывать информацию о целевом их использовании.[11]

В настоящее время происходит внедрение нового механизма финансирования инфраструктурных проектов с помощью облигаций «ДОМ.РФ».[12] Средства от их размещения будут выдаваться на строительство инфраструктуры на срок до 15 лет (в ряде случаев до 30 лет) под льготную ставку (3–4% годовых), которая обеспечивается субсидией из федерального бюджета. «ДОМ.РФ» выступает поручителем по облигациям, займы застройщикам выдаются под гарантию субъекта Российской Федерации.

Объем выпуска инфраструктурных облигаций в 2021–2024 гг. составляет 150 млрд рублей, рассматривается возможность увеличения объема программы до 500 млрд рублей. Инфраструктурные проекты одобрены и находятся на рассмотрении с охватом более 40 субъектов Российской Федерации.[13]

В целях масштабирования и упрощения использования механизма инфраструктурных облигаций был расширен перечень объектов инфраструктуры, которые можно строить или реконструировать с применением данного механизма. Если ранее займы позволяли финансировать создание дорожной, инженерной и социальной инфраструктуры в рамках проектов жилищного строительства, то теперь использование инфраструктурных облигаций будет направлено также на благоустройство городских и сельских территорий. Действие механизма инфраструктурных облигаций будет распространяться на концессионные проекты и проекты государственно-частного партнёрства со сроком реализации до 49 лет (раньше – до 30 лет). Обязательства застройщика по возврату займа могут быть обеспечены не только государственной гарантией региона, где будет вестись строительство, но и независимой гарантией от государственных корпораций развития.[14]

Реструктуризация бюджетных кредитов в целях инфраструктурной поддержки реализации новых инвестиционных проектов. Механизм финансирования инфраструктуры для реализации новых инвестиционных проектов реализуется за счет средств субъектов Российской Федерации, высвобождаемых в 2021–2024 гг. в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам [Маслюк, Медведева, 2022. С. 10]. Определены понятия нового инвестиционного проекта, критерии их отбора; объектов инфраструктуры, необходимых для реализации нового инвестиционного проекта; установлены сферы реализации новых инвестиционных проектов; формы бюджетных инвестиций в объекты инфраструктуры, а также правила списания задолженности по бюджетным кредитам.

В результате реструктуризации бюджетных кредитов у 72 регионов в 2021–2024 гг. высвободится 628,6 млрд рублей (из общего объема государственного долга

---

[11] *О стандартах эмиссии ценных бумаг: положение Банка России от 19 декабря 2019 г. № 706-П (с изм. на 1 октября 2021 г.) // Вестник Банка России. 2020. № 37-38; О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг: положение Банка России от 27 марта 2020 г. № 714-П // Вестник Банка России. 2020. № 39-40.*

[12] *Об утверждении Правил финансирования строительства (реконструкции) объектов инфраструктуры с использованием облигаций специализированных обществ проектного финансирования и о внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2459 (с изм. на 22 августа 2022 года) // Собр. законодательства РФ. 2021. № 2 (ч. II). Ст.468.*

[13] *См. справочную информацию о ходе реализации федерального проекта «Инфраструктурное меню» по состоянию на 14 апреля 2022 г.: информация Минстроя России. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/?PAGEN_1=10*

[14] *См. о расширении возможностей использования механизма инфраструктурных облигаций: информация с официального сайта Правительства РФ от 7 мая 2022 г. URL: http://government.ru/docs/45353/*

регионов 1411,4 млрд рублей). Из общей суммы высвобождаемых средств на создание инфраструктуры для реализации новых инвестиционных проектов запланировано направить 546,8 млрд рублей, из которых 40% было направлено в рамках рассмотренных в 2021 г. заявок.

Региональный опыт применения инструментов инфраструктурных инвестиций

В последние несколько лет Хабаровский край утратил позиции в рейтингах инвестиционной привлекательности. Так, по оценке «Эксперт РА» в 2020 г. регион находился в группе В-3 «Умеренно низкий уровень инвестиционной привлекательности», в следующей группе регионов с низкой инвестиционной привлекательностью – ЕАО. Все остальные субъекты ДФО – в группах с инвестиционной привлекательностью от наивысшей до умеренной.

По данным[15] минимальная дополнительная потребность Хабаровского края в инфраструктурных инвестициях в 2021 г. составила 27 млрд рублей или 11,7% от общей потребности регионов ДФО. Однако минимальная потребность – это средства, которые позволят не допустить ухудшения состояния объектов инфраструктуры в регионе. Очевидно, что реальные потребности в инфраструктурных инвестициях гораздо выше, но выделяемые бюджетные средства, как основной источник финансирования, даже с учётом инфраструктурных кредитов не могут покрыть эти потребности. В данной ситуации удовлетворить потребности регионов в инфраструктурных инвестициях призваны перечисленные ранее инструменты.

Так, например, Хабаровскому краю в 2021 г. планировалось выделить самый большой объем средств на реструктуризацию коммерческого долга — около 17 млрд руб., или 72,5% от суммы, предназначенной для всех субъектов ДФО.[16]

В таблице 1 приведён перечень объектов инфраструктуры, планируемых к созданию в Хабаровском крае к 2024 г. за счёт средств от реструктуризации бюджетных кредитов.

Отраслевая структура по представленным объектам инфраструктуры следующая (рис. 1).

Данные демонстрируют относительную диверсификацию отраслевой структуры инфраструктурных вложений, что является положительной чертой инвестиционной политики края. При этом в ряде других регионов ДФО в аналогичной структуре превалируют вложения в добывающую нефтегазовую отрасль, где преобладают крупные проекты, что приводит к существенным колебаниям объёмов инфраструктурных инвестиций по годам вследствие окончания реализации этих проектов.

Ещё один инструмент из состава инфраструктурного меню – инфраструктурные бюджетные кредиты. В 2021 г. Хабаровскому краю планировалось выделить кредит в размере 3,7 млрд рублей. Относительно 2022 г. Правительством края был утверждён перечень мероприятий[17] в рамках инфраструктурных проектов, принятых к реализации за счёт средств инфраструктурных кредитов на сумму 12 млрд рублей, из них средства кредитов составят около 7,5 млрд рублей,

---

[15] *См. аналитический обзор: Инвестиции в инфраструктуру. Дальний Восток. URL: https://infraoneresearch.ru/vef2021/documents/investitsii_v_infrastrukturu_dalny_vostok_2021_rus_infraone_research.pdf, С. 26.*

[16] *Там же. С. 41.*

[17] *Об организации работы по реализации инфраструктурных проектов и утверждении детализированного перечня мероприятий, реализуемых в рамках инфраструктурных проектов Хабаровского края, отобранных в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2021 г. № 1189 «Об утверждении Правил отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, и о внесении изменений в Положение о правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации: постановление Правительства Хабаровского края от 19.01.2022 № 11-пр // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2700202201250004*

Таблица 1

Перечень объектов инфраструктуры, планируемых к созданию Хабаровским краем за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемых в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам

Тип инфраструктуры	Количество объектов инфраструктуры	Суммарная стоимость объектов, млн руб.
Коммунальная	8	334,05
Энергетическая	8	574,57
Инженерная	8	685,3
Транспортная	1	81,94
Всего	25	1675,86

Источник: составлено на основании данных Правительства Хабаровского края

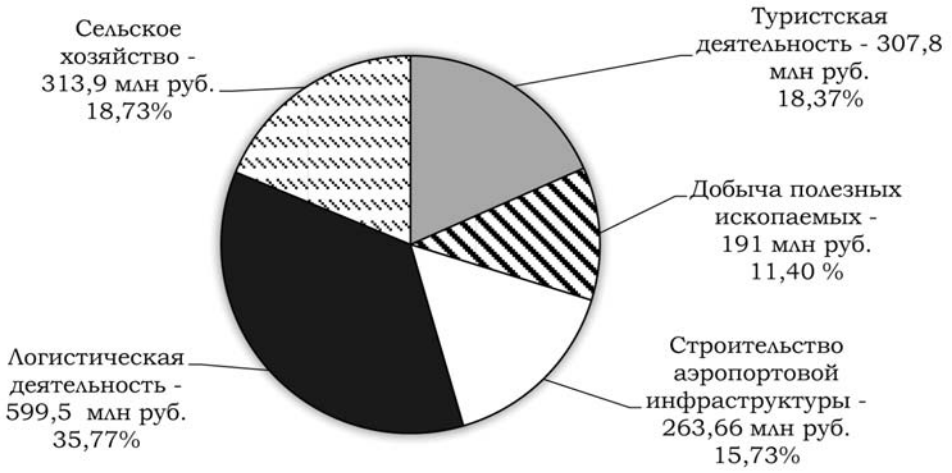

Рис. 1. Отраслевая структура инфраструктурных проектов, предполагаемых к реализации в Хабаровском крае до 2024 года

остальные – внебюджетные средства.

Наличие в структуре инфраструктурных инвестиций внебюджетных средств – неотъемлемое условие их осуществления. Соотношение долей государства и бизнеса в финансировании инфраструктурных проектов может широко варьироваться и определяться различными факторами, но, учитывая особенности данного типа проектов, в регионах с ощутимой нехваткой объектов публичной инфраструктуры всё же требуется преобладающее участие бюджета, в том числе в форме федеральных субсидий и трансфертов [Астафьева, Гончаров, Козловский, 2020. С. 122].

При дефиците бюджетного финансирования у регионов есть возможность нарастить объём инфраструктурных инвестиций самостоятельно путем привлечения внебюджетных средств.

Для этого возможно использовать такие инструменты, как инфраструктурные облигации (зеленые, социальные, концессионные, жилищные и др.), а также кредиты от институтов развития или государственных специальных отраслевых компаний, таких как ДОМ.РФ и Российский экологический оператор. Пока эти инструменты недостаточно широко применяются в инвестиционной деятельности российских регионов, но, по оценкам экспертов, имеют потенциал использования.

В первой половине 2022 г. публично-правовая компания «Российский экологически оператор» (ППК РЭО) запустила механизм финансирования инфраструктурных проектов за счет средств, полученных от размещения «зеленых» облигаций компании. Он позволит финансировать проекты по строительству объектов

обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО) и направлять средства на создание инфраструктуры ТКО.[18] Хабаровский край вошёл в число субъектов ДФО, в которых заключены подобные концессионные соглашения. Однако конкретные проекты, которые планируются к реализации с участием РЭО, пока не называются.

В число пилотных проектов по использованию инфраструктурных облигаций ДОМ.РФ из числа дальневосточных регионов вошла Сахалинская область. В апреле 2022 г. было подписано соглашение о совместной реализации проектов жилищного строительства с применением механизма инфраструктурных облигаций в рамках пилотного проекта по обеспечению инфраструктурой двух жилых комплексов в Южно-Сахалинске. Согласно данного соглашения планируется начать финансирование строительства инженерной и транспортной инфраструктуры на 11,6 млрд рублей осенью 2022 г. [19]

С июля 2021 г. данный механизм может применяться при заключении соглашений концессии и государственно- (муниципально-) частного партнерства (далее – ГЧП / МЧП).

Как отмечалось ранее, концессии и ГЧП / МЧП – это ещё один инструмент осуществления инфраструктурных инвестиций. За последние два года эксперты отмечают существенное оживление данного рынка в субъектах ДФО.

В сентябре 2021 г. Правительство Российской Федерации запустило программу Дальневосточной и Арктической концессии[20], в рамках которой предполагается выделение дополнительных федеральных трансфертов на реализацию концессий по строительству объектов социальной инфраструктуры в центрах экономического роста. Помимо этого планируется создание объектов инженерной, коммунальной, транспортной инфраструктуры с участием частного капитала. По оценкам экспертов, новый механизм позволит увеличить финансирование инфраструктурных проектов в четыре-пять раз и привлечь в них до 500 млрд рублей до 2024 года[21].

В таблице 2 приведены данные по соглашениям концессии и ГЧП / МЧП, за-

Таблица 2

Перечень соглашений концессии и ГЧП / МЧП Хабаровского края стоимостью выше 100 млн руб. на конец августа 2021 г. (без учёта расторгнутых)

Тип инфраструктуры	Количество объектов	Суммарная стоимость, млрд рублей
Транспортная - автодороги	1	40,9
Коммунальная - обработка и утилизация отходов - теплоснабжение - водоснабжение и водоотведение	 1 4 4	 1,3 1,3 0,5
Всего	10	44,0

Источник: составлено на основании данных аналитического обзора «Инвестиции в инфраструктуру. Дальний Восток». URL: https://infraoneresearch.ru/vef2021/documents/investitsii_v_infrastrukturu_dalny_vostok_2021_rus_infraone_research.pdf. С. 45.

[18] *РЭО назвал критерии отбора проектов для инвестиций за счет облигаций, в том числе зеленых. URL: https://reo.ru/tpost/0jch5c41k1-reo-nazval-kriterii-otbora-proektov-dlya*

[19] *Пилотные проекты с использованием инфраструктурных облигаций реализуют на Сахалине. URL: https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/127006.*

[20] *О внесении изменения в Правила предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: постановление Правительства РФ от 2 сентября 2021 г. №1466 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109030010*

[21] *Эксперты: дальневосточная концессия станет ключевым путем развития инфраструктуры ДФО. URL: https://tass.ru/ekonomika/12574227?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com*

ключенным на конец августа 2021 года.

Данные таблицы 2 подтверждают общий тренд – весомые по объёму инвестиций проекты заключаются в транспортной сфере, а наибольшее число проектов – в коммунальной. Среди субъектов ДФО Хабаровский край входит в тройку лидеров (наряду с Сахалином и Якутией) как по объёму привлечённых средств, так и по количеству соглашений.

Ускорить и систематизировать инвестиционный процесс в сфере инфраструктурных проектов призван инвестиционный акселератор – платформа для поиска, подготовки и реализации концессий и ГЧП на территории Дальнего Востока и Арктики. Он запущен в июне 2021 г. Минвостокразвития и Корпорацией развития Дальнего Востока для активизации и сопровождения проектов по программе Дальневосточной и Арктической концессии. Акселератор работает как «единое окно» для реализации проектов, он аккумулирует заявки в режиме онлайн, структурирует их и ищет партнёров и финансирование. С его помощью министерство планирует привлечь до 500 млрд руб. в инфраструктуру ДФО и Арктической зоны России до 2024 г.[22]

Ежегодно Российская инвестиционная компания InfraONE готовит национальный перечень перспективных проектов на основе исследования планов федеральных, региональных и муниципальных органов власти по реализации инфраструктурных региональных проектов. Это список из ста инфраструктурных инициатив, которые готовятся к запуску в обозримой перспективе (2–3 года) в формате концессии или ГЧП / МЧП. По Хабаровскому краю перечень проектов по состоянию на май 2021 года выглядел следующим образом (табл. 3).

Таким образом, в двух-трёхлетней перспективе в Хабаровском крае к реализации планируются инфраструктурные проекты в сфере социальной и коммунальной инфраструктуры на сумму более 12 млрд рублей. Однако, как отмечалось ранее, минимальная потребность края в инфраструктурных инвестициях составляет более 27 млрд рублей.

Таблица 3

Перечень перспективных инфраструктурных проектов Хабаровского края из числа национального перечня

Наименование проекта	Стоимость, млрд руб.	Потенциал запуска (по шкале InfraONE от 1,0 до 5,0)
Создание и реконструкция объектов теплоснабжения и централизованных систем горячего водоснабжения, п. Ванино	3,1	4,6
Строительство школы в микрорайоне «Строитель», г. Хабаровск	1,8	4,3
Строительство нового корпуса районной больницы, г. Советская Гавань	3,0	3,6
Дальневосточный центр детского отдыха и оздоровления, с. Бычиха	1,5	2,7
Центр протонно-лучевой терапии, г. Хабаровск	4,0	2,6
Всего	12,4	-

Источник: составлено на основании данных аналитического обзора «Инвестиции в инфраструктуру. Дальний Восток». URL: https://infraoneresearch.ru/vef2021/documents/investitsii_v_infrastrukturu_dalny_vostok_2021_rus_infraone_research.pdf, С. 48–58

[22] *Инвестиционный акселератор ускорит концессионные проекты на Дальнем Востоке и в Арктике. URL: https://erdc.ru/news/investitsionnyy-akselerator-uskorit-kontsessionnye-proekty-na-dalnem-vostoke-i-v-arktike/*

Выводы

Обобщение результатов рассмотрения новых инструментов привлечения инфраструктурных инвестиций в развитие регионов в контексте практического их применения позволило отграничить проблемное поле допущений в понимании причин «осторожной востребованности». Возвратный механизм ряда мер поддержки, требовательность условий соответствия критериям отбора, необходимость ускоренного формирования специальных институциональных основ и смены управленческого контента неизбежно влечет организационные трудности на местах. Вместе с тем, инструменты инфраструктурного меню, выступая в числе первоочередных стабилизационных мер, запускают средне- и долгосрочные преобразования, направленные на преодоление накопившихся и возникающих структурных проблем. Они дополняют арсенал инструментов региональной инвестиционной политики, актуализируют ее развитие и содержательно наполняют региональный инвестиционный стандарт нового поколения.

Список источников:

1. Астафьева О. Е., Гончаров И. Л., Козловский А. В. Реализация инфраструктурных инвестиционных проектов // Вестник университета. 2020. № 9. С. 121–127. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-9-121-127. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44029458

2. Бедняков А. С. Государственно-частное партнерство как модель развития публичной инфраструктуры // Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(1). С. 143–176. DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-143-173. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48108251

3. Белова М. Т. Мультипликативные эффекты от реализации инфраструктурных проектов // Экономика и предпринимательство. 2020. № 1. С. 18-21. ISSN: 2658-3917. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42667732

4. Бровкин А. В. Рекомендации по разработке методики оценки социально-экономических эффектов от реализации инфраструктурных проектов // Финансы и управление. 2017. № 3. С. 9-16. DOI: 10.25136/2409-7802.2017.3.23725. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30291514

5. Буренков А. В., Тодовянская А. В. Развитие инфраструктуры России: адаптация к современным вызовам // Экспертное заключение по итогам сессии ПМЭФ-2021 «Инфраструктура со знаком качества. Как меняется взгляд инвестора на проекты?». 05.10.2021 URL: https://roscongress.org/materials/razvitie-infrastruktury-rossii-adaptatsiya-k-sovremennym-vyzovam/

6. Маллаев Х. Н., Аврамчикова Н. Т. Теоретические основы формирования институциональной инфраструктуры региона // Менеджмент социальных и экономических систем. 2017. № 1. С. 39–46. ISSN: 2587-7461. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=34965512

7. Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Инструментарий реализации регионального инвестиционного стандарта нового поколения // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 8–20. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49018857

8. Переверзева В. В., Юрьева Т. В. Инфраструктурные проекты как фактор оптимизации инвестиционных процессов регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал.2018. № 1 (53). С. 1–11. ISSN 1999-2645. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32734909

9. Плескачев Ю. А., Пономарев Ю. Ю., Ростислав К. В. Развитие инфраструктурных облигаций в России: требуется проработка нормативной базы и инструментов повышения привлекательности для инвесторов // Экономическое развитие России. 2021. № 5. Том 28. С. 40–51. ISSN: 2306-5001. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46146265

10. Попов М. С. Понятие инфраструктурных проектов и специфика их правовой природы // Труды института государства и права Российской Академии Наук. 2015. № 6. С. 50–60. ISSN: 2073-4522. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25431809

11. Шеховцов Р. В., Авакьян О. С. Роль инфраструктуры в социально-экономическом развитии региона // Финансовые исследования. 2017. № 2 (55). С. 168–173. ISSN: 1991-0525. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29932727

References:

1. Astafyeva O. E., Goncharov I. L., Kozlovsky A. V. (2020) Implementation of infrastructure investment projects *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. No. 9: 121–127. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-9-121-127. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44029458 (In Russ.)

2. Bednyakov A. S. (2022) Public-private partnership as a model of public infrastructure development *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University]. No. 15(1): 143–176. DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-143-173. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48108251 (In Russ.)

3. Belova M. T. (2020) Multiplicative effects from the implementation of infrastructure projects *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. No. 1: 18–21. ISSN: 2658-3917. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42667732 (In Russ.)

4. Brovkin A. V. (2017) Recommendations on the development of a methodology for assessing socio-economic effects from the implementation of infrastructure projects *Finansy i upravleniye* [Finance and management]. No. 3: 9–16. DOI: 10.25136/2409-7802.2017.3.23725. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30291514 (In Russ.)

5. Burenkov A. V., Todovyanskaya A. V. (2021) Development of infrastructure in Russia: adaptation to modern challenges Ekspertnoye zaklyucheniye po itogam sessii PMEF-2021 *«Infrastruktura so znakom kachestva. Kak menyayetsya vzglyad investora na proyekty?»* [Expert opinion on the results of the SPIEF-2021 session "Infrastructure with a quality mark. How does the investor's view of projects change?"]. 05.10.2021 URL: https://roscongress.org/materials/razvitie-infrastruktury-rossii-adaptatsiya-k-sovremennym-vyzovam/ (In Russ.)

6. Mallaev H. N., Avramchikova N. T. (2017) Theoretical foundations of the formation of the institutional infrastructure of the region *Menedzhment sotsial'nykh i ekonomicheskikh sistem* [Management of social and economic systems]. No. 1: 39–46. ISSN: 2587-7461. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=34965512 (In Russ.)

7. Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. (2022) Tools for implementing a new generation regional investment standard *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 2 (99): 8–20. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49018857 (In Russ.)

8. Pereverzeva V. V., Yurieva T. V. (2018) Infrastructure projects as a factor in optimizing regional investment processes *Regional'naya ekonomika i upravleniye: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic scientific journal]. No. 1 (53): 1–11. ISSN 1999-2645. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32734909 (In Russ.)

9. Pleskachev Yu. A., Ponomarev Yu. Y., Rostislav K. V. (2021) Development of infrastructure bonds in Russia: it is necessary to study the regulatory framework and tools to increase attractiveness for investors *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Economic development of Russia]. № 5. Vol. 28: 40–51. ISSN: 2306-5001. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46146265 (In Russ.)

10. Popov M. S. (2015) The concept of infrastructure projects and the specifics of their legal nature *Trudy instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy Akademii Nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. No. 6: 50–60. ISSN: 2073-4522. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25431809 (In Russ.)

11. Shekhovtsov R. V., Avakyan O. S. (2017) The role of infrastructure in the socio-economic development of the region *Finansovyye issledovaniya* [Financial research]. No. 2 (55): 168–173. ISSN: 1991-0525. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29932727 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 23.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 08.09.2022.

Информация об авторах

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал;

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate Professor, the public and municipal administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA;

N. A. Maslyuk – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and state administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 314.174(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107

Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России

Владимир Филиппович Ефременко
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
efremenko-vf@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-4457-5653

Аннотация. *Миграционный отток населения, происходящий на протяжении 30 лет во всех субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока, становится устойчивым явлением, угрожающим безопасности страны на ее восточных границах. Меры, предпринимавшиеся Правительством РФ, не внесли пока существенных улучшений в миграционную ситуацию, что выдвигает в число актуальных проблему раскрытия истинной сущности наблюдаемого явления миграционного оттока населения, в том числе анализа структуры выбывающих. Как показывают проведенные нами исследования, инициативным ядром миграционного оттока являются лица, получившие высшее образование, в том числе имеющие ученые степени кандидата и доктора наук. В структуре отрицательного сальдо миграции по Дальневосточному макрорегиону их доля составляет 40 процентов, тогда как в структуре постоянного населения Дальнего Востока она вдвое меньше и не превышает 20 процентов. Миграционные потоки из лиц, состоящих из высокообразованных кадров, характеризуют переход общественного воспроизводства к его инновационному типу. Эта особенность постиндустриального этапа развития общества была отмечена еще в середине XX века. Реципиентами таких миграционных потоков, сгенерированными лицами, имеющими высшее образование и квалификацию, становятся центры науки, высокотехнологичного производства, инновационного развития. Выявленная закономерность позволяет прийти к выводу, что решение проблемы миграционного оттока населения Дальнего Востока состоит в формировании и развитии в макрорегионе агломераций, осуществляющих свое опережающее социально-экономическое развитие на основе новейших достижений науки и технологий, что создает наилучшие условия для формирования наукоемких рабочих мест, привлекательных для кадров высшей квалификации.*

Ключевые слова: *структурные факторы миграции, высшее образование, Дальний Восток России, инновационный тип развития*

Для цитирования: Ефременко В. Ф. Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 101–107. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107

Structural factors of migration of the population of the Russian Far East

Vladimir F. Efremenko
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
efremenko-vf@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0002-4457-5653

Abstract. *The migration outflow of the population, which has been occurring for 30 years in all subjects of the Russian Federation located in the Far East, is becoming a*

stable phenomenon that threatens the security of the country on its eastern borders. The measures taken by the Government of the Russian Federation have not made significant improvements in the migration situation, which puts forward the urgent problem of revealing the true essence of the observed phenomenon of migration outflow of the population, including the analysis of the structure of departures. As our research shows, the initiative core of the migration outflow are persons who have received higher education, including those with PhD and doctorate degrees. In the structure of the negative balance of migration in the Far Eastern macro-region, their share is 40 percent, while in the structure of the permanent population of the Far East it is half as much and does not exceed 20 percent. Migration flows from persons consisting of highly educated personnel characterize the transition of social reproduction to its innovative type. This feature of the post-industrial stage of society's development was noted in the middle of the twentieth century. The recipients of such migration flows, generated by persons with higher education and qualifications, are the centers of science, high-tech production, innovative development. The revealed pattern allows us to conclude that the solution to the problem of migration outflow of the population of the Far East consists in the formation and development of agglomerations in the macroregion that carry out their advanced socio-economic development on the basis of the latest achievements of science and technology, which creates the best conditions for the creation of knowledge-intensive jobs attractive to highly qualified personnel.

Keywords: *structural factors of migration, higher education, the Russian Far East, innovative type of development*

For citation: Efremenko V. F. Structural factors of migration of the population of the Russian Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 101–107. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-101-107

Введение

Миграционный отток населения [Мотрич, 2022] является основной причиной недостижения характеристик установленного Стратегией пространственного развития России «опережающего среднероссийские темпы социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока, и обеспечения устойчивого прироста численности постоянного населения в указанном макрорегионе»[1].

Совокупность факторов миграции, по Л. Л. Рыбаковскому, подразделяется на две группы: факторы-условия и структурные факторы [Рыбаковский, 2017. С. 52]. К первым относятся характеристики естественной (природно-климатической, географической и т. д.) и искусственной (занятость, уровень жизни и т. д.) среды жизнедеятельности человека. Ко вторым – характеристики структурных групп населения, оказывающие влияние на формирование миграционных потоков.

Принятие решения о переезде предполагает наличие как минимум двух моментов: 1) ухудшение социально-экономических условий в месте проживания; 2) оценка параметров будущего места жительства, как несомненно превосходящих [Рыбаковский, 1990. С. 27].

Результаты исследования

Нами установлено, что снижение численности населения имеет очень высокую силу корреляционной связи с наблюдаемым на протяжении 30 лет сокращением численности занятых в обрабатывающих производствах, являющихся одной из основных отраслей специализации Дальневосточного макрорегиона [Ефременко, 2022. С. 82]. Снижение численности занятых в обрабатывающих отраслях детерминирует сокращение работающих в отраслях производственной (энергетика) и социальной (образование, здравоохра-

[1] *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. // Консультант Плюс.*

нение) инфраструктуры, что еще больше снижает показатели привлекательности среды проживания населения и становится фактором и причиной формирования отрицательных миграционных потоков.

Реципиентами мигрантов в современных условиях перехода к преимущественно инновационному типу развития становятся регионы, добившиеся высокого уровня развития инноваций и высокотехнологичных обрабатывающих производств, как это показано в [Ефременко, 2020. С. 130].

Важное значение приобретают структурные факторы миграции, к которым относятся качественные характеристики самого населения в разрезе составляющих его совокупностей, оказывающих влияние на формирование миграционных потоков: демографические (возрастно-половые); этнические (национальные); генезисные (по степени «укорененности»); профессиональные (специальность, квалификация); образовательные (среднее, высшее); культурные и др.

Группы людей, объединенных по признаку пола, возраста, национальности, образования и т. д., характеризуются различной миграционной подвижностью. Особенность структурных факторов состоит в их двойственности – способности становиться факторами-условиями формирования новых миграционных потоков. Так, с одной стороны, ядро миграционных потоков формируется лицами молодого трудоспособного возраста, которым присуща высокая миграционная активность, а с другой, выделение и развитие в структуре населения какой-либо отдельной группы, у которой проявляются особенные свойства, может стать фактором-условием передвижения значительных масс населения [Рыбаковский, 2017. С. 53].

О возрастающей значимости структурных факторов формирования миграционных потоков на Дальнем Востоке можно судить по образовательной структуре мигрантов, представленной в таблице 1.

Таблица 1

Сальдо миграции лиц в возрасте 14 лет и старше, в том числе по уровню образования, человек

Территория	2010 г.			2014 г.			2018 г.		
	Всего	в том числе с образованием		Всего	в том числе с образованием		Всего	в том числе с образованием	
		высшим	из них с учеными степенями		высшим	из них с учеными степенями		высшим	из них с учеными степенями
РФ	145726	20897	187	243939	46452	272	105823	23299	193
ДФО	-24353	-9174	-43	-21253	-10753	-91	-18548	-8031	-47
Республика Саха (Якутия)	-6569	-1791	-3	-6100	-1921	-	-2501	-1620	-3
Камчатский край	-385	-646	-5	-2808	-1043	-20	-492	-1021	-8
Приморский край	-5891	-2708	-7	-3344	-2069	-20	-4046	-1595	-7
Хабаровский край	-2369	-651	-3	-1676	-2285	-19	-4520	-708	-19
Амурская область	-3208	-1253	-8	-609	-1237	7	-2983	-1305	-12
Магаданская область	-1800	-608	-6	-2066	-793	-11	-2371	-888	1
Сахалинская область	-2843	-881	-6	-2808	-686	-14	-306	-610	-
Еврейская АО	-495	-418	-4	-1561	-662	-10	-1380	-775	-
Чукотский АО	-793	-218	-1	-281	-57	-4	51	491	5

Источник: составлено автором на основе данных Росстата[2]

[2] *Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. сб. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283*

Отрицательное сальдо миграции в группах людей, имеющих высшее образование и ученые степени кандидата и доктора наук, складывается для Дальнего Востока в целом, а также для всех регионов в отдельности. В совокупности за период 2008–2019 гг. лица с высшим образованием составили около 40% в структуре отрицательного сальдо миграции населения в возрасте 14 лет и старше. В то же время в структуре населения Дальнего Востока, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года, в возрастной группе 15 лет и старше доля лиц с высшим образованием вдвое меньше и составляет около 20%[3].

Отмеченные обстоятельства позволяют определить совокупность лиц, проживающих с субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока и имеющих высшее образование (в том числе ученые степени), как инициативное ядро миграционного оттока из макрорегиона и отнести это явление к структурным факторам миграции, которые, при наблюдаемом масштабном сокращении рабочих мест в высокотехнологичных, наукоемких видах деятельности, как это было показано выше, становятся устойчивыми факторами-условиями, побуждающими к выезду за пределы Дальнего Востока населения, имеющего высший уровень образования и квалификации.

Устойчивый многолетний отток высокообразованных кадров может быть охарактеризован как особенное явление, отличающее миграционную ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке, как противоположную общероссийской: в целом за рассматриваемый период в Российской Федерации наблюдается положительное сальдо миграции лиц в возрасте 14 лет и старше, в том числе в группах, имеющих высшее образование и ученые степени.

Для сравнения. В приведенных [Ефременко, 2020. С. 132] примерах регионов сосредоточения высокотехнологичных производств, лидеров инновационного развития, и не относящихся к столичным, наблюдается положительное миграционное сальдо в группах лиц, имеющих высшее образование, что отличает их от дальневосточных регионов, характеризующихся устойчивым механическим выбытием высокообразованного населения, как это показано на рисунке 1.

В том числе подобное положение наблюдается в группах лиц, имеющих уче-

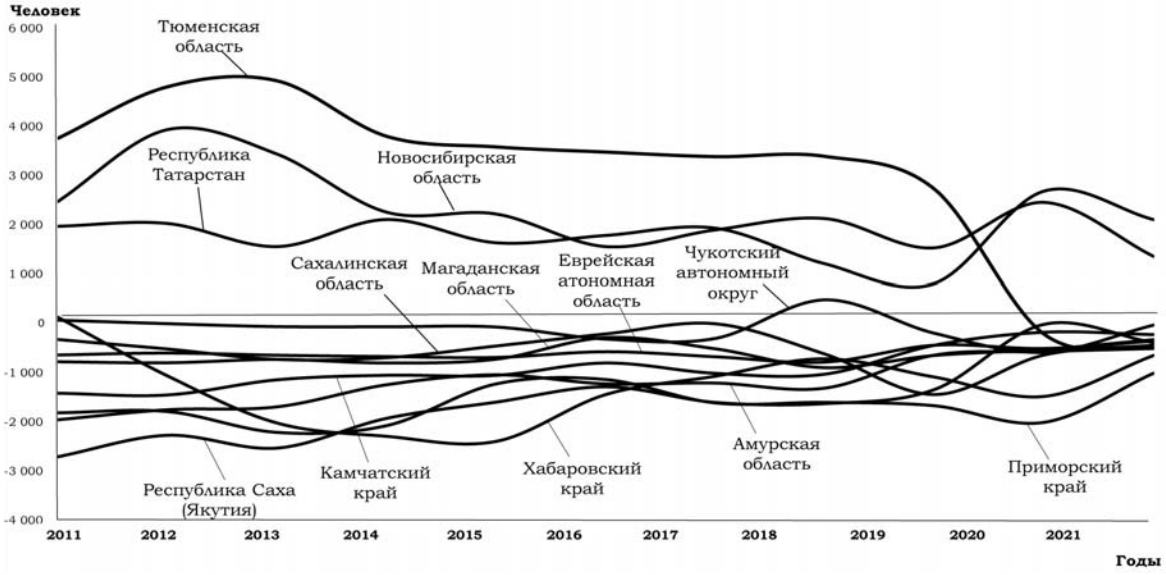

Рис. 1. Сальдо миграции лиц с высшим образованием в регионах Дальнего Востока и отдельных инновационных регионах РФ[4]

[3] *Всероссийская перепись населения – 2010. Стат. сб. // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm*

[4] *Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204.*

ные степени кандидата и доктора наук. В Республике Татарстан за период 2011-2021 гг. суммарное сальдо миграции лиц, имеющих ученые степени, составило 45 человек, в Тюменской области (без АО) – 447. Тогда как во всех субъектах Российской Федерации Дальнего Востока суммарное сальдо миграции лиц, имеющих ученые степени, за рассматриваемый период – отрицательное.

В данном случае отрицательные миграционные потоки в Дальневосточном макрорегионе в значительной степени формируются людьми, получившими высшее образование в университетах Дальнего Востока, а также защитившими кандидатские и докторские диссертации, представляя научные и образовательные организации Дальнего Востока, и не нашедшиими применения своим профессиональным способностям в регионе проживания, что, получая распространение в молодежной среде, может рассматриваться как проявление отмеченной Л. Л. Рыбаковским двойственности структурных факторов миграции, которые становятся и ее условиями.

Перманентное отставание в технологическом, инновационном развитии народного хозяйства макрорегиона не создает перспектив профессионального роста, личностной самореализации, имеющих большое значение особенно в молодежной среде [Мотрич, Березутский 2018]. Как показали результаты социологического опроса респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, проведенного в самом крупном центре высокотехнологичной обрабатывающей промышленности Дальнего Востока – Комсомольске-на-Амуре, 47,8% опрошенных собираются уехать из города. В качестве причины, побуждающей к отъезду, отсутствие возможности для самореализации отметили 49%, в том числе: личностной – 30,6%; учебно-профессиональной – 10,2%; профессиональной – 8,2%. Кроме того, на отсутствие возможностей реализации потребности в интересной и насыщенной жизни для молодежи указали 8,2%. Значимость материальных факторов сегодняшнего дня была оценена ниже, чем возможности развития: низкий уровень жизни в качестве основной причины отметили только 12,3% намеревающихся выехать, суровые климатические условия – 8,2% [Колосова, 2018, С. 20].

В общемировой практике принципиальные изменения в структуре мигрантов и направлениях их перемещения начали происходить в середине XX века, что, наряду с установлением доминирования «белых воротничков» над «синими воротничками» [Тоффлер, 2001, С. 27], стало важным признаком перехода к постиндустриальной (инновационной) экономике. Формирование миграционных потоков, составленных из людей, имеющих высший уровень образования и квалификации, имеет признаки закономерного явления, характеризующего возникновение и развитие инновационного типа воспроизводства. Начиная с 60-х гг. XX в. пространственную мобильность населения стали определять группы людей, не связанные с переходом от сельского хозяйства к промышленности, от доиндустриального типа хозяйства к индустриальному, а имеющих, как отмечает Э. Тоффлер, «хотя бы год высшего образования…, специалистов, промышленных рабочих и менеджеров… Тысячи европейских ученых, инженеров и техников перебираются в Соединенные Штаты и Канаду, наиболее супериндустриальные страны» [Тоффлер, 2001. С. 95]. Одновременно и внутри США происходит внутренняя межрегиональная миграция – в движение пришли тысячи научных работников и инженеров, формируя два больших, отлично просматриваемых потока, направленных к развивающимся центрам науки, инноваций, высокотехнологичного производства, в качестве которых Э. Тоффлер называет первым Калифорнию и другие Тихоокеанские штаты, а вторым – Чикаго, Кембридж, Принстон и Лонг-Айленд. Также новый, встречный поток несет специалистов высшей квалификации к предприятиям космической и электронной промышленности во Флориде [Тоффлер, 2001. С. 95].

Отмеченные тенденции в формировании миграционных потоков между странами и регионами внутри стран продолжаются до настоящего времени и принимают новые формы, которые связаны с развитием научно-технического прогрес-

са и не только с ростом доли высокообразованных специалистов в миграционном обороте, но и трансформации самих процессов механического движения кадров высшей квалификации.

Конкурентная борьба за специалистов приводит к появлению новых, организованных форм их перемещения – «модифицировался организационный уровень миграции, базисом которого стало возникновение устойчивой тенденции адресного поиска специалистов странами-реципиентами; произошла интеграция системы высшего образования, в результате которой унифицированы требования работодателей к качеству рабочей силы, что «размывает» национальные профессиональные барьеры и придает дополнительный импульс перетоку претендентов на рабочие места» [Сидоров, 2012, С. 261].

Как результат стимулирования привлечения кадров, имеющих специальную подготовку, растет число высокопрофессиональных мигрантов в мировых центрах инноваций – в начале 2000-х гг. в Силиконовой долине работали более 2-х миллионов иностранных специалистов (ученых, программистов, инженеров и т. д.), которые стали основателями примерно четверти стартапов в области биотехнологий [Дусь, 2005. С. 61]. Ощущая острую нехватку специалистов, развитые страны прибегают к расширению иммиграционных квот для приема профессионалов и другим инструментам привлечения высокообразованных специалистов.

Выводы

Выявленное нами и отмеченное выше направление миграционных потоков, состоящих из лиц, имеющих высшее образование, в том числе имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, к центрам научно-технологического и инновационного развития России имеет закономерную природу и характерно для всех стран, осуществивших переход к инновационному типу общественного воспроизводства.

В результате решение проблемы миграционного оттока населения из всех субъектов Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке, требует разработки и проведения мероприятий по переходу Дальневосточного макрорегиона к инновационному типу общественного воспроизводства. В качестве модели опережающего социально-экономического развития могут стать регионы Российской Федерации, ставшие лидерами в технологическом предпринимательстве, инновационной деятельности, что позволило им стать миграционно привлекательными территориями для лиц высокого уровня квалификации и, в итоге, реципиентами миграционных потоков в целом.

Список источников:

1. Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи региона: социологический анализ: монография. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. 174 с.

2. Ефременко В. Ф., Бахарев С. М., Габунов В. В. Оценка влияния изменения структуры занятости на численность постоянного населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2. С. 73–86.

3. Ефременко В. Ф. Постиндустриальные факторы развития Дальнего Востока России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2020. № 9. С. 114–137.

4. Дусь Ю. П., Разумов В. И. Учет роли фактора миграции в прогнозе инновационного развития России // Инновации. 2005. № 8. С. 60–62.

5. Колосова Я. Ю. Факторы миграции молодежи (на материале г. Комсомольска-на-Амуре) // Амурский научный вестник. 2018. № 4. С. 18–22.

6. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40.

7. Мотрич Е. Л., Березутский Ю. В. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 141–150.

8. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 560 с.

9. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.
10. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2. С. 51–61.
11. Сидоров В. А. Фактор миграции в современных мирохозяйственных связях // Теория и практика общественного развития. 2012. №4. С. 260–262.

References

1. Berezutsky Yu. V. (2019) Sotsial'naya aktivnost' molodezhi regiona: sotsiologicheskiy analiz [Social activity of the youth of the region: sociological analysis]: monograph. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPA: 174 p.
2. Efremenko V. F., Bakharev S. M., Gabunov V. V. (2022) Evaluation of the impact of changes in the structure of employment on the number of permanent population of the Far East of Russia *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. №2: 73–86.
3. Efremenko V. F. (2020) Post-industrial factors in the development of the Russian Far East Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal EKO [All-Russian Economic Journal ECO]. No. 9: 114–137.
4. Dus Yu. P., Razumov V. I. (2005) Taking into account the role of the migration factor in the forecast of Russia's innovative development *Innovatsii* [Innovations]. No. 8: 60–62.
5. Kolosova Ya. Yu. (2018) Factors of youth migration (on the material of the city of Komsomolsk-on-Amur) *Amurskiy nauchnyy vestnik* [Amur Scientific Bulletin]. No. 4: 18–22.
6. Motrich E. L. (2022) Migration in the demographic development of the Russian Far East *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of regions of Russia]. Vol. 18. No. 1: 27–40.
7. Motrich E. L., Berezutsky Yu. V. (2018) Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences // Social policy and sociology. Vol. 17. No. 2: 141–150.
8. Toffler E. (2001) Shok budushchego [Future shock]: Per. from English. Moscow: AST Publishing House LLC: 560.
9. Rybakovsky L. L. (1990) Naseleniye Dal'nego Vostoka za 150 let [Population of the Far East for 150 years]. M.: Nauka: 138.
10. Rybakovsky L. L. (2017) Factors and causes of population migration, the mechanism of their relationship *Narodonaseleniye* [Population]. No. 2: 51–61.
11. Sidorov V. A. (2012) Migration factor in modern world economic relations *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 4: 260–262.

Статья поступила в редакцию 16.08.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 06.09.2022.
The article was submitted 16.08.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 06.09.2022.

Информация об авторе

В. Ф. Ефременко – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал

Information about the author

V. F. Efremenko – Candidate of Economics, Associate Professor the chair of management and state administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA

Научная статья
УДК 338.45
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-108-117

Парадоксы экономики россыпного золота

Ирина Петровна Глазырина[1], Ирина Сергеевна Калгина[2], Вячеслав Сергеевич Брезгин[3],
[1,3]Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита, Россия
[2] Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
[1] iglazyrina@bk.ru
[2] ariaira@bk.ru
[3] monmanage@bk.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению влияния добычи россыпного золота на социально-экономические процессы в районах на востоке России на примере Забайкальского края. Согласование экономических и экологических интересов при добыче россыпного золота остается одной из наиболее актуальных проблем в области управления природными ресурсами. Результаты количественных оценок развития районов Забайкальского края показывают, что существуют краткосрочные выгоды от разработки участков россыпного золота в течение сезона добычи в тех муниципальных образованиях, где она ведется; но в среднесрочной перспективе нет оснований утверждать, что она оказывает положительное влияние на социально-экономические и демографические процессы. По уровню социального благополучия золотодобывающие районы несущественно отличаются от тех, где добыча золота не ведется, в частности, это касается бюджетной обеспеченности на душу населения. Темпы роста собственных бюджетных доходов в районах, где ведется добыча россыпного золота, даже несколько ниже, чем в тех, где золото не добывают. Убыль населения в районах разработки россыпных месторождений происходит не менее интенсивно, чем в других районах. Обоснован вывод, что для того, чтобы добыча россыпного золота стала реальным фактором повышения качества жизни местного населения и демографической стабилизации, необходимо провести ряд институциональных изменений. К ним относятся: радикальное перераспределение доходов внутри бюджетной системы в этом сегменте недропользования; повышение ставок платежей в рамках предельно допустимых, временно согласованных и сверхнормативных сбросов; изменение процедур коммерческого доступа к ресурсам, чтобы местное сообщество реально могло участвовать в принятии решений и играть в этом существенную роль.*

Ключевые слова: *россыпное золото, природно-ресурсная рента, районные бюджеты, демографическая динамика*

Благодарность: *работа выполнена при поддержке гранта № 350-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ЗабГУ. Методология исследования разработана в рамках государственного задания ИПРЭК СО РАН по проекту № FUFR-2021-001 «Механизмы обеспечения экономической устойчивости и экологической безопасности в новой модели развития регионов востока РФ в условиях трансграничных отношений и глобальных вызовов 21 в».*

Для цитирования: Глазырина И. П., Калгина И. С. , Брезгин В. С. Парадоксы экономики россыпного золота // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 108–117. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-108-117

Paradoxes of the placer gold economy

Irina P. Glazyrina[1], Irina S. Kalgina[2], Vyacheslav S. Brezgin[3]
[1,3] The Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS, Chita, Russia
[2] The Zabaikalsk State University, Chita, Russia
[1] iglazyrina@bk.ru
[2] ariaira@bk.ru
[3] monmanage@bk.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of influence of placer gold mining on the socio-economic processes in in the eastern areas of Russia on the example of the Trans-Baikal territory. Reconciliation of economic and environmental interests in the extraction of placer gold remains one of the most relevant in the field of natural resource management. The results of quantitative assessments of the development of the districts of the Trans-Baikal Territory show that there are short-term benefits from the development of placer gold sites during the mining season in those municipalities where it is conducted. But in the medium term there is no reason to say that it has a positive impact on socio-economic and demographic processes. According to the level of social well-being, gold mining areas differ insignificantly from those where gold mining is not carried out, in particular, this concerns budget security per capita. Growth rate of the own budget revenues in the areas where placer gold is mined is even slightly lower than in those where gold is not mined. The population decline in the areas of placer deposits development is no less intense than in other areas. The conclusion is substantiated that in order for the extraction of placer gold to become a real factor in improving the quality of life of the local population and demographic stabilization in the border regions, it is necessary to carry out the number of institutional changes. These include: radical redistribution of income within the budget system in this segment of subsoil use; increasing the rates of payments within the limits of maximum permissible, temporarily agreed and excess discharges changing the procedures for commercial access to resources.*

Keywords: *placer gold, natural resource rent, district budgets, demographic dynamics*

Acknowledgments: *the work was carried out with the support of grant No. 350-GR of the Council for Scientific and Innovative Activities of the Zabaykalsk state university. The research methodology was developed within the framework of the state task of the IPREK SB RAS under the project No FUFR-2021-001 «Mechanisms for ensuring economic sustainability and environmental safety in a new model for the development of the eastern regions of the Russian Federation in the context of cross-border relations and global challenges of the 21st century».*

For citation: Glazyrina I. P., Kalgina I. S., Brezgin V. S. Paradoxes of the placer gold economy // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 108–117. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-108-117

Введение

Дискуссия о проблемах добычи россыпного золота приобретает особое значение в связи с геополитическими процессами 2022 г., которые кардинально изменили многие перспективы развития минерально-сырьевого сектора. Эти проблемы очень актуальны в восточных регионах России, где добыча полезных ископаемых – исторически сложившая специализация экономики. С одной стороны, золото остается одним из немногих сырьевых ресурсов, имеющих экспортные перспективы, на это позволяет рассчитывать достаточно устойчивый спрос в странах Азии, не присоединив-

шихся к санкционной повестке. С другой стороны, этот сегмент недропользования сопровождается высоким уровнем негативного воздействия на природные системы и нередко – экологическими конфликтами с местным населением [Золотые реки, 2012; Михеев, 2015; Glazyrina et al, 2017 и др.]. Об этом свидетельствуют также многочисленные вебресурсы общественных экологических организаций[1]. Отраслевые специалисты часто считают преувеличенными и неоправданными опасения экологов относительно степени вредного воздействия добычи россыпного золота на окружающую среду. Они апеллируют к тем выгодам, которые может приносить этот вид деятельности, и выражают уверенность, что он оказывает безусловно положительное влияние на благосостояние местного населения. В данной работе мы решили выяснить, в какой степени это соответствует действительности на примере Забайкальского края, где традиционно ведется разработка русловых и подрусловых запасов золотороссыпных месторождений.

Результаты исследования

Динамика добычи золота в Забайкальском крае (рис. 1) свидетельствует о том, что в отличие от ряда других видов недропользования в регионе этот сегмент устойчиво развивается.

Бюджетные доходы от этого вида деятельности также растут. Можно было бы ожидать, что это позитивно сказывается на уровне благосостояния. Сторонники расширения практики отработки россыпных месторождений приводят в качестве одного из основных аргументов необходимость повышения качества жизни и создание мотивации для закрепления населения в сельских районах приграничного региона, который в Стратегии пространственного развития России отнесен к геостратегическим территориям.

Однако на практике мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: несмотря на то, что добыча россыпного золота в регионе за 10 лет выросла почти в 2 раза, отток населения за 10 лет из совокупно-

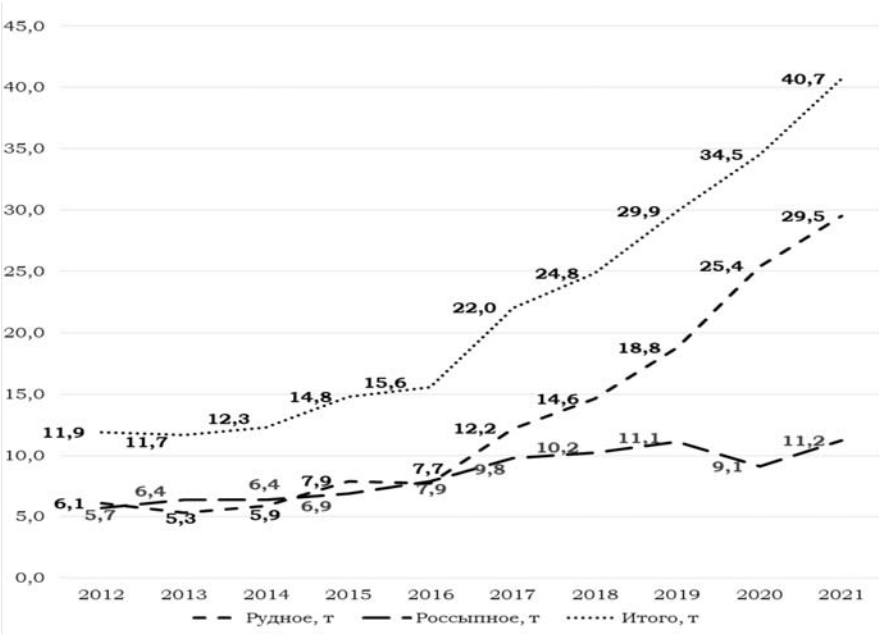

Рис. 1. Динамика добычи золота в Забайкальском крае[2]

[1] *https://wwf.ru/resources/news/amur/wwf-rossii-vynosit-na-obsuzhdenie-proekt-pozitsii-prirodookhrannykh-organizatsiy-po-rossypnoy-dobych/?fbclid=IwAR03IHVdMI_%20FlFcJsLEmLTCZm72cngMnMpfIEWFoIXlS5W9NKz3I6mI7S4g (дата обращения 25.06.2022); https://zolotari.net/position (дата обращения 29.06.2022)*

[2] *Справка о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Забайкальского края на 15.03.2021. URL: https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/a1fe101c2b86b515977f10aa9c3f192b.pdf (дата обращения 15.06.2022); Добыча золота в Забайкальском крае. URL: https://zolotodb.ru/article/11232 (дата обращения 13.05.2022).*

сти районов, где добывают россыпное золото, составил больше 10%, и он был практически такой же, как из районов, где золото не добывают (табл.1).

Из двадцати районов Забайкальского края, где ведется разработка россыпного золота, в восьми отток населения был выше, чем в среднем по региону.

Для того, чтобы понять причины такого положения, стоит сравнить некоторые экономические показатели для районов, где добывают и где не добывают россыпное золото. Первый парадоксальный вывод касается доходов районных бюджетов, данные о которых приведены в таблице 2, где представлена информация о средних подушевых доходах районных бюджетов в Забайкальском крае в номинальном выражении.

Общие подушевые доходы районных бюджетов ожидаемо не отличаются в районах, где добывают и где не добывают россыпное золото, на это нацелена политика бюджетного выравнивания.

Доходы районных бюджетов в номинальном выражении, как мы видим, растут во всех районах. Однако, если рассмотреть эту динамику в сопоставимых ценах, то картина несколько меняется. В таблице 3 она представлена в процентах по отношению к 2012 г., сопоставимые цены также приведены к 2012 г.

Средние подушевые доходы районных бюджетов (как общие, так и собственные) существенно сократились к 2016 г. Причем сокращение средних подушевых собственных доходов в районах, где не ведется добыча россыпного золота, было более существенным (-22%), чем там, где ведется (-17%). Это можно объяснить тем, что фонд заработной платы в первых в большей степени зависит от бюджета,

Таблица 1.

Динамика численности населения в районах Забайкальского края

Информация по районам	Население, тыс. чел		Изменение в за 10 лет, %
	01.01.2010	01.01.2020	
Районы, где ведется добыча россыпного золота, за исключением Читинского (сельского) района	373,2	334,6	-10,4
Районы, где не ведется добыча россыпного золота	294,7	263,2	-10,7
Все районы Забайкальского края, за исключением Читы и Читинского (сельского) района	668	597,8	-10,5

Источник данных: Росстат[3] , расчеты авторов

Таблица 2

Средние и средние собственные подушевые доходы районных бюджетов в Забайкальском крае в номинальном выражении, тыс. руб.

Показатели	2012 г.	2016 г.	2019 г.
Средние подушевые доходы бюджетов по районам, где ведется добыча россыпного золота	22,049	20,20644	28,6667
Средние подушевые доходы бюджетов по районам, где не ведется добыча россыпного золота	21,283	19,51617	29,25593
Средние подушевые доходы бюджетов по районам Забайкальского края	21,753	19,939	28,895
Собственные средние подушевые доходы бюджетов по районам, где ведется добыча россыпного золота	13,854	11,524	19,908
Собственные средние подушевые доходы бюджетов по районам, где не ведется добыча россыпного золота	13,498	10,467	20,010
Собственные средние подушевые доходы бюджетов по районам Забайкальского края	13,7163	11,11505	19,9481

Источник данных : ФНС РФ[4] расчеты авторов

[3] *https://rosstat.gov.ru (дата обращения 13.05.2022)*

[4] *www.nalog.ru*

а после кризиса 2014 г. трансферты из регионального бюджета сократились. Но к 2019 г. все эти показатели выросли и даже превысили уровень 2012 г. (табл. 3). При этом росли средние подушевые доходы районных бюджетов (и общие (37%), и собственные (48%)) там, где не ведется добыча россыпного золота. Темпы роста средних подушевых доходов районных бюджетов там, где россыпное золото добывается, были несколько ниже (30% и 45% соответственно).

На первый взгляд удивительно, что практически нет различия между собственными доходами в зависимости от добычи золота. Но это свидетельствует не о наличии/отсутствии самих доходов, а об устройстве налоговой системы в России. Главным налоговым источником в муниципальных бюджетах является налог на доходы физических лиц (НДФЛ), который, в свою очередь, зависит от уровня заработной платы. В годовом выражении в районах, независимо от того, добывают там золото или нет, заработная плата старателей (которые работают, как правило, не более полугода, пока длится промывочный сезон) мало отличается от доходов «бюджетников», обеспечивающих основную часть поступлений НДФЛ в районах. Все доходы, содержащие собственно природно-ресурсную ренту, уходят в вышестоящие бюджеты.

Это показывают результаты оценки, проведенной для Забайкальского края за 2019 г., представленные на рис. 2. Поскольку в открытом доступе нет достаточной информации, чтобы произвести точные расчеты (в том числе потому, что часть ее защищена коммерческой тайной), в данной статье выполнена оценка на основе схемы из работы[5], выполненной при поддержке Фонда дикой природы России, в которой был сделан прогноз в предположении, что общий объем добычи россыпного золота составит 8,7 т. Однако по факту он составил 11,3 т, и в данной статье сделаны соответствующие корректировки. Основные налоговые поступления от этого сегмента недропользования направляются в федеральный и региональный бюджеты (63,34% и 35,54% соответственно), причем в первый – почти две трети всех доходов. В муниципальные бюджеты всех 20 районов Забайкальского края, где добывается россыпное золото, поступает лишь 1,12% всех бюджетных доходов.

Это представляется несправедливым по отношению к населению территорий, которые испытывают негативные последствия от этой деятельности даже в тех случаях, когда компании выполняют природоохранные мероприятия в соответствии с утвержденной проектной документацией. Во многих случаях жители отмечают значительное ухудшение дорог и мостов (качество которых чаще всего не самое

Таблица 3

Изменения средних подушевых бюджетных доходов (общих и собственных) в районах Забайкальского края за период 2012–2019 гг. в сопоставимых ценах, приведенных к 2012 г.

Показатели	2012 г.	2016 г.	2019 г.
Средние подушевые доходы бюджетов по районам, где ведется добыча россыпного золота	100%	91,64%	130,01%
Средние подушевые доходы бюджетов по районам, где не ведется добыча россыпного золота	100%	91,70%	137,46%
Средние подушевые доходы бюджетов по районам Забайкальского края	100%	91,66%	132,83%
Собственные средние подушевые доходы бюджетов по районам, где ведется добыча россыпного золота	100%	83,18%	143,71%
Собственные средние подушевые доходы бюджетов по районам, где не ведется добыча россыпного золота	100%	77,54%	148,24%
Собственные средние подушевые доходы бюджетов по районам Забайкальского края	100%	81,04%	145,43%

Источник данных: ФНС РФ[3], расчеты авторов

[5] *http://www.assoc.khv.gov.ru/news/4801 (дата обращения 13.05.2022)*

лучшее) техникой старателей, загрязнение водных источников, сокращение сенокосов и ущерб для рыбного хозяйства.

Для иллюстрации тезиса о незначительном влиянии разработки золотоносных россыпей на благосостояние местного населения приведем расчеты, представленные в табл. 4 о подушевых налоговых доходах и расходах для двух сопредельных районов со сходными природными условиями, расположенными в приграничной зоне Забайкальского края. В Борзинском районе ведется (22 лицензии за 10 лет), а в Ононском районе практически не ведется (1 лицензия за 10 лет) разработка россыпей. Налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей на одного жителя в Борзинском районе выше, чем в Ононском и в 2014, и в 2020 гг., это обусловлено преимущественно за счет относительно более высоких уровней заработной платы работников железнодорожного транспорта (в г. Борзя находится важный железнодорожный узел, а в Ононском вообще нет железнодорожного сообщения). В то же время в указанных районах эти доходы ниже, чем в среднем по муниципальным районам региона, и намного меньше, чем в краевом центре (г. Чита), в котором наблюдается устойчивый приток населения из отдаленных, в том числе приграничных районов. Что касается фактически исполненных расходов местного бюджета, то они больше в Ононском районе. Стоит также отметить, что темпы роста налогооблагаемых доходов и расходов в Ононском районе также выше. Это объясняется выделением средств из вышестоящих бюджетов для реализации компонентов национальных и иных категорий проектов. Таким образом, добычу россыпного золота вряд ли можно рассматривать как значимый фактор развития в рассматриваемом случае.

Во всех муниципалитетах, за исключением г. Читы и прилегающего к краевому центру Читинского района, происходит снижение количества занятых в экономике (рис. 3). В районах, где добывают россыпное золото, сокращение числа занятых с 2013 по 2021 г. составило 16%, где не добывают – 20%. Но и в том, и другом случае негативная динамика числа занятых выше, чем сокращение численности населения (табл. 1).

Заключение

Вопрос о перспективах дальнейшего развития сектора добычи россыпного золота уже давно является предметом обсуждения ученых, отраслевых специалистов, экологов. Высказываются полярные мнения о целесообразности не только его расширения, но и продолжения этой деятельности. Однако фактически достигнут консенсус относительно необходимости существенно изменить практику управления в этом секторе

Рис. 2. Распределение бюджетных поступлений от добычи россыпного золота по уровням бюджетной системы для Забайкальского края, 2019 г.

Таблица 4

Информация о муниципальных бюджетных доходах и расходах в расчете на душу населения, в тыс. руб. (данные скорректированы на индекс потребительских цен)

Муниципальные районы	Численность населения, чел.			Налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей на одного жителя муниципального района			Расходы местного бюджета, фактически исполненные		
	2014 г.	2020 г.	%	2014 г.	2020 г.	%	2014 г.	2020 г.	%
Борзинский	49336	46905	95,1	92,4	121,3	131,3	15,3	26,4	172,5
Ононский	10369	9320	89,9	55,5	83,1	149,7	28,7	62,7	218,5
Муниципальные районы Забайкальского края	**733498**	**661183**	90,1	91,3	148,9	163,1	20,5	38,5	187,9
г. Чита	336240	351784	104,6	185,4	274,7	148,2	13,7	24,2	176,6

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения 13.05.2022)

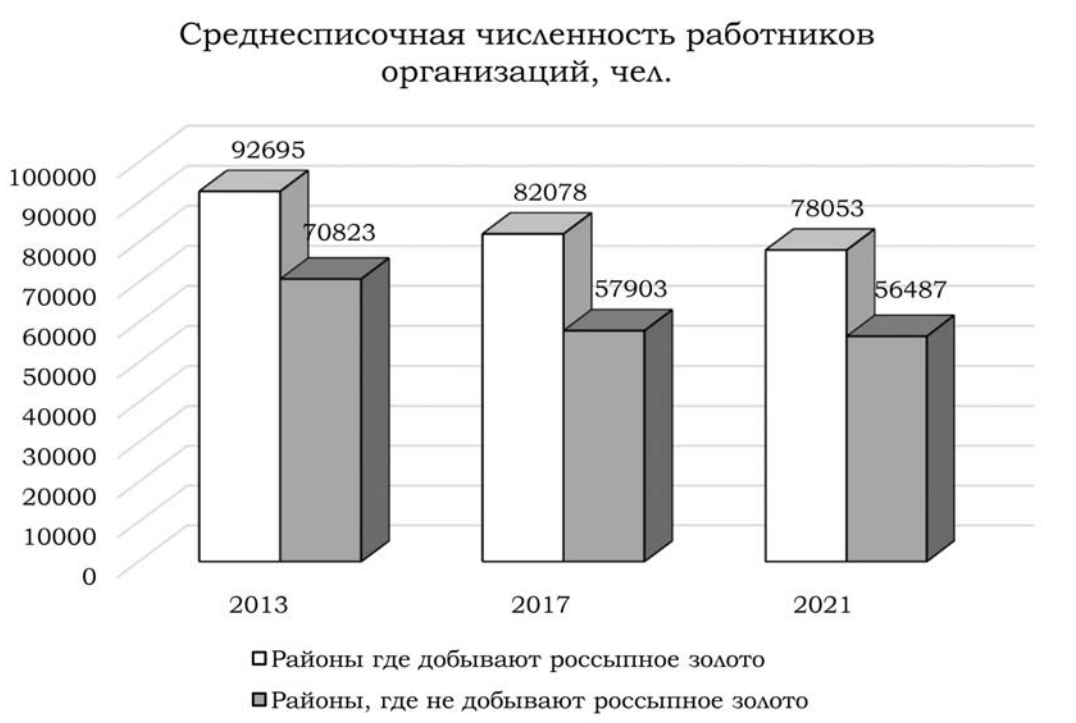

Рис. 3. Среднесписочная численность работников организаций Забайкальского края (за исключением г. Читы и прилегающего к краевому центру Читинского района), чел.

недропользования. В нашей работе мы привели результаты исследований, показывающие, что в настоящее время социально-экономическая отдача для местного населения незначительна, и не обеспечивает даже сколько-нибудь существенного поступления собственных доходов в муниципальные бюджеты

Значимость собственных доходов районных бюджетов часто недооценивается органами управления, поскольку политика «выравнивания» в какой-то степени компенсирует их недостаточность. Часто те муниципальные образования, у кого эти доходы ниже, просто получают больше трансфертов из региональных бюджетов. Однако собственные средства и средства из других уровней бюджетной системы имеют разное «качество». Наличие достаточных, устойчивых и независимых собственных доходов позволяют муниципалитетам планировать развитие территорий (по крайней мере на среднесрочном горизонте), ставить и решать наиболее актуальные для муниципального образования задачи, которые часто просто «не видны» с вышестоящих уровней. Кроме того, это делает местную власть более ответственной перед гражданами, за счет которых эти бюджеты пополняются, способствуют росту «инклюзивности» социально-экономических отношений в целом [Натхов и Полищук, 2017; Acemoglu & Robinson, 2012].

Возрастающий экологический ущерб от разработки россыпей связан и с тем, что с истощением запасов в этот процесс вовлекаются все более мелкие месторождения. Об этом говорит, в частности, резкое увеличение количества выданных лицензий (табл. 5).

В целом следует отметить, что добыча россыпного золота в Забайкальском крае охватывает существенный сегмент недропользования и является значительным источником бюджетных поступлений. В то же время – это один из наиболее экологически опасных видов природопользования, сопровождающийся не только точечными загрязнениями, но и разрушением ценных речных экосистем и утратой их экологических функций и экосистемных услуг [Титова, 2015; Farley, 2012; Ostrom et al, 1999]. Поэтому согласование экономических и экологических интересов при добыче россыпного золота остается одной из наиболее актуальных в области управления природными ресурсами. В потоке данных в рамках различных информационных ресурсов появляется все больше свидетельств о том, что этот вид экономической деятельности сопровождается разрушением природных систем, порождает серьезные экологические конфликты добывающих компаний с населением прилегающих территорий, и в то же время не оправдывает ожиданий экономических благ для местного сообщества.

Следует отметить кардинальное изменение структуры выдаваемого ежегодно «пакета» лицензий в Забайкальском крае. В 2010–2015 гг. выдача лицензий по категории «поиск и оценка» носила единичный характер. Чуть больше было лицензий по категории «изучение, разведка и добыча». Подавляющее большинство выдаваемых лицензий было по категории «изучение, разведка и добыча», их доля устойчиво превышала 80%. Начиная с 2016 г., стала резко увеличиваться доля лицензий на поиск и оценку, которые не предполагают добычи ресурса. За последние 4 года их количество значительно увеличилось, и к 2021 г. их доля в Забайкальском крае превысила 75%.

Экологические организации отмечают аналогичную динамику и в других регионах Дальнего Востока. Предложения по изменению существующей практики были сформулированы несколькими экологическими организациями при участии научного сообщества[6].

Работы российских и зарубежных ученых, посвященных развитию стран с богатым природно-ресурсным потенциалом, выявили важность перехода управляющих институтов от экстрактивных к инклюзивным и др. Работы российских ученых [Минакир, 2019; Минакир, Найден, 2020] свидетельствуют о том, что экстрактивность российских институтов в условиях дальневосточной институтов

Таблица 5

Число выданных лицензий на месторождения россыпного золота в Забайкальском крае

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
142	135	104	125	129	185	192	239	298	394

Источник: Роснедра.

[6] *Золотари. URL: https://zolotari.net/position (дата обращения 29.06.2022)*

трансформации не снижается. Это один из ключевых вопросов в контексте проблем пространственного развития России [Крюков, Коломак, 2021].

Тем не менее, в нынешних геополитических условиях вряд ли целесообразно полностью отказываться от добычи россыпного золота. Этот ресурс имеет определенный экспортный потенциал на рынках Азии, в то время как другие экспортные возможности в значительной степени могут быть утрачены. Однако для того, чтобы это стало реальным фактором повышения качества жизни местного населения и демографической стабилизации в регионах, необходимо провести ряд институциональных изменений. Во-первых, радикально изменить распределение доходов внутри бюджетной системы в этом сегменте недропользования. Во-вторых, необходимо повышение ставок платежей в рамках предельно допустимых, временно согласованных и сверхнормативных сбросов и за ущерб водным биологическим ресурсам. Размер нынешних выплат не способствует не только предотвращению аварийных сбросов, но и внедрению более щадящих технологий добычи. Необходимо срочно менять систему платежей за негативное воздействие на водные объекты в целом, которая практически полностью утратила свои регулирующие функции и теперь носит откровенно имитационный характер. И, самое главное, изменить систему коммерческого доступа к ресурсам, чтобы местное сообщество могло реально участвовать в принятии решений и играть в этом существенную роль.

Список источников:

1. Золотые реки. Выпуск 1. Амурский бассейн / Под ред. Е. А. Симонова. Владивосток: Апельсин, 2012.

2. Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227. № 1. С. 92–114.

3. Минакир П. А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–17.

4. Минакир П. А., Найден С. Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: Экономика и Социология. 2020. № 3(107). С. 30–61.

5. Михеев И. Е. Экосистемные услуги как инструмент защиты биоценозов малых рек // Рыбоводство и рыбное хозяйство. 2015. № 4. С. 3–7.

6. Натхов Т. В., Полищук Л. И. Политэкономия институтов: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой. D. Acemoglu, J. Robinson «Why Nations Fail». Часть 1. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2(34). С. 12–38.

7. Титова Г. Д. Оценка экосистемных услуг: потенциал применения на практике // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 3(118). С. 179–191.

8. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business, 2012.

9. Farley J. Ecosystem services: The economics debate // Ecosystem services. 2012. Vol. 1. Pp. 40–49.

10. Glazyrina I. P., Mikheev I. E., Eloyan A. Yu. Accommodation of Ecological and Economic Interests in Placer Gold Mining // Geography and Natural Resources. 2017. Vol. 38. No. 3. Pp. 275–280.

11. Latysheva M. A. Current state, prospects and problems of the gold mining industry of the Trans-Baikal Territory // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2022. Vol. 962.

12. Ostrom E., Burger G., Field C., Norgaard R., Policansky D. Revisiting the Commons: Local Lessons, Global Challenges // Science. 1999. Vol. 284. Pp. 278–282.

References:

1. Golden rivers. (2012) Issue 1. Amur Basin / Ed. E. A. Simonova. Vladivostok: Orange. (In Russ.)

2. Kryukov V. A., Kolomak E. A. (2021) Spatial development of Russia: main problems and approaches to overcoming them *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]. Vol. 227. No. 1: 92–114. (In Russ.)

3. Minakir P. A. (2019) Far Eastern institutional innovations: imitation of a new stage *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 15. No. 1: 7–17. (In Russ.)

4. Minakir P. A., Naiden S. N. (2020) Social dynamics in the Far East: a defect in ideas or a failure of institutions? *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. No. 3(107): 30–61. (In Russ.)

5. Mikheev I. E. (2015) Ecosystem services as a tool for protecting the biocenoses of small rivers. *Rybovodstvo i rybnoe khozyaystvo* [Fish farming and fisheries]. No. 4: 3–7. (In Russ.)

6. Natkhov T. V., Polishchuk L. I. (2017) Political economy of institutions: the importance of being inclusive. Reflections on the book. D. Acemoglu, J. Robinson "Why Nations Fail". Part 1. Institutions and economic development. Institutional Choice *zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 2(34): 12–38. (In Russ.)

7. Titova G. D. (2015) Assessment of ecosystem services: the potential for application in practice *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Transbaikal State University]. No. 3(118): 179–191. (In Russ.)

8. Acemoglu D., Robinson J. (2012) Pochemu natsii terpyat neudachu. Istoki vlasti, protsvetaniya i bednosti [Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. New York: Crown Business.

9. Farley J. (2012) Ecosystem services: The economics debate *Ekosistemnyye uslugi* [Ecosystem services]. Vol. 1: 40–49.

10. Glazyrina I. P., Mikheev I. E., Eloyan A. Yu. (2017) Accommodation of Ecological and Economic Interests in Placer Gold Mining *Geografiya i prirodnyye resursy* [Geography and Natural Resources]. Vol. 38. No. 3: 275–280.

11. Latysheva M. A. (2022) Current state, prospects and problems of the gold mining industry of the Trans-Baikal Territory in IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. Vol. 962.

12. Ostrom E., Burger G., Field C., Norgaard R., Policansky D. (1999) Revisiting the Commons: Local Lessons, Global Challenges *Nauka* [Science]. Vol. 284: 278–282.

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Информация об авторах

И. П. Глазырина – доктор экономических наук, профессор, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

И. С. Калгина – кандидат технических наук, Забайкальский государственный университет

В. С. Брезгин – кандидат экономических наук, доцент, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН

Information about the authors

I. P. Glazyrina – Doctor of Economics, Professor, the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS

I. S. Kalgina – Candidate of Technical Sciences, the Zabaikalsk State University

V. S. Brezgin – Candidate of Economics, Associate Professor, the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.66(571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-118-131

Социальные представления учащихся общеобразовательных школ Хабаровского края: социологическое измерение

Юрий Владимирович Березутский[1], Николай Михайлович Байков[2], Марина Алексеевна Буланова[3]
[1,2,3] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] berezutskiy-yv@ranepa.ru
[2] baykov-nm@ranepa.ru
[3] bulanova-ma@ranepa.ru

Аннотация. *В статье представлен теоретический обзор научных подходов к изучению «социальных представлений» как фундаментального конструкта социологии и смежных с ней наук и результаты их социологического измерения у школьников Хабаровского края. Генезис понятия «социальные представления» (социальные репрезентации), имеющий своим истоком научные взгляды и концептуальные обоснования классиками социальных наук (социологии, социальной психологии и др.) и современными отечественными и зарубежными исследователями, отражает как его высокую значимость, так и сложность интерпретации и эмпирического измерения. Методологический анализ основных научных подходов к изучению данного конструкта дает основание авторам широко использовать их как основу для социологического измерения социальных представлений учащихся общеобразовательных школ. Эмпирические результаты социологических опросов, полученные авторами, свидетельствуют, что система школьного образования формирует коллективные социальные представления учащихся как устойчивые образования идей, взглядов, ценностей и знаний, имеющие центральные ядра репрезентации, основанные на количественных и качественных показателях. Их социологическое измерение свидетельствует о содержании и объективации социальных представлений в отношении учебы, образовательных и профессиональных планов, миграционных настроений. Авторы считают целесообразным использовать представленные результаты социологического измерения социальных представлений школьников для выработки мер совершенствования государственной образовательной политики, прежде всего в формировании ценностно-мотивационного отношения (смыслов и образов) к учебе, выбору профессии, месту работы на региональном рынке труда и другим жизненным планам.*

Ключевые слова: *молодежь, учащиеся общеобразовательных школ, социальные представления, ценностные ориентации, условия обучения, профессиональная ориентация, миграционные настроения, Хабаровский край*

Для цитирования: Березутский Ю. В., Байков Н. М., Буланова М. А. Социальные представления учащихся общеобразовательных школ Хабаровского края: социологическое измерение // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 118–131. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-118-131

Social representations of the students of secondary schools of the Khabarovsk territory: sociological measurement

Yuriy V. Berezutskiy[1], Nikolay M. Baykov[2], Marina A. Bulanova[3]
[1,2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1] berezutskiy-yv@ranepa.ru
[2] baykov-nm@ranepa.ru
[3] bulanova-ma@ranepa.ru

Abstract. *The article presents theoretical overview of scientific approaches to the study of «social ideas» as a fundamental construct of sociology and related sciences and the results of their sociological measurement among the schoolchildren of the Khabarovsk territory. Genesis of the concept «social representations» (social representations), which has its origins in scientific views and conceptual justifications from the classics of social sciences (sociology, social psychology, etc.) to modern domestic and foreign researchers, reflects both its high significance and the complexity of interpretation and empirical measurement. The methodological analysis of the main scientific approaches to the study of this construct gives reason for the authors to widely use them as the basis for the sociological measurement of social ideas of students in general education schools.The empirical results of sociological surveys obtained by the authors indicate that the school education system forms collective social ideas of students as stable education of ideas, views, values and knowledge, having the central cores of representation, based on quantitative and qualitative indicators. Their sociological measurement testifies to the content and objectification of social ideas regarding study, educational and professional plans, migration moods. The authors consider it expedient to use the presented results of sociological measurement of social ideas of schoolchildren to develop measures to improve state educational policy, primarily in the formation of a value-motivation attitude (meanings and images) to study, the choice of profession, place of work in the regional labor market and other life plans.*

Keywords: *youth, students of general education schools, social ideas, value orientations, educational conditions, professional orientation, migration moods, the Khabarovsk territory*

For citation: Berezutskiy Yu. V., Baykov N. M., Bulanova M. A. Social representations of the students of secondary schools of the Khabarovsk territory: sociological measurement // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 118–131. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-118-131

Введение

Роль обучения в школе для обеспечения социальной и профессиональной успешности личности обучающего и устойчивого социально-экономического развития государства многократно возрастает в период системной трансформации общественных отношений и глобальных технологических изменений на рынке труда. Главная задача современной школы – это раскрытие способностей учащихся, социальное и гражданское формирование личности, готовой к жизни в высокотехнологичном и конкурентном мире.

В современных условиях беспрецедентного санкционного давления недружественных стран «коллективного Запада» от школьного образования требуется не только формирование у обучающихся системных научных знаний, но и формирование у них гражданской социальной ответственности, как важного показателя социальной зрелости. Речь идет о ценностно-мотивационном потенциале, который репрезентирует в коллективном сознании учащихся их отношение к учебе, выбору профессии, трудовой занятости и другим жизненным планам и стратегиям.

В этой связи социологическое измерение социальных представлений учащихся

и динамики их изменений представляет исследовательский интерес для совершенствования школьного образования под цели их личностного и регионального развития.

Методология исследования

Значительный научный вклад в изучение социальных представлений вносит социологическая наука, объектом которой являются социальный институт образования и связанные с ним социальные группы и процессы, органы управления и др. Они рассматриваются в системе многих факторов, которые влияют на сознание и поведение субъектов образовательной деятельности. Необходимость в изучении представлений учащихся школ об окружающей действительности усматривали видные социологи и психологи. Не претендуя на всесторонний обзор имеющихся источников, отметим наиболее значимые позиции, представляющие интерес для анализа социальных представлений школьников в процессе обучения.

Принято считать, что теория социальных представлений развивалась из положений Э. Дюркгейма, который различал коллективные и индивидуальные представления. Согласно Э. Дюркгейму, у людей есть два типа сознания: индивидуальное, которое характеризует каждого субъекта как индивидуальность, и коллективное – общее для какой-то социальной группы: «солидарность, вытекающая из сходств, имеется тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю»[1]. Применительно к учащимся школ, их коллективные представления в значительной степени детерминированы и формируются под влиянием общих факторов социализации института образования. Именно сформированные коллективные представления отражают в большей степени роль образования, в то время как индивидуальные представления отражают влияние семьи на сознание школьников.

С. Московичи, как признанный авторитет в разработке теории социальных представлений, полагает, что они не являются тождественными коллективным представлениям, и относит их к ряду «высказываний, понятий и объяснений, которые возникают в повседневной жизни в ходе межличностного общения. В обществе они являются эквивалентными системам и мифам религиозных убеждений в обществах традиционного типа: их можно было бы даже называть современной вариацией здравого смысла» [Московичи, 1981. С. 182].

Социальные представления в концепции С. Московичи можно рассматривать в широком и узком плане. В широком понимании они рассматриваются как форма социального мышления, а в более узком – специфическая форма знания (знание здравого смысла). Как сеть понятий, объяснений и утверждений социальные представления рождаются в ходе межличностной коммуникации повседневной жизни: «представления социальны, являются психологическим фактом в трех отношениях: имеют безличный аспект, принадлежа всему миру; считаются представлением другого, принадлежа иным людям или группе» [Московичи, 1995. С. 12]. Отсюда важная характеристика социальных представлений – их типичность и распространенность в социальной группе (например, школьников), объединенной общими социальными признаками, единым социальным институтом (например, образованием) и своя социальная направленность (например, выбор будущей профессии). В общем понимании структуру социальных представлений определяют, как состоящую из когнитивных (взгляды, убеждения, мнения, суждения), эмоциональных (чувства, эмоции), ценностно-мировоззренческих (ценности, ценностные ориентации, мотивы, установки) и практико-ориентированных (традиции, символы, образцы поведения). В общем и целом в процессе образования и происходит процесс формирования образов (социальных установок), представляющий собой процесс «превращения незнакомого в знакомое» [Московичи, 1990. С. 384].

Вольфганг Вагнер, как один из авторитетных теоретиков концепции социальных представлений, предлагает терминологически различать «представления» и «представление» [Вагнер, 1996. С. 248].

[1] *Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. URL: https://www.phantastike.com/sociology/o_razdelenii_obshestvennogo_truda/html/?page=2*

Представление – это социальные процессы, вовлеченные в репрезентирование, а представления – это образы, метафоры, изображения как результаты этого процесса. Соответственно, можно изучать структуру и динамику представлений населения (социальных групп) о чем-либо, с одной стороны, и сам непосредственно процесс представления, с другой стороны [Емельянова, 2001. С. 44].

В свою очередь У. Томас и Ф. Знанецкий обращали внимание на то, что субъект выражает реакцию на ситуацию, исходя из того, как он ее воспринимает самостоятельно. Выработка этой проблематики привела У. Томаса к формулированию теоремы Томаса: «… если ситуации определены как реальные, они и ставятся реальными по собственным последствиям». Этот феномен Р. Мертон назвал «самоисполняющимся пророчеством» [Мертон, 2006. С. 605].

Социологическая проблема образования, по Ф. Знанецкому, – это промежуточное звено между проблемами социальной позиции и функции, с одной стороны, и собственной индивидуальности, личности, с другой. С социологической точки зрения в индивиде первичны его социальная позиция и функция; не проявление своей природы, а культурную систему конструирует он с помощью своей среды, редко творя, а обычно копируя ее с готовых моделей [Добреньков, 1994. С. 74]. Не случайно, что процесс образования по своей сути – это ничто иное, как процесс формирования образов, наделенных определенными смыслами и позволяющий определять и направлять социальные действия индивидов.

Именно образы тех или иных социальных явлений, процессов или объектов (например, образ дальневосточника, образ социально активного молодого человека, образ успешного человека, образ предпринимателя, образ профессионала и т.п.), наполненные заданными смыслами, по мнению Ю. А. Зубок, и «позволяют молодым людям конструировать свое отношение к ним…; они действуют на основе значений (смыслов), которые придают этим объектам» [Зубок, Чупров, 2016. С. 32].

Несмотря на разнообразие теоретико-методологических подходов к изучению конструкта «социальных представлений», ни С. Московичи, ни его последователи не определили требований к методологии их исследований. Как следствие, эта область характеризуется большим количеством разнообразных методов: от количественных опросов и фокус-групп до лабораторных экспериментов.

Анализируя историю и современное развитие теории социальных представлений, Бовина А.Б. отмечает, что «будучи социально выработаны и разделены, представления порождаются в коммуникациях, в бесчисленных диалогах. Они же выполняют и другую важную функцию – облегчение осуществления коммуникаций. Остальные функции социальных представлений заключаются в ориентации поведения индивидов и оправдании социальных отношений, в конструировании и поддержании социальной идентичности» [Бовина, 2010. С. 10].

Романова Е.С., рассматривая развитие социальных представлений школьников в контексте их гражданского и профессионального становления отмечает, что «критерием их сформированности об основных составляющих взрослой жизни можно считать изменения в когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентах деятельности (когнитивный – «что я знаю?»; эмоционально оценочный – «как я отношусь?»; ценностно ориентировочный – «чем обосновано мое отношение?»; результативно деятельностный – «как я себя веду?»), свидетельствующие о готовности к социальной активности» [Романова, 2010. С. 53].

В обстоятельном обзоре Е. П. Емельяновой [Емельянова, 2001. С. 39–47] современных тенденций, проблем и перспектив, развития концепции социальных представлений, которые вырисовываются по итогам последнего десятилетия XX века, отмечается, что «все еще не реализованными остаются пожелания, высказанные Московичи несколько лет назад в адрес исследователей социальных представлений: обратить внимание на ценностные аспекты социальных представлений; изучать правила дискурса и их влияние на формирование социальных представлений; анализировать характер самих тем, с которыми связаны вновь возникающие социальные представления, их связь с коллективной памятью и языком; задуматься над проблемой рациональности социальных представлений и

их обратного влияния на науку; проявить интерес к таким консенсусным универсумам, как искусство и дизайн» [Московичи, 1993. С. 169].

Таким образом, проведенный анализ теоретического обоснования формирования и проявления социальных представлений в обществе позволяет сделать ряд обоснованных выводов:

- во-первых, социальные представления, как социальный конструкт, активно изучаются исследователями разных научных направлений, результаты которых широко представлены в отечественном и зарубежном современном дискурсе;

- во-вторых, социальные представления – это сложный социальный феномен, представляющий собой совокупность социальных знаний, воззрений, мнений, размышлений, формирующихся в процессе межличностной коммуникации и характеризующихся типичностью и распространенностью в социальных группах;

- в-третьих, социальные представления как образы формируются и наполняются смыслами в процессе непосредственного образования, вследствие чего важную роль в осмыслении социальных представлений молодежи играет процесс исследования функционирования института образования.

Какие социальные представления в отношении учебы и перспектив своей самореализации доминируют в общественном сознании школьников? Какую роль в формировании социальных представлений играет сегодня система образования?

Для эмпирического обоснования социальных представлений школьников нами был проведен опрос во всех муниципальных образованиях Хабаровского края[2]. Исследование ориентировано на выявление социальных представлений этой большой социально-демографической группы и выявление их взаимосвязи с конкретными социальными позициями, которые присущи ее членам. Главной целью исследования выступало раскрытие содержания, а в отдельных случаях и процесса формирования и развития социальных представлений школьников на разных возрастных этапах обучения и социализации. Наряду с этим исследованием в работе использованы результаты экспертного интервью руководства и учителей школ Хабаровского края, позволяющие оценить влияние современной школы на мотивацию учащихся к образованию[3].

Представления учащихся об условиях обучения как результат созданных образовательных условий

В целом результаты опроса школьников, несмотря на общее доминирование их интереса к учебе (порядка 60% школьников отмечают, что им нравится учиться), свидетельствуют о высокой доли тех, кому учиться не особенно интересно (порядка 30% в сумме вариантов ответа «скорее не нравится» и «не нравится»). При этом не имеет значения, в каком классе учится учащийся (табл. 1), что свидетельствует о типичности условий обучения, идентичности информационных факторов и условий социализации, что в конечном итоге позволяет сделать вывод о сформировавшихся устойчивых коллективных социальных представлениях, оказывающих влияние на развитие индивидуальных представлений.

---

[2] Социологическое исследование по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению». Опрошено 6649 школьников 8–11 классов всех 19 муниципальных образований Хабаровского края. Выборочная совокупность репрезентирует по территориальным, образовательным и возрастным характеристикам учащихся школ. Опрос проведен Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС совместно с Хабаровским краевым институтом развития образования в мае 2022 г. Научный руководитель –. Ю В. Березутский, канд. социол. наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС.

[3] Социологическое исследование (экспертный опрос) по теме: «Влияние современного оборудования на мотивацию обучающихся к образовательной деятельности». Опрошено 30 учителей 10 гимназий и лицеев г. Хабаровска и г. Комсомольска-на-Амуре. Опрос проведен Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС по заказу АНО «Агентство стратегического развития в сфере образования Хабаровского края» в апреле 2022 г. Научный руководитель –. Ю. В. Березутский, канд. социол. наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС.

Таблица 1

Результаты ответа учащейся молодежи Хабаровского края на вопрос анкеты: «Нравится ли Вам учиться в школе?» (в % от числа опрошенных)

Оценки	8 класс	9 класс	10 класс	11 класс	В целом
Да, очень нравится	16,2	18,2	24,4	26,6	18,7
Скорее нравится, чем нет	42,6	42,4	43,1	41,4	38,3
Скорее не нравится, чем да	18,8	17,5	15,7	14,4	18,9
Нет, не нравится	10,4	12,7	9,8	11,2	14,7
Затрудняюсь ответить	12,0	9,1	7,0	6,4	9,4

Источник: результаты социологических опросов, полученные авторами.

Наряду с этим учащиеся демонстрируют различные оценки в отношении различных условий обучения в своих школах. В сумме вариантов ответов на «отлично» и «хорошо» школьники оценивают обеспеченность учебниками (69,2%); комфорт в школьных классах (50,3%); качество полученных знаний (50,2%); возможность питания в школе (48,5%); техническую оснащенность классов (43,6%); наличие дополнительных кружков и секций (41,1%). Полученные оценки свидетельствуют о наличии существенного потенциала развития и наращивания инфраструктурных, педагогических и технических ресурсов в системе общего образования региона. На этом сосредоточено и внимание родителей, компенсирующих, на их взгляд, недостаточность школьной подготовки для дальнейшего профессионального обучения репетиторством каждого третьего школьника по различным предметам (27,1%).

Это в определенной степени оправдано оценками учащихся сложившейся диспропорции в существующих школьных кружках и секциях дополнительного образования. Оценки школьниками посещения дополнительных кружков и секций свидетельствуют о доминировании спортивного направления (43,7%) над остальными: творческие кружки (17,2%), языковые курсы (10,7%), музыкальные (10,6%), компьютерные (7,9%) и технические (5,5%) секции имеют недостаточную представленность в школьной внеучебной деятельности.

Ценностные ориентации учащихся как основа социальных представлений

Доминирующая направленность ценностных ориентаций человека фиксируется как занимаемая им жизненная позиция, которая определяется по критериям уровня вовлеченности в сферу труда, в семейно-бытовую и досуговую активность.

Общее ранжирование ценностей в рамках нашего исследования свидетельствует, что учащаяся молодежь ориентируется в основном на общечеловеческие ценности личного счастья. Шестью самыми важными ценностями-целями для молодежи края (оцениваемые как значимые) являются: здоровье (65,2%), наличие хороших и верных друзей (60,2%), уверенность в себе (48,4%), материально-обеспеченная жизнь (47,9%), интересная работа (44,0%) и любовь (43,6%) (табл. 2).

Результаты показывают ориентацию молодежи в значительной степени на индивидуализм, нежели на социально-ориентированные ценности, поскольку, например, «общая хорошая обстановка в стране и обществе», «равенство», «общественное признание», как ценности, ориентированные на социум, занимают нижние строчки рейтинга. Ценности демократии («свобода как независимость в поступках и действиях», «самостоятельность как независимость в суждениях и оценках», «равенство, как равные возможности для всех») в оценках молодежи имеют не столь выраженную ценность.

Результаты опроса свидетельствуют, что в большей степени в молодежной среде доминируют ценности личной жизни, нежели ценности профессиональной самореализации. Учащаяся молодежь края в своих ценностях-средствах (инструментальных ценностях) руководствуется в большей степени «воспитанностью» (62,5%), «жизнерадостностью» (57,1%), «ответственностью» (53,9%), «честно-

Таблица 2.

Ранжирование терминальных ценностей по степени значимости учащейся молодежью Хабаровского края (в % от числа опрошенных)

Терминальные ценности	%
Здоровье (физическое и психическое)	65,2
Наличие хороших и верных друзей	60,2
Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)	48,4
Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	47,9
Интересная работа	44,0
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	43,6
Удовольствия (жизнь, полная удовольствий, развлечений, приятного проведения времени)	42,2
Активная, деятельная жизнь	39,1
Счастливая семейная жизнь	37,6
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемый жизненным опытом)	36,6
Равенство (равные возможности для всех)	31,4
Творчество (возможность творческой деятельности)	29,6
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	26,9
Общая хорошая обстановка в стране, в обществе, сохранение мира между народами (как условие благополучия каждого)	26,2
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	25,0
Свобода как независимость в поступках и действиях	24,3
Самостоятельность как независимость в суждениях и оценках	23,6
Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)	22,0

Источник: результаты социологических опросов, полученные авторами.

стью» (49,8%), «аккуратностью» (47,3%) и «независимостью» (45,5%), которые в то же время являются ориентирами лишь для примерно половины молодежи.

Результаты нашего исследования демонстрируют определенную дистанцированность молодежи от социальной жизни общества на уровне ценностного восприятия. Ценности индивидуального счастья и самореализации доминируют в общественном сознании учащейся молодежи региона.

Представления учащихся о профессиональной ориентации в школах

В целом чуть более половины учащихся определились со своей будущей профессией (53,0%). При этом тенденция такова, что чем старше становится учащийся, тем более определен профессиональный выбор.

В представлениях учащейся молодежи необходимо существенно повышать роль современной школы в профессиональной ориентации учащихся, особенно под потребности регионального социально-экономического развития. Так, менее половины школьников оценивают профориентационную работу в своей школе на «отлично» и «хорошо» (41,7%) при 27,8% удовлетворительных оценках, 13,3% – неудовлетворительных и 11,4% – затруднившихся с оценкой.

При этом выявлены существенные противоречия в представлениях учащихся о том, кто им помогает определиться с их профессией, и о том, кто, по их мнению, должен в этом помогать. Так, 79,1% считают, что это их собственный выбор, 28,2% отмечают, что им помогли родители; 15,6% помогли СМИ и Интернет; 10,2% – друзья и знакомые. Лишь 6,6% выбрали учителей и 5,7% отметили специалистов в области профориентации. Однако школьники ожидают значительно большего участия в профориентационной работе от субъектов профориентации, в том числе и от школы: 67,3% ожидают помощи от родителей, 41,4% – от специалистов по профориентации, 28,7% – от школьных учителей (табл. 3).

Таблица 3

Субъекты профессионального выбора учащихся Хабаровского края (в % от числа опрошенных)

Субъекты профессионального выбора учащихся	Кто (или что) ПОМОГ Вам определиться с выбором Вашей будущей профессии?	Кто (или что) на Ваш взгляд ДОЛЖЕН помогать в выборе будущей профессии школьникам?
Это мой самостоятельный выбор	79,1	-
Родители	28,2	67,3
СМИ, Интернет	15,6	26,6
Друзья, знакомые	10,2	20,9
Родственники	9,1	19,4
Учителя	6,6	28,7
Профориентологи (специалисты в профориентации)	5,7	41,4

** Сумма ответов превышает 100%, т.к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа.*

*** От числа тех, кто определился с будущей профессией.*

**** В вопросе «Кто (или что) на Ваш взгляд ДОЛЖЕН помогать в выборе будущей профессии школьникам?» вариант ответа «это мой самостоятельный выбор» отсутствовал.*

Источник: результаты социологических опросов, полученные авторами.

Сегодня в школах региона используется широкий спектр профориентационных мероприятий: элективные курсы, профориентационное тестирование, профессиональные пробы; консультации, встречи с представителями профессий, выездные мероприятия в вузы и ссузы, экскурсии на предприятия и др. Однако следует отметить, что при наличии большого разнообразия профориентационных мероприятий в целом отсутствует именно системность профориентационной работы в каждой школе: в доминирующей степени в школах распространены «пассивные» формы (профориентационное тестирование), в меньшей степени «активные» формы (знакомство с представителями профессий, выездные мероприятия, экскурсии на предприятия и т.п.). Так, среди ТОП-5 проводимых в школах профориентационных мероприятий школьниками отмечены профориентационное анкетирование, тестирование (56,8%), мероприятия в школе с привлечением техникумов, колледжей (26,9%), выездные мероприятия в техникумы, колледжи (22,6%), участие в проекте «Билет в будущее» (22,5%), встречи с представителями разных профессий (20,2%).

Мотивация выбора образовательной и профессиональной траектории

В целом в оценках учащихся доминируют представления о престижности высшего образования (84,0%) над средним профессиональным (63,1%), хотя последнее оценивается школьниками достаточно высоко.

Согласно результатам опроса, абсолютное большинство учащихся ориентировано после завершения школьного обучения получить профессиональное образование: лишь 2,7% опрошенных не планируют после окончания школы поступить в учреждение среднего профессионального или высшего образования. При этом значительная часть выпускников 9 классов выбирает среднее профессиональное образование, в то время как выпускники 11 классов в подавляющем большинстве ориентированы на получение высшего образования. При этом результаты опроса свидетельствуют о достаточно высокой степени неопределенности в образовательно-профессиональном выборе учащихся выпускных классов (9 и 11 классов): несмотря на то, что опрос проводился накануне выпуска (в мае), каждый четвер-

тый девятиклассник и каждый пятый одиннадцатиклассник еще не решил, в какое образовательное учреждение он будет поступать после окончания школы (табл. 4).

Мотивация профессионального выбора учащихся выступает наглядным индикатором престижа труда как такового, профессии. Современная молодежь характеризуется в профессиональной мотивации ориентацией на статусные символы: деньги, престиж и карьеру. Социальная значимость профессии, условия деятельности и интересное содержание играют в представлениях молодежи второстепенное значение.

Наиболее важными критериями определения престижа профессии в оценках учащихся являются: высокий уровень оплаты труда (74,9%), востребованность на рынке труда (63,3%), возможность построения карьеры (52,8%) (табл. 5).

Таблица 4

Результаты ответа учащейся молодежи Хабаровского края на вопрос анкеты: «Хотели бы Вы после окончания школы поступить в образовательное учреждение (ВУЗ, техникум или колледж) на территории Хабаровского края?» (в % от числа опрошенных)

Оценки	8 класс	9 класс	10 класс	11 класс	В целом
Да, планирую поступать в вуз Хабаровского края	18,6	20,0	39,6	43,3	25,9
Да, планирую поступать в техникум или колледж Хабаровского края	27,1	33,8	7,2	11,4	23,8
Нет, не планирую продолжать обучение на территории Хабаровского края, планирую уехать для поступления в другой регион страны	20,2	19,5	28,1	26,6	22,2
Еще не решил	31,7	23,6	22,5	16,2	25,4
Не планирую вообще поступать в вуз или техникум, колледж	2,4	3,1	2,6	2,5	2,7

Источник: результаты социологических опросов, полученные авторами.

Таблица 5

Результаты ответа учащейся молодежи Хабаровского края на вопрос анкеты: «Чем, на Ваш взгляд, определяется сегодня престиж профессии?» (в процентах от числа опрошенных)

Характеристики престижа	8 класс	9 класс	10 класс	11 класс	В целом
Высоким уровнем оплаты труда	73,0	74,6	77,6	77,7	74,9
Востребованностью на рынке труда	53,8	63,6	73,7	76,2	63,3
Возможностью построения карьеры	51,6	51,1	55,8	56,8	52,8
Комфортными условиями деятельности	47,9	48,2	44,6	45,4	47,1
Уважением и доверием к профессии со стороны общества	40,5	40,7	36,5	40,2	39,9
Значимостью профессии для общества, края, города	39,9	38,1	41,3	42,4	39,9
Интересным содержанием деятельности	37,6	35,0	33,6	32,8	35,5
Самостоятельностью в действиях	24,1	22,5	19,9	20,5	22,4
Возможностью для творчества	22,3	21,8	19,6	17,7	21,1
Доступностью к власти	17,0	16,2	16,2	17,7	16,7
Трудно сказать	7,1	5,9	3,3	3,4	5,6

Источник: результаты социологических опросов, полученные авторами.

Результаты, приведенные в таблице выше, показывают, что социальные представления учащихся имеют абсолютную идентичность, независимо от возраста и класса обучения. Это, в свою очередь, свидетельствует об устойчивых тенденциях и общесистемности факторов их формирования у молодежи. В этом и проявляется объективизм субъективных представлений.

При этом объективная реальность такова, что в представлениях молодежи о востребованных в Хабаровском крае профессиях доминируют, прежде всего, социально-значимые профессии. Так, ТОП-10 наиболее востребованных, с точки зрения молодежи, профессий, выглядит так (вопрос был открытым, молодые люди сами вписывали профессии): профессии в сфере медицины (43,9%), профессии в сфере образования (34,1%), технические специальности (24,7%), IT-специалисты (15,2%), адвокат, юрист, судья (10,3%), инженер (10,3%), строитель (10,3%), сотрудник правоохранительных органов (8,2%), сфера менеджмента, маркетинга (5,7%), водитель (таксисты, водители автобуса) (4,2%).

Как выше мы уже отмечали, примерно половина опрошенных школьников определилась со своей будущей профессией. Отвечая на открытый вопрос анкеты (учащиеся сами вписывали варианты ответов) «Если определились со своей будущей профессией, то кем Вы хотите стать?», учащиеся назвали порядка 40 профессий. Наиболее распространенные среди них в значительной степени коррелируют с пониманием учащимися наиболее востребованных профессий в регионе: врач (18,0%), педагог (12,1%), IT-специалист (9,6%), сотрудник правоохранительных структур (9,4%), юрист (5,9%), дизайнер (4,8%), военнослужащий (3,9%), инженер (2,6%), повара(2,5%), механик (2,5%) и др.

Миграционные намерения и образовательные стратегии

Как отмечалось ранее, учащиеся в отношении дальнейшей своей образовательной и миграционной траектории разделились на 4 практически равные группы: 25,9% планируют поступить в вуз Хабаровского края, 23,8% планируют поступить в техникум или колледж Хабаровского края, 22,2% планируют уехать поступать за пределы региона и 25,4% еще не определились со своим дальнейшим выбором (2,7% не планируют в будущем продолжать вообще профессиональное обучение). Получается, что, по сути, лишь половина школьников планирует обучаться в регионе, а вторая половина либо точно хочет уехать поступать за пределы региона, либо еще не определилась с выбором (но однозначного желания оставаться в регионе не демонстрирует).

Выбор «миграционно-образовательных» стратегий школьников направлен в сторону Санкт-Петербурга (29,1%), в города центральной России (21,3%), в Москву (14,7%) и в другую страну (6,1%). В города Дальнего Востока за пределами Хабаровского края планирует поехать пятая часть опрошенных учащихся (18,4%).

Главными причинами нежелания школьников поступать в образовательные учреждения Хабаровского края обозначены: отсутствие в регионе перспектив своего профессионального развития (49,9%), просто желание уехать из региона (39,5%), ограниченные возможности в регионе трудоустройства по будущей профессии (36,6%), трудности найти подходящую специальность (профессию) (32,8%), низкий уровень заработной платы в регионе по выбранной профессии (32,0%) (табл. 6).

Оценка педагогического сообщества школ региона того, что сегодня многие выпускники школ Хабаровского края поступают в образовательные учреждения за пределами Дальнего Востока, двоякая.

С одной стороны, педагоги выражают большую удовлетворенность тем, что выпускники их образовательных организаций имеют возможность поступать в престижные вузы Москвы, Санкт-Петербурга и других центральных регионов. С другой стороны, они осознают, что Хабаровский край теряет возможность укрепления своего кадрового потенциала из-за безвозвратного оттока выпускников для обучения в вузах за пределами региона.

Таблица 6

Результаты ответа учащейся молодежи Хабаровского края на вопрос анкеты: «Если Вы не планируете поступать в учебные заведения Хабаровского края, то укажите причину?» (в процентах от числа опрошенных, желающих уехать за пределы региона)

Причины	8 класс	9 класс	10 класс	11 класс	В целом
Трудно найти подходящую для обучения специальность (профессию)	32,5	34,0	37,3	25,4	32,8
Ограниченные возможности в регионе трудоустройства по будущей моей профессии	37,9	35,4	37,0	35,6	36,6
Низкий уровень заработной платы в регионе по выбранной профессии	32,5	31,1	32,0	32,6	32,0
Низкий уровень и качество обучения в местных образовательных организациях	26,1	29,2	34,2	35,2	30,2
Не вижу в регионе для себя перспектив профессионального развития	45,3	48,2	55,1	55,5	49,9
Не нравится здесь климат, экология	21,6	23,0	23,4	30,1	23,7
Неразвитость здесь системы досуга	14,4	18,8	23,7	25,0	19,3
Просто хочу уехать с территории региона	40,1	40,1	38,3	38,6	39,5

Источник: результаты социологических опросов, полученные авторами.

Интересны и показательны оценки педагогического сообщества, раскрывающие особенности миграционных настроений выпускников:

– «знаете, если честно, я рада, что у детей есть возможность поступить туда, куда они хотят»;

– «как коренная хабаровчанка я расстроена, потому что люблю этот город, но с другой стороны, мы рады, что дети, благодаря тем знаниям, которые мы даём, имеют возможность сделать свой выбор»;

– «я много-много лет жила в Хабаровске, люблю свой город, люблю свой край. И мне грустно оттого, что дети уезжают. Но ведь все понимают, что здесь возможностей меньше. Для развития, для карьерного роста здесь возможностей меньше, там больше»;

– «знаете, я всегда спрашиваю выпускников, куда они собираются поступать. Они намерены поступать в Москве, Санкт-Петербурге. Они город выбирают. В последнее время это новомодная тенденция, то есть поступают в Санкт-Петербурге, в Москве. У родителей есть возможность дать детям всё самое лучшее, а самое лучше, почему-то так у нас считается, что это Санкт-Петербург или Москва»;

– «здесь у меня двоякое мнение. Во-первых, жалко, что дети не поступают в наши вузы, но я могу сказать, что наши ВУЗы, не очень заинтересованы в работе с детьми (то есть приходить к нам, рассказывать про специальности, мотивировать детей). Я бы хотела, чтобы аспиранты приходили в школу и проводили работу с детьми, то есть нужно создать контакт школа-вуз».

Мотивы отъезда выпускников и их нежелание поступать в вузы региона опрошенные педагоги видят в ограниченном количестве направлений профессиональной подготовки в них, в условиях дальнейшего трудоустройства по полученной специальности, в желании родителей обучать детей в престижных вузах и т. д. Особую озабоченность большинство опрошенных высказывают по поводу ликвидации Хабаровского государственного педагогического университета как кузницы педагогических

кадров. А кадровую потребность в учителях педагоги региона выделяют в качестве ключевой проблемы развития общего образования в Хабаровском крае:

– «Не хватает учителей! Начну с этого и закончу этим! Основная проблема – это нехватка учителей. Мало молодёжи, которая идёт работать учителями. Надо поднимать престиж профессии во всех её направлениях. Нужно создавать условия, чтобы молодые специалисты шли к нам работать»;

– «Ко мне за годы моей работы в школе приходили один, два студента на практику и ни один не вернулся к нам. Мне кажется, что они вообще по специальности не пошли работать. Это говорит о том, что мало учителей, и мало учителей новых, которые приходят в школу»;

– «Я вижу большую проблему в недостатке кадров. Мы очень жалеем о том, что педагогического института у нас не стало в Хабаровске. Поэтому этот вопрос у нас самый больной»;

– «А в школе у нас вы видите возраст? Молодёжи то особо у нас нет. Они и не хотят сюда идти. Заработная плата такая, что они сюда точно не пойдут».

Заключение. Результаты проведенного анализа свидетельствуют, что система школьного образования формирует определенные устойчивые коллективные социальные представления учащихся. Оценки учащихся по основным вопросам практически не различают в зависимости от территории проживания или класса обучения, что свидетельствует о коллективном характере социальных представлений учащихся. Эта идентичность оценок прослеживается и в отношении оценок учебы, и в отношении образовательных и профессиональных планов, и в отношении миграционных настроений.

В целом учащиеся Хабаровского края демонстрируют усредненный интерес к учебе. Различными условиями обучения в школах края удовлетворены порядка половины учащихся. В профессиональной мотивации молодежь ориентируется в большей степени на значимые статусные символы: деньги, престиж и карьеру. Социальная значимость профессии, условия деятельности и интересное ее содержание имеют в представлениях молодежи второстепенное значение.

Зоны риска в ценностно-мировоззренческих установках учащейся молодежи связаны с доминированием индивидуалистических ценностей над социальными представлениями коллективизма, солидарности, а также невысоким уровнем приоритетности ценностей, формирующих правовую культуру молодежи: ответственность, исполнительность, самоконтроль, терпимость, честность.

Отсутствие уверенности в своем профессиональном будущем в регионе способствует значительному миграционному оттоку молодежи края на поступление в образовательные учреждения за пределами региона (в большинстве своем в г. Москве и г. Санкт-Петербурге).

Анализ коллективных представлений молодежи показывает, что в их основе лежат противоречивые социальные представления молодежи о бесперспективном регионе, о невысоком качестве образования в местных учреждениях, об ограниченных возможностях трудоустройства по выбираемой профессии и др. На наш взгляд, именно эти представления молодежи и должны быть заложены в систему профориентационной работы с учащимися. При этом акценты необходимо делать, прежде всего, на информирование молодежи о своем регионе и его возможностях, образовательных учреждениях, востребованных профессиях на рынке труда. Профориентационную политику личностного и социального развития подрастающего пококления целесообразно выстраивать с раннего детства, закреплять по мереего взросления в образовательных организация при активной и действенной поддержке семей и работодателей, с направленностью, прежде всего, на профессии, востребованные на региональном рынке труда.

Список источников:

1. Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 74.
2. Бовина И. Б. Теория социальных представлений, история и современное развитие // Социологический журнал, 2010. №3. С. 5–20.
3. Емельянова Т. П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39–47.
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 32.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Москва: Хранитель, 2006. С. 605.
6. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд Московичи // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 12.
7. Романова Е. С. Развитие социальных представлений как одна из задач гражданского и профессионального становления школьников // Вестник практической психологии образования. 2010. № 5. С. 50–55.
8. Moscovici S. Introductory Address // Papers on social representations. 1993. Vol. 2. № 3. P. 169.
9. Moscovici S. (1981) On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding. / Ed. By P.J. Forgas. London: 181–209.
10. Moscovici S. (1990) The origin of social representations: a response to Michael // New ideas in psychology. Vol. 8. № 3: 383–388.
11. Wagner W. (1996) The Social representation paradigm // The Japanese journal of experimental social psychology. Vol. 35. № 3: 248.

References:

1. Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl' [American Sociological Thought] / Ed. IN AND. Dobrenkov. M.: Publishing House of Moscow State University, 1994: 74. (In Russ.)
2. Bovina I. B. (2010) Theory of social representations, history and modern development *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological journal]. No. 3: 5–20. (In Russ.)
3. Emelyanova T. P. (2001) Social representation - concept and concept: results of the last decade *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 22. No. 6: 39–47. (In Russ.)
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2016) Trust in the self-regulation of social interactions of youth in a changing social reality *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development]. No. 5 (85): 32. (In Russ.)
5. Merton R. (2006) Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]. M.: ACT Moscow: Keeper: 605. (In Russ.)
6. Moskovichi S. (1995) Social representations: historical view of Moskovichi *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 16. No. 1: 12. (In Russ.)
7. Romanova E. S. (2010) The development of social representations as one of the tasks of civil and professional development of schoolchildren *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education]. No. 5: 50–55. (In Russ.)
8. Moscovici S. (1993) Introductory Address *Stat'i o sotsial'nykh predstavleniyakh* [Papers on social representations]. Vol. 2. No. 3: 169.
9. Moscovici S. (1981) On Social representations Sotsial'noye poznaniye: vzglyady na povsednevnoye ponimaniye [Social cognition: Perspectives on everyday understanding] / Ed. By P.J. Forgas. London: 181–209.
10. Moscovici S. (1990) The origin of social representations: a response to Michael *Novyye idei v psikhologii* [New ideas in psychology]. Vol. 8. No. 3: 383–388. (In Russ.)

11. Wagner W. (1996) The Social representation paradigm *Yaponskiy zhurnal sotsial'noy eksperimental'noy psikhologii* [The Japanese journal of social experimental psychology]. Vol. 35. No. 3: 248.

Статья поступила в редакцию 12.08.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 12.08.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Информация об авторах

Ю. В. Березутский – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследова-тельского отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал»

М. А. Буланова – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал»

Information about the authors

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate Professor, deputy director for scientific and educational work, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the research department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA

M. A. Bulanova – Candidate of Sociology, the chair of management and state administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 340.115.4
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141

Социологическое измерение реакции пользователей на блокировку Инстаграм: оценка экспертов

Ксения Викторовна Лукина[1], Александра Сергеевна Широкова[2], Татьяна Адольфовна Захарычева[3]
[1] КГБУЗ «Краевая клиническая психиатрическая больница» имени профессора И.Б. Галанта министерства здравоохранения Хабаровского края, Хабаровск, Россия
[2,3] ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Хабаровск, Россия
[1] klukina69@mail.ru
[2] a.s.shirokova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2258-6159
[3] dolika@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-8520-6133

Аннотация. *Социальные сети стали неотъемлемым элементом современной жизни и являются инструментом формирования общественного мнения. Сегодня без них немыслимо общение и развитие творческого потенциала личности. Настоящее исследование было направлено на изучение психологической адаптации фолловеров двух аккаунтов Инстаграм[1] к блокировке этой социальной сети. Предметом изучения стала информация (мнение фолловеров), полученная на протяжении первого дня с момента блокировки Инстаграм. В качестве метода исследования использовали социологический опрос в «stories» с помощью анкеты, которая включала три вопроса с четырьмя вариантами ответа. Также оценивали психический статус и эмоциональное состояние подписчиков посредством их последующего персонального интервьюирования. Первый аккаунт был представлен 10000 подписчиков, второй – 9100 подписчиками в возрастном диапазоне от 25 до 55 лет. В просмотре приняли участие менее 10% фолловеров. При этом большинство из них отказалось от анкетирования. Обнаружено, что блокировка Инстаграм сопровождалась нарушением привычного эмоционально-информационного и поддерживающего пространства – эмоциональными реакциями с высокой степенью стрессового реагирования, потерей социального признания, способов его получения, реализации, монетизации, вплоть до срыва адаптации у некоторых потребителей контента. В группах сравнения обнаружены отличия по таким показателям, как тревога, страх, озлобленность, апатия и упадок сил. Также обнаружены отличия в реагировании на построение будущего, что требует дальнейшего изучения. Полученные данные о реакции подписчиков специфических аккаунтов можно экстраполировать на другие аккаунты и социальные сети, как отражающие процесс медиатизации социального пространства, в том числе профессионального.*

Ключевые слова: *Инстаграм, блокировка, социологический опрос, реакция фолловеров, проявления дезадаптации*

Для цитирования: Лукина К. В., Широкова А. С., Захарычева Т. А. Социологическое измерение реакции пользователей на блокировку Инстаграм: оценка экспертов // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 132–141. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141

[1] *Об ограничении доступа к социальной сети Instagram // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com*

Sociological measurement of user reaction to Instagram blocking: expert assessment

Kseniya V. Lukina[1], Aleksandra S. Shirokova[2], Tatyana A. Zakharova[3]
[1] Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Professor I.B. Galant, Khabarovsk, Russia
[2,3] Far Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia
[1] klukina69@mail.ru
[2] a.s.shirokova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2258-6159
[3] dolika@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-8520-6133

Abstract. *Social networks have become an integral element of modern life and are a tool for making public opinion. Today, without them, communication and development of creative potential of the individual is unthinkable. This study was aimed at studying psychological adaptation of the followers of two Instagram accounts to the blocking of this social network. The subject of this study was the information (opinion of followers) received during the first day after blocking Instagram. As a research method, we used a sociological survey in «stories» using a questionnaire that included three questions with four answer options. The mental status and emotional state of the subscribers were also assessed by their further personal interviews. The first account was presented with 10,000 followers, the second with 9,100 followers in the age range from 25 to 55 years old. Less than 10% of the followers took part in the examination. However, most of them refused to be surveyed. It was found that the blocking of Instagram was accompanied by a distress of the usual emotional-informational and supportive space – emotional reactions with a high degree of stress response, loss of social recognition, ways of obtaining it, implementation, monetization, up to a failure of adaptation in some content consumers. In the compared groups, differences were found in such indicators as anxiety, fear, anger, apathy and loss of strength. There were also found differences in reaction to future building, which requires further study. The obtained data on the reaction of subscribers of specific accounts can be extrapolated to other accounts and social networks, as reflecting the process of mediatization of social space, including professional space.*

Keywords: *Instagram, blocking, opinion poll, reaction of followers, adjustment disorders*

For citation: Lukina K. V., Shirokova A. S., Zakharycheva T. A. Sociological measurement of user reaction to Instagram blocking: expert assessment // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 132–141. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141

Актуальность

Социальные сети стали неотъемлемым элементом современной жизни и инструментом формирования общественного мнения. Сегодня без них немыслимо общение и развитие творческого потенциала личности.

Инстаграм – американская социальная сеть для обмена фотографиями и видео, основанная Кевином Систромом и Майком Кригером. По объему аудитории она конкурирует с YouTube, Facebook и Twitter и существенно влияет на сознание, культуру, экономическую и политическую составляющие современного общества. А разработчики сети Инстаграм постоянно усовершенствуют набор ее функций.

Около 70% пользователей Инстаграм – это лица в возрасте «18–35 лет», остальные 30% моложе 18 лет и старше 35 лет. Аудитория Инстаграм не является преимущественно женской. Согласно исследованию 2017 г., удельный вес пользователей женского пола в ней не превышает 60%.

Несмотря на то, что Инстаграм – это социальная сеть с преимущественно визуальным контентом, сегодня среди ее пользователей популярными становятся блоги не только развлекательные (профессиональных художников, фотографов, музыкантов, журналистов, писателей и поэтов), но и блоги информационно-познавательные различной тематики (от

путешествий до ремонта, обучающие авторские курсы). Коммуникативная функция между подписчиками и блогером реализуется через возможности активно обсуждать пост в комментариях, точечно «делиться» постом в личных сообщениях, использовать формат «stories» (запись видео ответов блогера), чтобы обмениваться мнением, эмоциями, вызывать определенные реакции, формировать стереотипы, паттерны поведения и социальные предпочтения с последующей их имитацией. Таким образом, Инстаграм приобретает возможности социального конструирования и нарративов (социальных смыслов и трендов) [Козлова, 2014; Бондарь, 2019; Кащеев, Головко, 2019].

В медицинской практике определенный интерес вызывает феномен присутствия экспертов-врачей в социальных сетях. Многие врачи считают необходимым вести в них свои страницы. Это, с одной стороны, способствует привлечению внимания потенциальных пациентов, с другой, – позволяет не просто обеспечить свободный доступ к медицинской информации, а сделать эту важную специфическую информацию простой для восприятия. И, наконец, блог можно рассматривать как единственную площадку выражения своих взглядов и профессионального творчества. В инстаграм-каналах блогер может рассказать о симптомах заболевания, дать рекомендации, позволяющие улучшить состояние или распознать серьезное заболевание на ранних этапах, выразить отношение к ситуации, а также рассуждать с фолловерами о возможных способах реагирования и переформирования отношения, задавать новые нарративы (порой отличающиеся от общепринятых). Индивидуальные ответы врача подписчику в личном блоге обеспечивают двустороннюю коммуникацию в неформальной среде, что формирует комплаенс и повышает приверженность лечению.

Социальная сеть Инстаграм официально внесена в реестр запрещенной в России, о чем было предварительно сообщено на сайте ведомства Роскомнадзора: «В социальной сети Инстаграм распространяются сообщения, поощряющие и провоцирующие совершение насильственных действий в отношении россиян»[2].

Роскомнадзор предусмотрел переходный период для переноса данных пользователей. Решение об ограничении работы соцсети было принято по требованию Генпрокуратуры России 11 марта 2022 г. Ограничения действуют с полуночи 14 марта по настоящее время, а пользователи не несут ответственность за использование соцсети. Иными словами, само использование Инстаграм не запрещено, если цели такого использования не противоречат закону – публикации не содержат фейков, противоправных призывов и тому подобного.

Не имеющая аналогов в мире ситуация с блокировкой Инстаграм, ставшей символом и пропагандисткой площадкой определенного стиля жизни со специфическим смысловым наполнением и ценностями, и организовывавшей течение жизненного уклада, повлекла за собой определенную общественную реакцию.

В то же время мы не обнаружили в доступной нам литературе данных о реагировании заинтересованной аудитории на блокировку Инстаграм.

Целью исследования стало изучение психологической адаптации фолловеров двух аккаунтов Инстаграм на фоне ее блокировки.

Материалы и методы

По мнению социологов, основным строительным материалом социума являются социальные действия индивидов и групп людей [Козер, 2006]. Сорокин П.А. – основоположник теории социальной стратификации и социальной мобильности – изучал динамику различных обществ, их дифференциацию и механизмы социального расслоения [Сорокин, 2007]. Одним из методов изучения социального взаимодействия является социологический опрос, который и был использован нами в процессе настоящего исследования.

[2] *Об ограничении доступа к социальной сети Instagram // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com*

Предметом исследования стала информация (мнение фолловеров), полученная на протяжении первого дня с момента блокировки Инстаграм. В качестве метода исследования использовали социологический опрос в «stories».

Также использовали данные последующего очного наблюдения за частью фолловеров, с которыми владельцы аккаунтов были в контакте. Изучена реакция 19100 фолловеров по двум аккаунтам в Инстаграм. Оба владельца аккаунтов – врачи, которые по своей специальности (неврология и психиатрия) оценивали психический статус и эмоциональное состояние подписчиков с помощью анкетирования в «stories» и последующего персонального интервьюирования. Статистические расчеты производили с использованием программной системы STATISTICA for Windows, версия 10.

Результаты и обсуждение

Нами были получены следующие данные. Первый аккаунт включал 10000 подписчиков, второй – 9100 подписчиков в возрастном диапазоне от 25 до 55 лет. В первой аудитории в просмотре приняли участие 794 человека, во второй – 447 человека, а охват составил 7,94% и 4,91% соответственно. На вопросы анкеты ответила лишь небольшая часть обеих аудиторий – 2,36% респондентов из первого аккаунта (I группа, n=236) и 4,91% – из второго (II группа, n=228). Иными словами, в просмотре участвовало менее 10% фолловеров, при этом большинство из них отказалось от анкетирования. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на меньшую численность второй аудитории (794 и 447 человек соответственно), ее активность в ответах на эти вопросы оказалась в два раза выше (4,91% против 2,36%).

Большинство фолловеров, участвовавших в анкетировании, были лично знакомы с блогерами-специалистами или находятся под их наблюдением, что позволило сопоставлять достоверность ответов с реально реализуемым поведением, эмоциями и соматической реакцией респондентов.

Результаты анкетирования подписчиков представлены в таблице 1.

Мы не обнаружили статистически значимых различий в группах сравнения. Однако обращал на себя внимание ряд тенденций, представленных ниже. Так, наибольшая часть аудитории, принявшая участие в опросе (75%), была представлена лицами среднего возраста – «36–40 лет». В соответствии с психологической периодизацией возраста диапазон «22–35 лет» у мужчин и «21–35 лет» у женщин соответствует молодости (ранней зрелости), а «36–60 лет» у мужчин и «36–55 лет» у женщин – зрелости.

Зрелый возраст характеризуется рядом психологических особенностей (осознание своего места в обществе, профессиональной деятельности и семейной жизни) и наличием кризиса зрелого возраста. Как любой возрастной кризис, он характеризуются повышенной чувствительностью человека к воздействию неблагоприятных факторов, снижением биологической и психической сопротивляемости, и уровня адаптации, повышенным риском возникновения психических и психосоматических нарушений. Однако в случае неудачи человеку еще хватает возрастного ресурса поменять траекторию движения и изменить свой жизненный сценарий [Ермак, 2013; Малкина-Пых, 2022].

Таким образом, большинство респондентов находились в биологическом возрастном кризисе – на этапе перехода от ранней зрелости к зрелости, когда личность подвергается своеобразной реорганизации с изменением социальной адаптации, что требует новых социальных ориентиров, коммуникаций и стратегий.

В нашей стране, в силу особенностей организации культурного пространства, имеется дефицит площадок коммуникаций, особенно в провинции. Потеря и трудности поиска новых социальных связей часто приводит к усугублению депрессии в период кризиса. А сообщество Инстаграм открыло для людей этой возрастной группы новое окно социализации, неожиданно компенсировав такой дефицит и, предоставляя среду новых образцов и сценариев, помогая, тем самым, улучшить социальную адаптацию и преодолеть кризисный период. Что и подтверждают результаты наблюдения и анкетирования респондентов.

Целевые аудитории обоих блогеров

Таблица 1

Результаты анкетирования подписчиков аккаунтов социальной сети Инстаграм

Вопросы и варианты ответов на них	Результаты				
	I группа (n=10000)		II группа (n=9100)		Достоверность различий (p)
	Абсолютное число	%	Абсолютное число	%	
1. Что почувствовали, узнав о блокировке Инстаграм?	236	100	228	100	
тревога, страх	32	13,56	32	14,04	>0,05
злость	12	5,09	30	13,16	>0,05
апатия, упадок сил	36	15,25	46	20,18	>0,05
иные чувства	156	66,1	120	52,63	>0,05
2. Усилилась ли тревога, когда блокировка произошла?	236	100	228	100	
да	14	5,93	32	14,04-	>0,05
нет	200	84,75	179	78,51	>0,05
появилась болезнь	4	1,7	3	1,32	>0,05
затрудняюсь ответить	18	7,63	14	6,14	>0,05
3. Будете ли вы продолжать что-то подобное в другой социальной сети?	154	65,25	188	82,46	>0,05
вынуждена, но без особого желания развивать	8	5,2	23	12,23	>0,05
нет	56	36,36	60	31,92	>0,05
да, буду продолжать	79	51,3	66	35,11	>0,05
ваш вариант	11	7,14	39	20,75	>0,05

Источник: составлено авторами на основе результатов опроса.

при внешней схожести отличалась эмоциональным типом реагирования на информацию о блокировке Инстаграм. Тревога, страх, злость, апатия и упадок сил во второй группе встречались в 47,38% случаев, в то время как в первой группе они отмечались только в 33,9%.

Люди злились, осознавали эту злость, говорили о ней (готовы были обозначать ее для себя и окружающих).

Несмотря на то, что уровень тревоги и страха в группах сравнения оказался небольшим (13,56% и 14,04%, p>0,05), во второй группе количество респондентов, отреагировавших злостью, был в 2,5 раз больше, чем в первой (13,16% против 5,09%). Апатией и упадком сил также в большей степени рефлексировали респонденты второй группы (20,18% и 15,25%).

Известно, что «апатия и упадок сил» свидетельствуют о депрессивном типе реагирования личности [Вознесенская, 2003; Корнетов, 2003; Арндт, Клинген, 2014]. При дополнительном опросе у респондентов обнаруживались не только окрашенность депрессивной реакции тревогой, но и более высокий уровень тревоги – выше 11 баллов. При этом описать тревогу респонденты первой группы были не в состоянии, что натолкнуло нас на версию об её соматизированном характере [Гиляровский, 1954; Николаева, 2009; Смулевич, 2019] и было подтверждено в дальнейшем.

Относительно «иных чувств». Они также чаще встречались в первой группе, чем во второй (66,1% и 52,63%), и носили алекситимический характер – никто

из респондентов не расшифровал, какие именно чувства он испытывал.

В обеих группах респондентов в 100% случаев блокировка Инстраграм сопровождалась усилением тревоги, которая различалась по механизмам возникновения и ресурсам дальнейшей коррекции.

Обнаружено, что представители второй группы придерживаются консервативных взглядов, тянутся к близкому эмоциональному общению, ищут поддержки, в том числе информационной, а полученную информацию в последующем активно используют на практике, трансформируя свою социальную адаптацию. Фактически они превращают Инстаграм в площадку для реализации социальной потребности в коммуникации, заполнения эмоционального вакуума и опасаются потерять это значимое общение и принятие, выдавая больше выраженных внешне тревожных реакций.

Представители первой группы, с одной стороны, были склонны к демонстративности и нарциссичности, за которыми часто следует эмоциональная и личностная незрелость, в сочетании с наработанными в Инстаграм стратегиями «демонстрации картинки» и «социально поощряемого образа». Они придерживались «оптимистично-стеничного» стиля жизни, поддерживая и разделяя ценности успешности, социального и материального благополучия, личного влияния на окружающее и роли своих персональных достижений. С другой – часто игнорировали свои негативные переживания, замещая их формами поведения, одобряемыми и принятыми в Инстаграм-сообществе (отрицание любого «негатива» с маркировкой этих проявлений как неуспешных и «непозитивных»). Можно говорить, что для них блокировка Инстаграм является травмой (травма утраты). Лишаясь «сцены», они часто сложно адаптируются в условиях реального контакта, скорее всего будут искать замену социальной сети и найдут новую сценическую площадку «продажи себя и своего продукта».

Представители второй группы также получают травму утраты, будут испытывать дефицит общения и искать поддержку. Но, являясь более зрелыми личностно, скорее всего предпримут поиск контактов в реальной жизни, а если не найдут их, то, вероятнее всего, впадут в депрессию (отсроченную).

Такое соотношение может косвенно свидетельствовать, что в первой группе негативные чувства табуируются, а приветствуются лишь фасадные, принятые сообществом эмоции, – демонстрируй хорошее и скрывай реальность, демонстрируй свои чувства только для заработка. Это соответствует исходному эмоциональному посылу самой социальной сети – лживость как черта присущая демонстративным личностям была и остается рабочим трендом Инстаграм.

Анализ наблюдений и дополнительное интервьюирование в ходе встреч и консультаций выявил у фолловеров четко очерченную реакцию соматизированной тревоги и склонность к дальнейшей соматизации.

Ввиду того, что Инстаграм является в первую очередь социальной площадкой продажи себя как специалиста, монетизации своей экспертности и повышения социальной значимости, в качестве одной из возможных причин такого феномена можно рассматривать необходимость соблюдения представителями данной группы определенных правил демонстрации эмоций и поведения. Наши дальнейшие наблюдения подтверждают, что отрицание своих чувств в угоду общественного мнения и сохранение в дальнейшем достигнутого ранее образа успешности (харизматичности) становятся частью единого усвоенного паттерна адаптации. Делясь в социальных сетях позитивными планами легкого перехода на другие социальные ресурсы, эти блогеры оставляли за кадром эмоциональные, алкогольные и компульсивные срывы, на которые косвенно указывало появление в социальных сетях информации о гастротурах, винных вечерах, «ретритах» у специалистов с соответствующей репутацией; появление мистического мышления, демонстрация обращений к гадалкам и тарологам; стрессовые «формы разгрузки»; необузданные покупки; уходы в «любовные приключения». Все это происходило на фоне регистрируемых обращений к наркологам и психиатрам.

Обращает на себя внимание тот факт, что ответ на последний вопрос (о планах на будущее в связи с блокировкой привычной социальной сети Инстаграм) вызвал затруднение в обеих группах. Об этом свидетельствовал отсев респондентов: в анкетировании приняли участие только 65,25% фолловеров из первой группы и 82,46% – из второй. Такой показатель также косвенно указывал на более высокую активность второй группы.

Большинство респондентов сообщили, что с оптимизмом будут продолжать общение в другой социальной сети (51,3% из первой и 35,11% – из второй группы). Около трети опрошенных ответили негативно (36,36% и 31,92% соответственно). Небольшая часть фолловеров (5,2% и 12,23%) сочла, что вынуждена это делать, но без особого желания развивать.

Самое большое количество оптимистично ответивших о будущем фолловеров оказалось в первой группе. Вместе с тем этот оптимизм вызывает сомнения ввиду того, что может означать лишь фасадную позитивно-отпимистичную реакцию в «духе Инстаграм». В действительности многие из «позитивно настроенных» находились в клинической депрессии или в срывах нехимических (компульсивное переедание, шопоголизм) и химических (алкоголизация) зависимостей.

Тип реагирования на построение будущего у фолловеров первой группы отличается уходом в социально наученные и подкрепленные Инстаграм стратегии психологических защит. Этим же, по нашему мнению, можно объяснить феномен большей степени «перелистывания» и нежелания отвечать на вопросы. Вместе с тем очевидно, что именно эта группа более вовлечена в жизнь и стандарты, принятые в инстаграм-сообществе: оставаясь в аккаунте, они просматривают все вопросы, но при этом стараются не отвечать на те, которые им неприятны, либо отрицают наличие реакции на событие, явно их задевшее.

С другой стороны, отсутствие энтузиазма в отношении дальнейшего развития социальных сетей можно рассматривать как реакцию протеста. Это требует дальнейшего изучения.

Для того, чтобы справиться с дезадаптационной тревогой, человеку необходимо включить свое тело, осознав свои эмоции. Первая группа продемонстрировала реакции, воспитанные и поддерживаемые Инстаграм, – специфическую табуизацию переживаний для получения поддержки окружения, отрицание негативных чувств, подмену реальности и внутреннего содержания одобряемым фасадным поведением для того, чтобы остаться частью сообщества и одновременно, продолжая игры по смоделированным социальной сетью правилам, стремясь получить «очки» за игру по чужим правилам. При этом прослеживается специфическая потеря самоидентификации – отрицание своих естественных эмоциональных реакций, которые не поддерживаются окружением, и подмена их «трендовыми» действиями, сформированными пространством социальных сетей и маркетинговыми манипуляциями, – сознание «идеального квалифицированного потребителя» с присущим ему безволием, «стадностью» и заданностью реакций. В результате механизмы психологической адаптации включаются не в полной мере, чувства осознаются с трудом, отрицаются соматические реакции на стресс и запускается соматизация процесса, уход по привычному, сформированному ранее механизму дезадаптации в эмоциональные срывы, компульсивное поведение, нехимичесикие и химические зависимости.

Наши наблюдения за участниками опроса свидетельствуют о том, что фолловеров из второй группы отличает более адекватная реакция и большая активность (они в три раза чаще предлагали свои варианты ответов), а стратегии их поведения были продуманными: люди осознавали свои чувства, демонстрировали более яркий спектр эмоций и, судя по отзывам и ответам на дополнительные вопросы, находились в стадии переоценки ценностей и поиска новых решений в будущем.

Заключение

Инстаграм с ее специфичностью и массовостью вызывает интерес как модель социального взаимодействия, констуирования значимого социального сообщества со своими правилами и ценностями,

а также управления этим сообществом. Инстаграм-сообщество в грубом обобщении схоже с некой социальной стратой, выросшей в профессиональное сообщество из сообщества по интересам [Сорокин, 2000; Сорокин 2007]. Это сообщество при всей декларируемой свободе отличается четкими, жесткими неписанными правилами общения – своего рода иерархией с характерным качеством «харизматической власти, даром убеждения и мотивацией господства» [Московичи, 1998].

Таким образом, анализ социальных сетей – это способ понимания массового сознания, оценки его состояния и прогнозирования реакций подписчиков аккаунтов. Установлено, что наибольшая часть фолловеров (75%) находилась в биологическом возрастном кризисе, на этапе перехода от ранней зрелости к зрелости.

Личностные особенности людей, легко принявших «правила» Инстаграм (преимущественно в первой группе), – это часто демонстративность и нарциссичность. Блокировка Инстаграм приводила к утрате сообщества, социальной среды обитания, значимой обратной связи, площадки реализации нарциссичности и тем самым способствовала фрустрации базовых потребностей личности. Блокировка Инстаграм сопровождалась нарушением привычного эмоционально-информационного и поддерживающего пространства эмоциональными реакциями с высокой степенью стрессового реагирования; потерей социального признания, способов его получения, реализации, монетизации, вплоть до срыва адаптации у некоторых потребителей контента. В группах сравнения обнаружены отличия по таким показателям, как тревога, страх, озлобленность, апатия и упадок сил, а также особенности реагирования на построение будущего, что требует дальнейшего изучения.

Можно предположить, что Инстаграм-сообщество как явление напоминает социальную страту, в состав которой входят группы «профессионалов» («производителей») и «любителей». Представители первой группы смешивают свое приватное пространство с работой в Инстаграм, следуя алгоритмам, заданным сетью, а представители второй группы пассивно потребляют контент, «голосуя» своим вниманием и поддерживая игру. Изучение влияние травмирующего фактора (блокировка сети Инстаграм) в обеих группах обнаружило различия в реагировании и траекториях адаптации на утрату значимой социальной площадки. Первая группа продемонстрировала скорее горизонтальную траекторию, с поиском новой социальной сети или адаптацией в старой с целью сохранения прежней модели жизни; вторая – скорее вертикальную, с поиском иного занятия и попыткой эмоциональной адаптации вне прежнего сообщества (виртуального пространства). При этом во второй группе фолловеров реакция оказалась более эмоциональной и живой, а адаптация – более объемной, с попыткой сепарации с сообществом. Первая группа адаптировалась в рамках копинг-стратегий подражания, согласия с правилами, принятыми в сообществе, и поиска похожих условий.

Сегодня можно говорить об утверждении нового явления – медиатизации профессиональных сфер, в том числе медицины, через социальные сети. Возрастает роль социальных сетей как способа неформального общения врача и пациента, позволяющего формировать комплаенс и приверженность к лечению, либо в противовес поддерживать нездоровые стереотипы и установки, и закрепление сформировавшихся ранее, по большому счету вредящих психике как экспертов, так и подписчиков.

Использование принятых способов коммуникации с фолловерами требует понимания структуры аудитории, ее психологического состояния и запросов, формирования этичных и безопасных схем взаимодействия между сторонами.

Понимание психологии пациентов-подписчиков расширяет окно контакта с ними врачей-экспертов – специалистов в области психиатрии, психотерапии и неврологии, способствует установлению многомерных связей, помогает коррекции нездоровых паттернов в процессе терапии.

Наши исследования реакции подписчиков специфических аккаунтов можно экстраполировать на другие аккаунты и социальные сети, поскольку они отража-

ют процесс медиатизации социального пространства, включающего специфические профессиональные сферы, а также формирующиеся в сообществе незримые правила и реакцию на пространство социальных сетей.

Список источников:

1. Арндт П., Клинген Н. Психосоматика и психотерапия. М.: МЕДпресс-информ. 2014. С. 57–60.
2. Бондарь В. П. Блогинг в социальных сетях как инструмент монетизации персональной коммуникативности (на примере сети Instagram) // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 3. С. 5–10.
3. Вознесенская Т. Г. Депрессия в неврологической практике // Трудный пациент. 2003. №1 (2). С. 26–30.
4. Гиляровский В. А. Психиатрия. М.: Медгиз, 1954. С. 112–121.
5. Ермак В. Д. Личность и индивидуальность. Развитие, моделирование, практика. М.: Черная белка, 2013. С. 72–79.
6. Кащеев О. В., Головко В. Я. Социальная сеть Instagram как часть культуры общества // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 83–90.
7. Козер Льюис А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: Норма. 2006. 528 с.
8. Корнетов Н. А. Депрессивные расстройства (диагностика, систематика, семиотика, терапия). Томск: Сиб. изд. Дом. 2003. 119 с.
9. Козлова Н. С. Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 387–390.
10. Малкина-Пых И. Г. Возрастные кризисы среднего и пожилого возраста. М.: Кнорус, 2022. С. 42–48.
11. Московичи С. Машина, творящая богов / пер. с фр. М.: «Центр психологии и психотерапии». 1998. С. 315–318.
12. Николаева В. В. Клиническая психология телесности: принципы культурно-исторического анализа предмета / В кн.: «Психосоматика: телесность и культура». Под ред. В. В. Николаевой. М., 2009. С. 49–72.
13. Психосоматические расстройства в клинической практике / под ред. акад. РАН А. Б. Смулевича. М.: МЕДпресс-информ. 2019. С. 31–35.
14. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность. М.: Директ-Медиа. 2007. 346 с.
15. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений = Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships / Питирим Сорокин; Пер. с англ. В. В. Сапова. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. Ин-та, 2000. 1054 с.

References:

1. Arndt P., Klingen N. (2014) Psikhosomatika i psikhoterapiya [Psychosomatics and psychotherapy]. Moscow: MEDpress-inform: 57–60.
2. Bondar V. P. (2019) Blogging in social networks as a tool for monetizing personal communication (on the example of the Instagram network) *Nauchnyy obzor. Ekonomicheskiye nauki* [Scientific Review. Economic sciences]. No. 3: 5–10.
3. Voznesenskaya T. G. (2003) Depression in neurological practice *Trudnyy patsiyent* [Difficult patient]. No. 1 (2): 26–30.
4. Gilyarovsky V. A. (1954) Psikhiatriya [Psychiatry]. Moscow: Medgiz: 112–121.
5. Ermak V. D. (2013) Lichnost' i individual'nost'. *Razrabotka, modelirovaniye, praktika* [Personality and individuality. Development, modeling, practice]. Moscow: Black squirrel: 72–79.
6. Kashcheev O. V., Golovko V. Ya. (2019) Social network Instagram as part of the culture of society *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures]. Vol. 52: 83–90.

7. Coser Lewis A. (2006) Mastera sotsiologicheskoy mysli. Idei v istoricheskom i sotsial'nom kontekste [Masters of Sociological Thought. Ideas in historical and social context]. Moscow: Norma: 528.

8. Kornetov N. A. (2003) Depressivnyye rasstroystva (diagnostika, sistematika, semiotika, terapiya) [Depressive disorders (diagnosis, systematics, semiotics, therapy)]. Tomsk: Sib. ed. House: 119.

9. Kozlova N. S. (2014) Social network «Instagram» as a socio-psychological phenomenon *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. No. 16: 387–390.

10. Malkina-Pykh I. G. (2022) Vozrastnyye krizisy srednego i pozhilogo vozrasta [Age crises of middle and old age]. Moscow: Knorus: 42–48.

11. Moskovichi S. (1998) Mashina, sozdayushchaya bogov [A machine that creates gods] / transl. from fr. Moscow: "Center for Psychology and Psychotherapy": 315–318.

12. Nikolaeva V. V. (2009) Klinicheskaya psikhologiya telesnosti: printsipy kul'turno-istoricheskogo analiza predmeta [Clinical psychology of corporeality: principles of cultural and historical analysis of the subject] In the book: "Psychosomatics: corporality and culture." Ed. V. V. Nikolaeva. Moscow: 49–72.

13. Psikhosomaticheskiye rasstroystva v klinicheskoy praktike [Psychosomatic disorders in clinical practice] / ed. acad. RAS A.B. Smulevich. Moscow: MEDpress-inform. 2019: 31–35.

14. Sorokin P. A. (2007) Sotsial'noye rassloyeniye i mobil'nost' [Social stratification and mobility]. Moscow: Direct-Media: 346.

15. Sorokin P. (2000) Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovaniye izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestv [Social and cultural dynamics: Issled. rev. in the great systems of art, truth, ethics, law and societies. Relations] = Social & Cultural dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, law and Social Relationships / Pitirim Sorokin; Per. from English. V. V. Sapova. St. Petersburg: Publishing house Rus. Christian. humanitarian. In-ta: 1054.

Статья поступила в редакцию 01.08.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 01.08.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторах

К. В. Лукина – кандидат социологических наук, врач-психиатр-психотерапевт высшей квалификационной категории, Краевое государственное бюджетное учреждение «Краевая психиатрическая больница» им. проф. Галанта И.Б.

А. С. Широкова – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры дополнительного профессионального образования ИНПОА ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Т. А. Захарычева – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры неврологии и нейрохирургии ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Information about the authors

K. V. Lukina – Candidate of Sociology, psychiatrist-psychotherapist of the highest qualification category, Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Professor I.B. Galant

A. S. Shirokova – Candidate of Medical Sciences, assistant, the chair of additional professional education, Far Eastern State Medical University

T. A. Zakharova – Doctor of Medical Sciences, Professor, the chair of neurology and neurosurgery, Far Eastern State Medical University

Научная статья
УДК 332.1(571.54/55
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-142-149

Проблемы Забайкальского края в рамках политической социологии

Татьяна Евгеньевна Бейдина
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия
beydina@inbox.ru

Аннотация. *В статье представлен авторский анализ состояния, проблем и приоритетов социально-политического развития Забайкальского региона как одного из субъектов Дальнего Востока России, отражающие особенности его социально -политической обстановки и деятельности органов публичной власти. В результате исследования выявлено, что Забайкальский край занимает особое место на Дальнем Востоке России. Во-первых, он достаточно поздно вошел в состав Дальневосточного федерального округа, что ограничивало его возможности в использовании преференций в социально-экономическом развитии, определенных для субъектов ДВФО. Во-вторых, на его примере могут рассматриваться многочисленные риски, связанные с географическим положением, уникальной сырьевой базой, с сокращением численности населения вследствие низкого уровня рождаемости и миграционного оттока в другие регионы страны, сложными социально-экономическими процессами как в социальной сфере, так и в системе публичной власти. В-третьих, регион имеет множественные проблемы, которые могут интерпретироваться как в рамках политической социологии, так и в ракурсе социологии управления. По итогам авторского анализа обосновывается, что перспективы развития Забайкальского края как субъекта Дальневосточного федерального округа определяются не только по наличию природных источников сырья, но и по востребованности его человеческого потенциала.*

Ключевые слова: *Забайкальский край, социально-экономические и политические процессы, демографическое развитие субъектов РФ, региональное управление, субъекты приграничья, государственные национальные проекты и программы*

Для цитирования: Бейдина Т. Е. Проблемы Забайкальского края в рамках политической социологии // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 142–149. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-142-149

Problems of the Trans-Baikal territory within the framework of political sociology

Tatyana E. Beidina
The Trans-Baikal State University, Chita, Russia
beydina@inbox.ru

Abstract. *The article is devoted to the problems and priorities of the Trans-Baikal region. The purpose of the study is to study the current state of the socio-political sphere of the Trans-Baikal region and show its important place in the Far East. To achieve this goal, the following tasks were solved:1. To reveal the features of the socio-political situation in the Trans-Baikal Territory. 2. To study the activities of the authorities of the Trans-Baikal territory in the implementation of socio-political problems in Trans-Baikal.Taking into account the degree of development of the problem, its insufficient knowledge, the following methods were used: induction, deduction, comparative research, systemic, structural-functional methods. The methodology of this article*

includes: 1. Literature analysis regarding the implementation of national projects in the Russian Federation. 2. Economic and statistical method. Statistical data on the implementation of regional projects on the territory of the Trans-Baikal territory were used. As a result of the study, the author came to the following conclusions. 1. The Trans-Baikal territory has multiple problems associated with its geographical location, unique resource base, population decline due to low birth rates and population decline due to migration, complex socio-economic processes both in social policy and in political power. 2. For the development of the Trans-Baikal territory, it is advisable to carry out the following activities: further implementation of national projects, construction of social facilities – schools, kindergartens, hospitals and clinics, their repair under the state program for the development of the Far East. 3. Plans for the development of the Trans-Baikal territory are also expedient, providing for the creation of jobs, budget growth at the expense of the economy, and wage increases. These measures are of practical importance and provide for a change in the Charter of the Trans-Baikal territory and the solution of the socio-economic and political problems of the region.

Keywords: *the Trans-Baikal territory, socio-economic and political processes, demographic development of the constituent entities of the Russian Federation, regional administration, border regions, state national projects and programs*

For citation: Beidina T. E. Problems of the Trans-Baikal territory within the framework of political sociology // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 142–149. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-142-149

Введение

Актуальность статьи связана с необходимостью показать место Забайкальского края, вошедшего 1 ноября 2018 г. в состав Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО). После вхождения в ДФО Забайкалье стало активно развиваться по экономическим, финансовым, логистическим, инвестиционным параметрам. Так, расширилась возможность инфраструктурных, логистических центров в Забайкальске и Приаргунске, ориентированных прежде всего на Китай. На ТОР «Забайкалье» создан зерновой терминал – 8 тонн в год, презентованный на Восточном экономическом форуме в 2022 г. Монгольское направление тоже получило развитие, благодаря утвержденным горнорудным проектам по урану, каменному углю, золоту, железным рудам.

Результаты исследования

Особенностью расположения Забайкальского края на юго-востоке Восточной Сибири является его приграничность. Забайкальский край был образован 1 марта 2008 г. посредством объединения Агинского Бурятского автономного округа и Читинской области. Он граничит как соседними регионами Российской Федерации (республика Бурятия, Иркутская область, республика Саха (Якутия) и Амурская область), так и с зарубежными государствами Азии (КНР и Монголия). Общая протяженность границ составляет около 4770 км, в том числе с с Китайской Народной Республикой – 1064 км и с Монголией – 863 км [Бейдина, 2020. С. 7].

Общая площадь края составляет 4 319 000 кв. км, что составляет 2,5% от Российской Федерации. Однако на каждом квадратном километре края проживает менее трех человек (2,6 чел.). При этом в среднем по России такой показатель равен 8,4 человека. Численность населения сокращается и Забайкальский край приближается к черте депопуляции – меньше 1 млн человек.

Согласно данным официальной статистики в Забайкалье преобладают следующие типы расселения: городские агломерации, приграничные Монголии и Китаю районы и сельские территории.

В современный период помимо муниципальных районов появились муниципальные округа. По свидетельству электронного ресурса: «В качестве характерной черты системы расселения выступает концентрация главной части населения и потенциала экономики в

междуречье, а также по долинам следующих рек: Шилка, Ингода, Онон, Аргунь»[1]. Территория характеризуется выгодностью географического положения, что обеспечивает привлекательность ее ресурсного потенциала[2]. К портам Дальнего Востока имеют выходы широтные транспортные системы Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей, устремляющиеся в Евразию. Вдоль дальневосточных берегов проходит Северный морской путь.

Однако, несмотря на наличие богатейших природных ресурсов, экономику региона можно назвать как слабую, ориентированную в основном на внешний рынок. При этом очевидно, что геополитические параметры Забайкалья очень важны для страны и развития региона. По мнению Р. Ф. Туровского: «Товарооборот с Китаем составляет 60% российских перевозок в КНР и осуществляется через автомобильный и железнодорожный пункты пропуска Забайкальск – Маньчжурия, где проходят самые короткие пути транспортировки товаров в Европу» [Туровский, 1999. С. 56].

На Забайкальский край влияют не только близость к странам Азиатско-Тихоокеанского Региона, но и его богатая ресурсная основа. Нами было доказано, что в «недрах Забайкалья заключено 94% разведанных запасов урана Российской Федерации, что позволяет занимать первое место в России по урану. Кроме того, в Забайкалье расположено 36% – плавикового шпата, 37,2% – циркония, 23,8% – меди. На территории Забайкалья расположено третье месторождение меди в мире – Удоканское. Забайкальский край обладает запасами 30,5% – молибдена, 22,7% – титана, 14,4% – серебра, 8,5% – свинца, 7% – золота, имеются также запасы вольфрама, олова, лития, цинка и железных руд. В городе Краснокаменск Забайкальского края расположено предприятие «ППХГО», являющееся ресурсной базой ядерной промышленности РФ, которое имеет запасы около 50 тыс. тонн урана. Наиболее известные месторождения: Новоширокинское полиметаллических руд, Удоканское медных руд, Кручининское титано-магниевых руд, Харанорское угольное» [Бейдина, 2020. С. 7].

Вместе с тем для современного положения Забайкалья характерны неблагоприятные демографические процессы: сокращается численность населения, которое стареет и умирает; сохраняется низкий уровень рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни; устойчивой остается миграционная убыль населения. Кроме того, немаловажным «для социально-экономического развития Забайкальского края является низкий уровень жизни населения, связанный с дисбалансом в доходах отдельных групп населения и отставанием основных показателей его уровня жизни от средних показателей по Дальневосточному федеральному округу и Российской Федерации. Уровень благосостояния населения Забайкальского края предполагает усиление работы по сохранению имеющегося потенциала и дальнейшему решению задач по модернизации социальной политики, ориентированных на снижение бедности»[3].

Социальная политика в регионе реализуется по следующим основным направлениям: доходы населения; сфера труда и трудовых отношений; сфера социального обслуживания, социальной защиты; поддержка семьи и детства; экология. Конечно, как и в любом другом государстве не обойтись и без проблем. В современной России проявляются следующие проблемы в социальной сфере:

во-первых, это безработица (РФ – 5,6% от всего населения);

во-вторых, это очень плохая демографическая ситуация, которая связана с миграцией населения за пределы РФ;

в-третьих, проблема, связанная с обе-

[1] *Российская Федерация. Правительство. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. №2094-Р. URL: https://docs.cntd.ru/document/902195483*

[2] *Забайкальский край. Правительство. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года: постановление Забайкальского края от 26 декабря 2013 г. №586. URL: http://docs.cntd.ru/document/410804127*

[3] *Общественная палата Забайкальского края. URL: http://opzab.ru/news/144*

спечением жильём.

Все эти проблемы присутствуют и в Забайкальском крае, препятствуя реализации эффективной социальной политики. Для того, чтобы их решить, необходим высокий уровень работы органов публичной власти всех уровней.

Дальний Восток является перспективным макрорегионом для Российской Федерации. Несмотря на его выгодное местоположение и наличие большого количества полезных ископаемых, имеет место ряд срочно решаемых проблем как в экономической, так и в социальной сферах. Прежде всего, следует обратить внимание на сферы здравоохранения, обеспечения жильем, образование и многие другие, в которых государство пытается преодолеть трудности. Для этого создаются и реализуются специальные программы. Например, на данный момент на территории Амурской области ведется реализация проекта космодрома «Восточный», который позволит России не только получить независимость в сфере космонавтики, но и позволит Дальнему Востоку и Забайкальскому региону решать многие социальные задачи. Среди них – улучшение социально-экономической ситуации в регионе, развитие промышленной базы и тем самым создание новых рабочих мест и решение проблемы с безработицей.

В настоящее время органы власти Забайкальского края пытаются решить проблемы сохранения численности постоянного населения, обеспечить удовлетворительный уровень качества его жизни и способствовать развитию человеческого потенциала. В этих целях нормативная правовая база региона носит комплексный характер и включает в себя множество программ, которые касаются социальной политики. Сюда можно отнести Стратегию социально-экономического развития Забайкальского края до 2030 г., а также множество программ в области, образования, здравоохранения, культуры и спорта. Так, благодаря сотрудничеству с Китаем, Забайкальский край имеет возможность повышать уровень благосостояния своего населения посредством развития торговых, гуманитарных и других отношений. В этих целях и в рамках сотрудничества регулярно проводятся различного рода ярмарки, форумы, деловые встречи. При этом обсуждаемые вопросы затрагивают весь Дальний Восток, который представляет интересы России в АТР.

Определенное позитивное влияние на социально-экономическое развитие Забайкальского края оказывают следующие меры государственной политики:

Во-первых, в регионе реализована государственная программа «Развитие здравоохранения Забайкальского края», согласно которой в медицинских организациях значительно улучшилась материально-техническая база. Показатели эффективности реализации государственных программ представлены в сводном годовом докладе администрации края за 2021 г.[4]

Во-вторых, значимой программой в развитии региона выступает государственная программа «Совершенствование государственного управления»[5], которая представляет собой комплекс мероприятий, направленных на решение наиболее актуальных задач в различных сферах системы государственного управления. В программе предусмотрены меры, направленные на совершенствование управленческих процессов в следующих самостоятельных сферах: государственная гражданская служба; система местного самоуправления; противодействие коррупции; поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций; профилактика правонарушений; укрепление единства российской нации. Эти сферы обладают уникальным, специфическим набором проблем, возможностей и, соответственно, требуют выработки индивидуальных подходов к решению актуальных задач, что и определило подход к выделению подпрограмм – каждая подпрограмма посвящена одной из перечисленных сфер[6].

---

[4] *Официальный портал Забайкальского края. URL: https://media.75.ru//documents/133227/doklad-za-2021.pdf*

[5] *Официальный портал Забайкальского края. URL: https://media.75.ru//documents/133455/gp-na-2022god_-53-ot-03-03-2022.pdf*

[6] *Забайкальский край. Правительство. Перечень Государственных программ Забайкальского края. [Электронный ресурс]. URL: https://75.ru/pravitel-stvo/gosudarstvennye-programmy*

В-третьих, следует отметить, что у Забайкальского края есть Стратегия социально-экономического развития, в которой определено, что до 2025 года Забайкальский край сможет достичь показателей, представленных в таблице 1.

В целом можно отметить, что Забайкальский край – это регион с низким уровнем социально-экономического развития, показатели которого оказывают определяют и соответствующее им качество жизни населения. Однако посредством реализации государственных и муниципальных программ, а также совершенствования деятельности органов публичной власти удается добиваться позитивного развития края, как в социальной, так и в экономической сферах. Как следствие, это позволяет определить и перспективы социально-политического развития Забайкальского края посредством:

повышения уровня развития человеческого капитала на базе улучшения показателей культуры, здравоохранения, социальной защиты, а также спорта и образования;

совершенствования системы публичной власти через создание и внедрение необходимой правовой базы и поддержание экономического роста, стимулированного по главным отраслевым направлениям и приоритетам посредством развития кластерных и парковых образований, представленных в качестве базы для регионального развития;

усиления взаимодействия органов власти с предпринимательской средой на основе государственного и частного партнерства и развитие малого и среднего бизнеса, улучшение уже имеющихся механизмов с последующей реализа-

Таблица 1

Показатели социального развития Забайкальского края на период до 2025 г.

Показатели	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.
Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 человек)	-3,7	0,5	1	1,4	1,5
Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных одной женщиной в репродуктивном возрасте)	1,59	1,75	1,8	1,85	1,9
Ожидаемая продолжительность жизни	59,3	63,66	65	67,5	70
Коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся)	10,3	8	7,5	7	6,5
Ввод в действие жилых домов (кв. метров общей площади на 1 человека)	0,12	0,27	0,42	0,64	0,97
Доля граждан, живущих в неблагоустроенном жилье (процентов)	32	31,9	31	30,8	30,6
Удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (процентов отобщей численности населения)	26,2	20	14,5	11,2	7,8

Источник: Правительство Российской Федерации. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. №2094-Р. - URL: https://docs.cntd.ru/document/902195483

цией совершенно новых направлений оказания поддержки ему со стороны государства;

создания экономической политики, направленной на формирование рынка труда, который бы отвечал критериям гибкости, новым экономическим вопросам, а также обеспечивал реализацию трудового потенциала как основы для закрепления населения на территории Забайкальского края;

регионального подключения к системе хозяйственных связей в АТР и Северо-Восточной Азии. Это необходимо для того, чтобы максимально выгодно использовать приграничное географическое положение, а также для того, чтобы получить выгоды от обмена, производящегося на рынках товаров, услуг и капитала;

разработки органами публичной власти программ, нацеленных на формирование потенциала для последующего развития Забайкалья посредством улучшения инвестиционной привлекательности, обеспечения развития международного и межрегионального сотрудничества на взаимовыгодных условиях сторон;

формирования в регионе социально-политической среды с опорой на социальное партнерство, взаимопонимание, сотрудничество и взаимное уважение;

повышения к 2030 г. индекса качества жизни населения региона с 0,73 до 0,96;

снижения доли населения, уровень доходов которого ниже прожиточного минимума до 10,1% к 2030 г.;

обеспечения роста численности занятых в экономике в 1,2 раза;

роста степени доступности образования высокого качества с 100% охватом детей дошкольным образованием и 80% – услугами дополнительного образования для подростков и детей к 2030 году;

роста показателей качества здоровья, увеличения возможности получения медицинской помощи высокого качества, включая удовлетворение потребности в применении высокотехнологичных видов медицинской помощи до 90% от количества нуждающихся.

Заключение

Из всего вышесказанного можно резюмировать, что Забайкальский край относится к тем регионам, которые обладают низким уровнем социально-экономического развития, показатели которого, несомненно, оказывают негативное влияние и на качество жизни населения. Предстоит решить тяжелые проблемы, чтобы в регионе начались прогрессивные изменения. Для этого создаются специальные государственные программы, реализация которых, а также качественная работа органов власти и бизнеса, могут способствовать благоприятному процветанию края во всех сферах его жизнедеятельности.

Анализ структуры и особенностей модернизации государственного управления в «субъектах приграничья» Российской Федерации на примере Забайкальского края позволяет сделать нижеследующие выводы.

Учитывая, что модернизация государственного управления в стране носит асимметричный характер, она распространяется и на ее субъекты. Для преодоления асимметрии для «субъектов приграничья», в том числе и для Забайкальского края, целесообразно разработать следующие специальные предложения: «профессиональная подготовка муниципальных и государственных кадров, осуществление мер по противодействию коррупции, повышение правовой компетентности и гражданской активности; демократизация механизмов принятия решений, в том числе посредством института общественного контроля, публичных слушаний, различных форм самоорганизации»[3].

«Традиционная модель государственного управления начала испытывать серьезный кризис легитимности на всех уровнях, о чем свидетельствовало падение степени доверия населения к власти, и, главным образом, к чиновничеству», что требует внесения изменений в систему государственного и муниципального управления [Лысаковский, 2015. С. 448–452].

Совершенствование государственной гражданской службы в Забайкалье предполагает решение проблем, направленное на уменьшение численности руководителей и специалистов, работающих по контракту; расширение числа управленцев с профильным образованием; повышение уровня корпоративной культуры [Иванова, 2019. С. 21–24].

Список источников:

1. Бейдина Т. Е., Зимина Н. В. и др. Государственное и муниципальное управление в Забайкальском крае: особенности, проблемы, направления совершенствования: монография. Чита: ЗабГУ, 2020. 241 с.

2. Бейдин С. В., Кухарский А. Н. Направления обеспечения информационной безопасности в ракурсе деятельности органов федеральной инспекции труда по Забайкальскому краю // Мат. сб. трудов конф, IV междунар. науч-практ. конф. Чита, 2015. С. 19

3. Епифанов А. Е., Симон А. Л. Теоретические основы механизма противодействия коррупции в отечественном // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 4 (21). С. 123–130.

4. Зайцев Л. Г., Соколова М. И. Стратегический менеджмент: учебник. Москва: Магистр, 2013. 528 с.

5. Иванова А. А. Государственная гражданская служба Забайкальского края: состояние и перспективы развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. №4. С. 21–24.

6. Колотилин А. В. Основные проблемы развития муниципальных образований на современном этапе // Социально-экономическое положение России в новых геополитических и финансово-экономических условиях: реалии и перспективы развития. Сборник научных статей. Вып. 5. / Под общ. ред. проф. В.В. Тумалева. СПб.: НОУ ВПО Институт бизнеса и права, 2015.

7. Крупский А. Ю., Феоктистова Л. А. Информационный менеджмент : учебное пособие. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°».2008. 80 с.

8. Лукьянов Л. Е. Шанхай на пути становления глобального города. Сборник статей XVIII международной научно-практической конференции, часть 1 Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ.», 2018. С. 162–166.

9. Лысаковский А. А. Предложения по совершенствованию системы управления на основе реформирования государственного управления // Молодой ученый. 2015. № 12. С. 448–452.

10. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Цирин А. М. и др. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: монография. Москва: Проспект, 2019. 224 с.

11. Трубачев А. И. Геодинамическая позиция стратиформных месторождений Забайкалья. Кулагинские чтения: техника технология производственных процессов XIX Международная научно-практическая конференция: [в 3ч.] / под общей редакцией А.В. Шапиева., Чита, ЗабГУ, 2019. С. 166–182.

12. Туровский Р. Ф. Политическая география. Смоленск: СГУ, 1999. С. 56.

13. Hunt T., Grunig J.E. Metody svyazey s obshchestvennost'yu [Public Relations Techniques]. Harcourt Brace College Publishers. Orlando, F. 1, 1994.

References

1. Beidina T. E., Zimina N. V. et al. (2020) Kadrovoe obespechenie organov mestnogo samoupravleniya [State and municipal administration in the Trans-Baikal Territory: features, problems, directions for improvement]: monograph. Chita: ZabGU: 241. (In Russ.)

2. Beidin S. V., Kukharsky A. N. (2015) Directions of ensuring information security in the perspective of the activities of the federal labor inspectorate in the Trans-Baikal Territory in Mat. Sat. Proceedings Conf, IV Intern. scientific-practical. conf. Chita: 19. (In Russ.)

3. Epifanov A. E., Simon A. L. (2013) Theoretical foundations of the mechanism for combating corruption in the domestic *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence]. No. 4 (21): 123–130. (In Russ.)

4. Zaitsev L. G., Sokolova M. I. (2013) Strategic management: textbook. Moscow:

Master: 528. (In Russ.)

5. Ivanova A. A. (2019) State civil service of the Trans-Baikal Territory: state and development prospects *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and business: theory and practice]. No. 4: 21–24. (In Russ.)

6. Kolotilin A. V. (2015) The main problems of the development of municipalities at the present stage in Social and economic situation in Russia in the new geopolitical and financial and economic conditions: realities and development prospects. Collection of scientific articles. Issue. 5. / Under the general ed. prof. V. V. Tumalev. St. Petersburg: NOU VPO Institute of Business and Law. (In Russ.)

7. Krupsky A. Yu., Feoktistova L. A. (2008) Information management: a tutorial. Moscow: Publishing and Trade Corporation "Dashkov and Co": 80. (In Russ.)

8. Lukyanov L. E. (2018) Shanghai on the way to becoming a global city in Collection of articles of the XVIII international scientific and practical conference, part 1 Moscow: "Scientific and publishing center" Actuality.RF.": 162–166. (In Russ.)

9. Lysakovsky A. A. (2015) Proposals for improving the management system based on reforming public administration *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. No. 12: 448–452. (In Russ.)

10. Khabrieva T. Ya., Andrichenko L. V., Tsirin A. M. et al. (2019) Organizatsionno-pravovyye mekhanizmy protivodeystviya korruptsii v sub»yektakh Rossiyskoy Federatsii [Organizational and legal mechanisms for combating corruption in the constituent entities of the Russian Federation]: monograph. Moscow: Prospekt: 224. (In Russ.)

11. Trubachev A. I. (2019) Geodynamic position of stratiform deposits in Transbaikalia. Kulagin Readings: Engineering Technology of Production Processes in XIX International Scientific and Practical Conference: [3 hours] / edited by A.V. Shapieva., Chita, ZabGU: 166–182. (In Russ.)

12. Turovsky R. F. (1999) Politicheskaya geografiya [Political geography]. Smolensk: SGU: 56. (In Russ.)

13. Hunt T., Grunig J. E. (1994) Public Relations Techniques. Harcourt Brace College Publishers. Orlando, F. 1. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 26.08.2022.

The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 26.08.2022.

Информация об авторе

Т. Е. Бейдина – доктор политических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета

Information about the author

T. E. Beidina – Doctor of Political Sciences, Professor, the chair of state, municipal administration and politics, the Trans-Baikal State University

Научная статья
УДК 373.1
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-150-159

Педагогическое наставничество как фактор профессионального самоопределения молодых педагогов: региональный аспект

Марина Александровна Черевко[1,2]
[1] Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия
[2] Дальневосточный филиал Российский государственный университет правосудия, Хабаровск, Россия
Bugoenko@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению процессов становления института педагогического наставничества в современном образовательном пространстве. Анализ наставничества представлен с позиции профессионального самоопределения как одного из важных факторов успешности процесса адаптации молодого педагога. Автор рассматривает варианты возрождения института наставничества в российских школах как эффективный способ интеграции и социализации молодого педагога, формирования понимания в педагогическом сообществе функционала наставника, технологии реализации наставничества, взаимодействия наставника и молодого специалиста. Автором рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к осмыслению технологии наставничества и актуализируется необходимость разработки системной модели и ее применения для профессионального развития молодого специалиста. Представлен анализ трудностей, с которыми сталкиваются молодые педагоги на этапе профессиональной адаптации. Эмпирические данные, полученные автором, свидетельствуют о ряде проблем, с которыми сталкиваются молодые специалисты на этапе вхождения в педагогическую деятельность (дефицитарность свободного времени, проблемы в организации личного времени, трудности в преподавании предмета, общении с обучающимися и их родителями). Все это, в свою очередь, актуализирует необходимость возрождения института наставничества с целью решения бинарной задачи: помощь и поддержка молодых специалистов, а также снижение педагогической нагрузки опытным учителям, чьи функции по наставничеству носят формализованный характер. Отмечена перспективность научного осмысления данной проблематики наряду с ростом интереса к качеству подготовки молодого педагога, сделаны основные выводы и предложения по введению в систему школьного образования института наставничества как пилотного проекта в Хабаровском крае.*

Ключевые слова: *наставник, молодой педагог, профессиональное самоопределение, профессиональные планы, педагогическое наставничество, профессиональная готовность, профессиональная адаптация, профессиональная мотивация, педагогическая деятельность*

Для цитирования: Черевко М. А. Педагогическое наставничество как фактор профессионального самоопределения молодых педагогов: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 150–159. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-150-159

Pedagogical mentoring as a factor of professional self-determination of young teachers (regional aspect)

Marina A. Cherevko[1,2]
[1] The Far-Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia
[2] The Far-Eastern branch of the Russian State University of Justice
Bugoenko@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of processes of formation of the institution of pedagogical mentoring in the conditions of the modern educational space. The author pays considerable attention to the analysis of mentoring from the position of professional self-determination as one of the important factors for the success of this process at the stage of professional adaptation of a young teacher. The author considers options for reviving the institution of mentoring in Russian schools as an effective way to integrate and socialize a young teacher, to form an understanding in the pedagogical community of the functionality of a mentor, the technology for implementing mentoring, and the interaction between a mentor and a young specialist. The article actualizes the need to develop a system model and apply mentoring technology for the professional development of a young specialist, reveals the main theoretical and methodological approaches to understanding this technology. Analysis of the difficulties faced by young teachers at the stage of entry into the professional activities is presented. Empirical data obtained by the author testify to a number of problems that young specialists face at the stage of entry into pedagogical activity (lack of free time, problems in organizing personal time, difficulties in teaching the subject, communicating with students and their parents). All this, in turn, actualizes the need to revive the institution of mentoring in order to solve a binary problem: help and support for young professionals, as well as reducing the teaching load for experienced teachers with a long teaching experience and school administration, whose mentoring functions are formalized. Along with the growing interest in the quality of training of a young teacher, it gives grounds for concluding that the scientific understanding of this issue is promising. The article draws the main conclusions and proposals for introducing the institution of mentoring into the school education system as part of a pilot approach in the Khabarovsk Territory with the aim of subsequently consolidating and replicating the experience of other interested subjects of the Far-Eastern federal district.*

Keywords: *mentor, young teacher, professional self-determination, professional plans, pedagogical mentoring, professional readiness, professional adaptation, professional motivation, pedagogical activity*

For citation: Cherevko M. A. Pedagogical mentoring as a factor of professional self-determination of young teachers (regional aspect) // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 150–159. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-150-159

Введение

Указ Президента Российской Федерации №401 от 27.06.2022 г. «О проведении в Российской Федерации года педагога и наставника» актуализирует вопросы, связанные с применением технологии наставничества в образовательных организациях.[1] Анализ государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 г. свидетельствует о планах по созданию системы непрерывного профессионального роста и введения квалификационной категории педагога-наставника. Для работы в качестве наставников привлекаются учителя предпенсионного и пенсионного

[1] *Указ президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации года педагога и наставника» №401 от 27.06.2022 г. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003*

возраста.[2]

Адаптационный этап в любой профессиональной деятельности, и в частности в деятельности начинающего педагогического работника представляется актуальной проблемой для научного осмысления. Как свидетельствует мировой опыт, среди основных причин депрофессионализации и ухода из образовательных организаций молодых педагогов выделяют: дефицит профессионального опыта; высокие профессиональные нагрузки; низкий престиж педагогического труда в обществе, коммуникационные барьеры в работе с обучающимися и их родителями; низкий уровень заработной платы; недостаток возможностей для карьерного роста. Как правило, адаптационный период закладывает вектор для будущей профессиональной деятельности, способствует формированию профессиональной мотивации, развитию профессионального самоопределения молодого педагога. Вместе с тем основной отток специалистов из образовательных организаций приходится на первые пять лет их профессиональной деятельности.

Интерес для исследования представляет тот факт, что в странах, где отток молодых педагогических кадров не представлен актуальной проблемой (Гонконг, Сингапур, Япония), значительная роль отводится индивидуальному сопровождению молодых специалистов. Вовремя выстроенная технология профессионального сопровождения позволяет минимизировать риски раннего проффессионального выгорания, характерного для представителей соционических профессий.

Как свидетельствует мировой опыт, распространенной формой адаптационной поддержки в образовательных организациях выступает наставничество. Подготовка молодого педагога к сложной полифункциональной деятельности должна представлять длительный и непрерывный процесс, который должен быть ориентирован не только на развитие его профессиональных компетенций, но и на формирование личностных качеств, необходимых для носителя культурных и моральных ценностей. Формирование системы наставничества должно быть основано на двустороннем взаимодействии: молодой педагог должен быть не только реципиентом, но и активным участником деятельности, способным привносить в нее новые идеи и нестандартные решения. Именно при таком взаимодействии начинающий специалист полностью погружается в профессиональную деятельность.

Генезис и дискурс методологии наставничества

Теоретико-методологическая база иллюстрирует многообразие подходов к изучению института наставничества. В сфере образования с целью проведения мониторинга эффективности образовательных организаций используется понятие «доля молодых учителей». В силу того, что на сегодняшний день нет единого теоретико-правового подхода к понятию «молодой учитель», мы будем понимать под молодым учителем педагога, имеющего педагогическое образование, находящегося на этапе профессиональной адаптации, работающего в школе, имеющего трудовой стаж педагогической деятельности менее 5 лет.

С. Г. Вершловский выделяет наставничество как основной элемент входа в профессию, он определяет наставничество как способ подготовки педагога к осуществлению образовательной деятельности, который способствует изучению профессии изнутри с помощью опытного коллеги [Вершловский, 2014. С. 82].

Т. Ю. Осипова определяет педагогическое наставничество с позиции сложно структурированной синергетической системы, направленной на самоорганизацию и самореализацию субъектов образовательного пространства [Осипова, 2015. С. 5]. Е. Н. Фомин, анализируя понятие наставничества, определяет его с позиции личностно-ориентированного педагогического процесса, призванного помочь начинающему работнику овладеть профессией, определить для себя её значимость в своей жизни. Автор делает акцент на одной из перспективных форм наставничества, заключающейся в том, что молодой специалист ориен-

[2] *Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 №1642 (ред. от 20.05.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/*

тирован на пример своего наставника. Указанная форма способствует мотивации молодого работника приобретать навыки, которые присущи его наставнику, способствует адаптации в организации [Фомин, 2012. С. 6]. Как справедливо отмечают А. П. Чернявская и Л. Н. Данилова, адаптационный период молодых педагогов длится не менее года, поэтому первичная поддержка должна осуществляться в трех направлениях: персональном, социальном и профессиональном [Чернявская, Данилова, 2019. С. 68]. Период адаптации молодого учителя основан на интеграции в школьный и педагогический коллектив, с целью смягчения трудностей в общении с учащимися, их родителями, руководством образовательной организации, коллегами.

Следует отметить, что в современных реалиях школьного образования произошла утрата традиций педагогического наставничества, сложившихся в советской школе. Вместе с тем рост нагрузки на представителей школьной администрации способствовал тому, что их деятельность в качестве наставников на данном этапе носит исключительно формализованный характер. Тем не менее отечественное образование имеет богатые традиции наставничества в сфере педагогической деятельности, работа с молодыми учителями проводилась и проводится в школах в различных формах: школьные и районные методические объединения работают с молодыми педагогами.

А. С. Батышев отмечает тот факт, что институт наставничества сопровождал жизнь человека, начиная с появления общества, и являлся формой передачи социального опыта старших поколений младшим. Следовательно, наставничество в древние века и было воспитанием, а разделение труда и выделение собственно профессиональной подготовки сузило значение наставничества до сферы передачи именно трудового опыта. Платон отмечал, что начинать воспитывать надо как можно раньше и наставником должен быть человек именно пожилого возраста, обладающий как жизненными, так и профессиональным опытом и готовый им делиться.

Многие десятилетия опыт отечественного наставничества носил название шефства, найдя применение при организации индивидуального подхода как на производстве, так и в системе образования. Так, в целях решения проблем индустриализации и идеологического воспитания на XI съезде РКП(б) (1922 г.) была поставлена задача реорганизации труда путем соединения возможностей производственного (практического) обучения с теоретической подготовкой молодежи [Батышев, 1985. С. 205]. Известными наставниками, научные подходы которых пропагандировали роль наставничества в воспитании и развитии подрастающего поколения, были великие педагоги Я.А. Коменский, А.С. Макаренко, П.П. Блонский Л.С. Луначарский.

Массовое движение наставничества пришло в отечественную педагогику и практику в конце 50-х – начале 80-х годов прошлого столетия и стало важным направлением государственной политики. В это время отмечено развитие ускоренными темпами профессионально-технического образования и производственного обучения. При рассмотрении роли наставника отечественными педагогами (М.Ф. Зарецкий Н.М. Таланчук) отмечено, что в его задачи входит наставление другого на путь истины и передача своего жизненного и профессионального опыта младшему поколению.

Правительственные и государственные документы отмечают наставников не только как кадровых рабочих, обладающих высоким мастерством, обширным жизненным опытом, но и как талантливых педагогов. В советское время наставника считали почётным и уважаемым человеком, он занимался идейно-политическим и профессиональным становлением личности молодого специалиста. В союзных республиках было учреждено и присуждалось почётное звание «Заслуженный наставник республики» [Тюмасева, Орехова, 2018. С. 90].

В рамках начального становления системы наставничества в образовательных организациях на законодательном уровне не закреплено понятие педагог-наставник и педагогическое наставничество. Как отмечает Дудина Е.А., наставничество следует рассматривать как двусторонний, взаимообогащающий и взаимонаправленный процесс, который необходим наставнику не менее, чем его подопечному. Применительно к данно-

му факту интерес представляет теория психосоциального развития человека Э. Эриксона, который рассматривает наставничество в качестве межличностных отношений. Он отмечает, что стремление стать наставником испытывает взрослый человек на стадии генеративности, характеризующейся стремлением сосредоточить «родительскую» ответственность на каком-либо субъекте, создавать значимые объекты и отношения. Вместе с тем потребность в наставнике возникает в периоды трансформации идентичности. К основным характеристикам наставничества ученый относит увлеченность какой-либо общей проблемой или деятельностью, «страсть», которую разделяют наставник и подопечный [Дудина, 2017. С. 28].

В своем исследовании под педагогическим наставничеством мы будем понимать особый вид профессиональной деятельности, в основе которого лежат субъект-субъектные отношения как более старшего педагога, обладающего знанием, опытом и мудростью, так и подопечного для удовлетворения индивидуально-профессиональных потребностей.

Анализ исследовательских подходов к изучению профессионального самоопределения дает нам основания рассматривать профессиональное самоопределение как поэтапный и длительный процесс включения индивида в социально-трудовую структуру общества с учетом согласования своих внутренних профессиональных потребностей, соотнесение их с требованиями профессиональной деятельности, общественными предпочтениями и социально-экономическими условиями ее выполнения.

Следует отметить, что профессиональное самоопределение является одним из видов самоопределения личности, выполняющим важную роль в профессиональном становлении и самореализации человека. Постоянный поиск своего места в мире профессий позволяет личности найти область деятельности для полной самореализации. Основная цель профессионального самоопределения заключается в постепенном формировании внутренней готовности самостоятельно и осознанно планировать и реализовывать перспективы своего профессионального развития.

В контексте анализа эффективного педагогического наставничества целесообразным представляется изучение форм и методов применения данной технологии в практической деятельности.

Результаты исследования

Рассматривая педагогическое наставничество в контексте этапов профессионального самоопределения молодого учителя, следует отметить, что данный процесс значительное влияние оказывает на третьем этапе, когда происходит первичное практическое применение сформированных на этапе получения высшего педагогического образования компетенций.

Следует отметить, что стимулирование профессиональной мотивации молодых педагогов, подкрепление их стремления к профессиональному развитию являются одним из фундаментальных условий эффективного профессионального самоопределения и профессиональной адаптации. Профессиональная адаптация молодого педагога демонстрирует уровень его адаптационного потенциала, соответствие мотивации профессиональной деятельности требованиям педагогической деятельности.

Вместе с тем доминирование реальной компетентности над требуемой приводит к снижению мотивационного потенциала молодого специалиста. Как справедливо отмечает профессиовед Зеер Э.Ф., успешная профессиональная адаптация делает работу привлекательной, повышает шанс на более высокую оплату труда и профессиональный рост, создает предпосылки для самоактуализации специалиста [Зеер, 2003. С. 165]. Молодая личность, по мнению ученого, постоянно рефлексирует, переосмысливает свое профессиональное бытие и тем самым самоутверждается в профессиональной деятельности.

Содержание и взаимосвязь мотивационно-ценностных компонентов являются ядром профессионального развития личности и функционирования механизмов поиска, оценки, выбора, оказывая значительное влияние на уровень профессионального самоопределения. Согласно теории Л. И. Божович, мотив представлен тем, ради чего осуществляется деятельность. мотив придает деятельности определенную направленность. Мотив выбора отражает позицию личности, сформированную на основе собственного опыта и осмысления социально значимых целей

деятельности. В частности, сознательный выбор профессиональной деятельности может быть осуществлен лишь в том случае, если он глубоко мотивирован, и руководящие мотивы соответствуют специфике выбранной сферы деятельности [Малинаускас, 2005. С. 136]. На основе социологического исследования, проведенного Т. Хлоповой и М. Дьякович с целью выявления мотивационных предпочтений будущих специалистов в трудовой сфере, можно выделить следующие типы профессиональной мотивации личности:

1) социально-статусная мотивация. Будущая работа воспринимается как средство самоутвердиться в жизни и добиться социального успеха. В данном случае содержательный аспект трудовой деятельности не является доминирующим фактором, основополагающая роль принадлежит профессиональной перспективе, а именно, какое место благодаря ей займет молодой человек в социально-профессиональной структуре общества;

2) мотивация, направленная на профессионально-личностную самореализацию, основанная на стремлении молодого человека развивать свои профессиональные способности и таланты в направлении будущей профессиональной деятельности, и именно благодаря этому получить общественное признание;

3) материальная мотивация, когда работа воспринимается лишь как источник средств к существованию, как экономическая необходимость;

4) коммуникативная мотивация. Работа как возможность общения, причастности к определенной группе, получения признания и уважения окружающих [Хлопова, Дьякович, 2012. С. 78].

Результаты исследования, проведенного автором[3], иллюстрируют, какой из типов профессиональной мотивации лежит на этапе профессиональной адаптации респондентов (табл. 1).

Доминирование социально-статусной мотивации в ответах молодых учителей свидетельствует о правильном и осознанном выборе профессиональной педагогической деятельности. Вместе с тем ряд проблем, с которыми сталкиваются молодые специалисты в первые годы педагогической деятельности, создают опасение возможной трансформации мотивов и изменений профессиональной траектории. Именно институт наставников призван сохранять и усиливать тот профессиональный интерес, который мы наблюдаем в ответах респондентов. Среди причин, способных повлиять на дальнейшее профессиональное самоопределение и становление молодых учителей, респонденты отмечают следующие позиции (табл. 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какими мотивами был определен ваш выбор трудовой деятельности» (в % от общего числа респондентов)

№ п/п	Варианты ответов	% от общего числа респондентов
1.	Работа в школе – временное место работы для формирования первичного социально-трудового опыта	6
2.	**Я всегда хотел работать по выбранной специальности в школе**	**54,5**
3.	Я не планировал работать в школе, этому способствовало стечение обстоятельств	36,6
4.	Пришло осознание выбранной профессиональной сферы деятельности	2,9

Источник: составлено автором на основе опроса «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства».

[3] *Результаты опроса по теме «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства» с 20 ноября 2021 г. по 30 февраля 2022 г. Методом случайного отбора опрошено 237 молодых учителей, имеющих стаж педагогической деятельности в школе от 1 года до 5 лет. В опросе приняли участие респонденты из Хабаровского края, Приморского края, Сахалинской области, Амурской области Республики Саха (Якутия). Руководитель исследования: канд. социол. наук, доцент М. А. Черевко.*

Как видно из результатов исследования, дефицит общения с ближайшей референтной группой доминирует среди респондентов. Вместе с тем можно предположить, что данный фактор обусловлен отсутствием опыта рационального планирования своего рабочего времени (данную проблему отметили 20% респондентов). Как правило, основную часть своего свободного времени учителя вынуждены тратить на самоподготовку, следовательно, обучение технологиям тайм-менеджмента может входить в функционал опытного в данном вопросе педагога-наставника.

Каждый восьмой (12%) из числа респондентов испытывает дефицит опыта в преподавании предмета. Очевидно, что педагог, признанный экспертом в сфере методики преподавания предмета, может использовать различные формы налаживания контакта с молодым специалистом, оказывая как методическую, так и организационную помощь на первых этапах его профессиональной деятельности. Помощь может быть оказана в проведении демонстрационных уроков с их последующим методическим обсуждением, в преподавании под наблюдением наставника, совместной подготовке к занятиям, предметном консультировании и др.

Как свидетельствует опыт, накопленный в данной области, одной из форм взаимодействия наставника и молодого педагога является сессия с наставником как методически организованная встреча с целью анализа проведенного учебного занятия. Оценка изменений профессионального поведения молодых учителей проводится на основе наблюдения образовательных результатов деятельности обучающихся с посещением уроков и оцениванием эффективности профессиональной деятельности по заранее заданным критериям. Педагогическая практика иллюстрирует случаи, когда педагог делает все методически правильно, ученики активно вовлечены в образовательный процесс, но при этом они не могут продемонстрировать познавательный компонент. В данном случае роль педагога-наставника – способствовать реальным, заметным, значимым и измеряемым изменениям в результатах обучающихся за счет значимого вклада молодого педагога. В свою очередь, результаты исследования дают информацию о том, что 11% молодых педагогов испытывают трудности в работе с обучающимися.

В соответствии с положениями государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 г., введение технологии педагогического наставничества в школе должно быть основано в соответствии с положением, разработанным каждой образовательной организацией самостоятельно с учетом существующих педагогических условий и запросов молодых педагогов. Как свидетельствуют результаты исследования, в регионах, где проживают опрошенные, ведется апробирование

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «В чем Вы испытываете наибольшую дефицитарность, работая учителем в школе?» (в процентах от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Дефицит времени общения с коллегами	3
Дефицит времени общения с близкими и родными	30
Дефицит опыта в работе с обучающимися	11
Дефицит опыта в работе с родителями	12
Дефицит опыта в планировании своего рабочего времени	20
Дефицит опыта в преподавании предмета	12
Дефицит опыта в работе с руководством	2
Дефицит понимания со стороны учащихся и их родителей	7
Дефицит времени для подготовки к урокам	2
Меня абсолютно все устраивает	1

Источник: составлено автором на основе опроса «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства».

технологии педагогического наставничества, не основанного на официальном и системном подходе (табл. 3).

Концепция развития современного отечественного образования актуализирует развитие процессов по формированию инновационных и экспериментальных площадок на базе российских школ. Идея работы на площадках должна быть основана на компиляционной модели, включающей деятельность как молодых, так и опытных педагогов, что также актуализирует возрождение целостного профессионального наставничества. В ответах респондентов мы наблюдаем частичную реализацию данного инновационного подхода (табл. 4).

В контексте осмысления проблемы значительный интерес представлял анализ ситуации, связанной с готовностью молодых педагогов принимать помощь от коллег-наставников (табл. 5). Если рассматривать взаимодействие с наставником как саморазвитие и профессиональное развитие, то у доминирующей части респондентов можно его интерпретировать как желание обучаться, постигать новые формы и методы работы с наставником, что свидетельствует о высокой социально-значимой мотивации и стремлению к постоянному развитию. Вместе с тем педагог-наставник должен обладать современным набором профессиональных компетенций, постоянно повышать свой профессиональный

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «В начале Вашего трудового пути Вам помогали коллеги в качестве педагогов-наставников?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
В первый год работы меня фрагментарно сопровождал куратор-коллега	35
Мне помогали только по мере моего обращения к коллегам	52
С первых дней работы в школе я предоставлен самому себе, опираюсь исключительно на свои силы	13

Источник: составлено автором на основе опроса «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства».

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «На базе школы, в которой Вы работаете, есть экспериментальные площадки, где отрабатываются новые методики и технологии обучения и воспитания детей (лаборатории педагогического мастерства для студентов-практикантов и молодых преподавателей)?» (в % от общего числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Есть, активно функционирует	37
Площадка существует формально, никто не работает в ее рамках	54
Нет таких площадок	9

Источник: составлено автором на основе опроса «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы регулярно работать с педагогом-наставником и принимать от него профессиональную помощь? (в % от общего числа респондентов)

Варианты ответов	%
Да, готов, мне нужна помощь коллег	40
Нет, я не нуждаюсь в обучении	12
Нет, так как привык самостоятельно справляться с жизненными затруднениями	10
Нет, считаю, что старшие коллеги владеют не актуальными знаниями и методиками	38

Источник: составлено автором на основе опроса «Адаптация молодого учителя в условиях школьного образовательного пространства».

уровень, обладать готовностью к тиражированию своего профессионального опыта и знаний. Это обусловлено и уровнем профессиональной подготовки учителей, приходящих в школы.

За последние 10 лет в данном аспекте прослеживается положительная динамика. Так три четверти респондентов имеют дипломы «хорошиста» (64%), более четверти молодых учителей завершили высшее педагогическое образование «с отличием» (28%). Лишь статистически незначительная часть респондентов имеют дипломы «троечника» (6%), для которых «работа в школе – временное место работы для формирования первичного социально-трудового опыта».

Заключение

Таким образом, система педагогического наставничества только набирает необходимые обороты в условиях современного образовательного пространства. Наставничество можно рассматривать как особый вид педагогической деятельности, основанный на бинарном взаимодействии, поддержке и сотрудничестве молодого учителя и коллеги-наставника. Как показывает практика, самым важным на этапе адаптации молодых специалистов представляется процесс закрепления и усиления их профессионального интереса. Данный этап профессионального самоопределения закладывает вектор дальнейшему профессиональному развитию специалиста. Педагогическое наставничество во многом может решить проблемы, связанные с процессами старения учительского корпуса и их внутренней ротацией на должность педагога-наставника, сохранив тем самым квалифицированные кадры и привлекая большее количество молодых учителей-предметников.

Эмпирические данные проиллюстрировали готовность молодых учителей к плодотворной совместной работе, основанной на приобщении работника к школьной корпоративной культуре, формировании у него чувства причастности и ответственности за свою деятельность при получении знаний от наставника. Наставничество способствует формированию чувства ответственности за собственный опыт и знания, стремление к постоянному их усовершенствованию, что также положительно отражается на качестве работы.

На наш взгляд, детальной проработки на законодательном уровне, требует категориальный аппарат института педагогического наставничества, а также вопросы по введению квалификационной категории педагога-наставника. Назрела объективная необходимость широкомасштабного применения технологии педагогического наставничества, как инструмента закрепления молодых учителей и своевременного купирования возможных миграционных настроений. Высока результативность наставничества при системном планировании и повышении эффективности использования кадровых ресурсов в области школьного образования.

Список источников:

1. Батышев А. С. Педагогическая система наставничества в трудовом коллективе. М.: Высш. шк., 1985. 272 с.
2. Вершловский С. Г. Особенности профессионального становления молодого учителя // Советская педагогика. 2014. №4. С. 76–84.
3. Дудина Е. А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Том 7. № 5. С. 25–36.
4. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
5. Малинаускас Р. К. Мотивация студентов разных периодов обучения // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 132–137.
6. Осипова Т. Ю. Функциональные векторы педагогического наставничества // Концепт. 2015. №3. С. 1–9.
7. Тюмасева З. И., Орехова И. Л., Яковлева Н. О. Адаптационный этап процесса профессиональной социализации студентов педагогического вуза // Образование и наука. 2018. Т. 20, №1. С. 75–95.
8. Фомин Е. Н. Диверсификация института наставничества как потенциал

успешной адаптации молодого специалиста // Среднее профессиональное образование. 2012. №7. С. 6–8.

9. Хлопова Т., Дьякович М. Трудовой потенциал и характер мотивации учащейся молодежи // Человек и труд. №12. 2012. С. 74–78.

10. Черевко М. А. Профессиональное самоопределение студентов педагогических вузов как социальная проблема // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2011. № 2(21). С. 249–256.

11. Чернявская А. П., Данилова Л. Н. Роль педагога-наставника в адаптации молодого учителя // Ярославский педагогический вестник. 2019. №4. С. 62–70.

References:

1. Batyshev A. S. (1985) Pedagogical system of mentoring in the work team. M.: Higher. School: 272.(In Russ.)

2. Vershlovsky S. G. (2014) Features of the professional development of a young teacher *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy]. No. 4: 76–84. (In Russ.)

3. Dudina E. A. (2017) Mentoring as a special kind of pedagogical activity: essential characteristics and structure *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University]. Vol. 7. No. 5: 25–36.

4. Zeer E. F. (2003) Psychology of professions. M.: Acad. project; Yekaterinburg: Business book: 336. (In Russ.)

5. Malinauskas R. K. (2017) Motivation of students of different periods of study / R.K. Malinauskas *Sotsiologicheskoye issledovaniye* [Sociological research]. No. 2: 132–137.

6. Osipova T. Yu. (2015) Functional vectors of pedagogical mentoring *Kontseptsiya* [Concept]. No. 3: 1–9. (In Russ.)

7. Tyumaseva Z. I., Orekhova I. L., Yakovleva N. O. (2018) Adaptation stage of the process of professional socialization of students of a pedagogical university. *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. Vol. 20. No. 1: 75–95. (In Russ.)

8. Fomin E. N. (2012) Diversification of the Institute of Mentoring as a Potential for Successful Adaptation of a Young Specialist *Sredneye professional'noye obrazovaniye* [Secondary Vocational Education]. No. 7: 6–8. (In Russ.)

9. Khlopova T., Dyakovich M. (2012) Labor potential and the nature of the motivation of students *Chelovek i trud* [Man and labor]. No. 12: 74–78. (In Russ.)

10. Cherevko M. A. (2011) Professional self-determination of students of pedagogical universities as a social problem *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State university]. No. 2(21): 249–256. (In Russ.)

11. Chernyavskaya A. P., Danilova L. N. (2019) The role of a teacher-mentor in the adaptation of a young teacher *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 4: 62–70. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.08.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 25.08.2022.

The article was submitted 04.08.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 25.08.2022.

Информация об авторе

М. А. Черевко – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры сестринского дела с курсом социальных дисциплин, Дальневосточный государственный медицинский университет; декан повышения квалификации судей и госслужащих судов, Дальневосточный филиал Российский государственный университет правосудия

Information about the author

M. A. Cherevko – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of nursing with a course in social disciplines, the Far-Eastern State Medical University; Dean of the advanced training of judges and civil servants of courts, the Far-Eastern branch of the Russian State University of Justice

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ: РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Научная статья
УДК 330.341
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-160-170

Гуманитарный фундамент человеческого капитала: теоретические прозрения и региональная экспликация

Мария Алексеевна Маниковская
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
mary.manikovskaya@gmail.com

Аннотация. *Плодотворное крепнущее развитие Дальнего Востока призвано обеспечить реализующиеся в настоящее время национальные проекты Российской Федерации, одним из которых является проект «Культура». Принципиально важен его акцент — укрепление гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей. Поскольку ключевым ресурсом достижения национальных целей и решения стратегических задач является человеческий капитал, неслучайно этот феномен оказывается в фокусе исследовательского внимания теоретиков и экспертов. Понятие «человеческий капитал», инициированное американскими учеными в середине XX столетия для решения актуальных экономических проблем, не только положило начало новому направлению мировой экономической мысли, но и спровоцировало полемику со стороны гуманитариев относительно корректности использования данного словосочетания в качестве концепта в антропологической перспективе. Они усмотрели в нем утрату ориентира на гармоническую целостность универсально осуществляющего себя человека. Анализ эпистемологического поля, образованного проблематикой рассматриваемого феномена, показал, что разработчики теории человеческого капитала не претендовали на создание новой антропологии, фундированной экономическими знаниями и формируемыми ими компетенциями. Вместе с тем критическая позиция гуманитариев небезосновательна, ибо ее сторонники полагали, что понятие «человеческий капитал» несет в себе риски, чреватые деформацией человеческой идентичности вследствие абсолютизации экономического детерминизма, акцентирования не столько рациональности, сколько прагматической расчетливости. Гуманитариям претило утверждение, обусловленное финансовыми инвестициями в образование, что знания, приобретаемые в его процессе, превращают человека не в носителя культурных ценностей, а в средство производства, подлежащее амортизации и, следовательно, замене. Мы полагаем, что нивелировать отмеченные риски возможно, признав в качестве фундамента человеческого капитала гуманитаристику. Входящие в состав ее содержания гуманитарное знание, философия, искусство нацелены на формирование и упрочение полноты и гармонической целостности человеческого бытия.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, экономический редукционизм, риски человеческой идентичности, гуманитаристика, дальневосточное искусство, социокультурная политика на Дальнем Востоке*

Благодарность: исследование проведено по итогам работы регионального экспертного круглого стола, состоявшегося 2 июня 2022 года в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС по теме: «Человеческий капитал: проблемы инвестиций в развитие»

Для цитирования: Маниковская М. А. Гуманитарный фундамент человеческого капитала: теоретические прозрения и региональная экспликация // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 160–170. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-160-170

Humanitarian foundation of human capital: theoretical insights and regional explication

Mariya A. Manikovskaya
The Pacific National University, Khabarovsk, Russia
mary.manikovskaya@gmail.com

Abstract. *Stable, growing development of the Far East is designed to ensure the national projects of the Russian Federation currently being implemented, one of which is «Culture». Its emphasis on strengthening civic identity on the basis of spiritual, moral and cultural values is fundamentally important. Since the key resource for achieving national goals and solving strategic tasks is human capital, it is no coincidence that this phenomenon is in the focus of the research attention of theorists and experts. The concept of «human capital», initiated by American scientists in the middle of the 20th century to solve the urgent economic problems, not only started a new direction in the world economic thought, but also provoked a controversy on the part of humanitarians regarding the correctness of using this phrase as a concept in an anthropological perspective. They saw in this phrase a loss of orientation towards the harmonic integrity of the universally self-fulfilling man. An analysis of the epistemological field formed by the problems of the phenomenon under study showed that the human capital theory developers did not claim to create a new anthropology based on economic knowledge and the competencies formed by it. At the same time, the critical position of the humanitarians is not groundless, as its supporters believed that the concept of «human capital» contains risks fraught with the human identity deformation due to the absolutization of economic determinism, emphasizing pragmatic prudence and not so much rationality. Humanitarians hated the assertion, driven by financial investments in the education, that the knowledge acquired in its process does not turn a person into a bearer of cultural values, but into a means of production, subject to depreciation and, therefore, replacement. We believe that it is possible to neutralize the noted risks by recognizing the humanities as the foundation of human capital. The humanitarian knowledge, philosophy, and art included in its content are aimed at the formation and strengthening of the completeness and harmonious integrity of human existence.*

Keywords: *human capital, economic reductionism, human identity risks, humanities, the Far-Eastern art, socio-cultural policy in the Far East*

Acknowledgments: *the study was conducted following the results of the regional expert round table work on the topic: "Human capital: development investment problems ", which took place on June 2, 2022 at the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*

For citation: Manikovskaya M. A. Humanitarian foundation of human capital: theoretical insights and regional explication // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 160–170. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-160-170

Введение

Приоритетное всестороннее развитие Дальнего Востока, обстоятельно обоснованное в настоящее время, нашло отражение в национальных проектах развития Российской Федерации. Одним из значимых, акцентированный на сильное региональное измерение, является национальный проект «Культура», рассчитанный на 2019–2024 гг., и скорректированный в соответствии с указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Безусловно, реализация этого проекта, нацеленного на укрепление гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей, возможна и благодаря имеющемуся потенциалу, и намерениям людей его умножать и обогащать, актуализируя гуманитарные ресурсы, которыми богат Дальний Восток. Этот кладезь является мощным фундаментом человеческого капитала. Сегодня дальневосточная социокультурная политика сориентирована на создание условий для эффективного творческого развития жителей региона. Вследствие данного обстоятельства оправдано, что концепт «человеческий капитал» является предметом исследовательского внимания и прозрения теоретиков и экспертов разных научных сфер.

Основные результаты исследования

Более чем полувековое, сопровождающееся полемикой существование понятия «*человеческий капитал*», провоцирует далеко не праздное намерение предпринять экскурс в историю данного феномена и удостовериться в правомочности его плодотворности в антропологической перспективе. Рассматриваемое понятие, как известно, было введено американскими учеными Т. Шульцем и Г. Беккером, которое бы обеспечивало реальную возможность экономического роста в динамично трансформирующемся современном мире. Образованное ими понятие послужило началом разработки теории человеческого капитала как зарубежными, так и отечественными исследователями. Основоположники этого начинания полагали, что базовым ресурсом успешного экономического развития становятся навыки, компетенции, сформированные в процессе образования. Проведя углубленный теоретический и эмпирический анализ, Т. Шульц и Г. Беккер в статьях с одинаковым названием «Инвестиции в человеческий капитал», написанные с небольшим временным интервалом (1960, 1961), пришли к обоснованному выводу, что финансовый капитал, вложенный именно в сферу образования, превращается в человеческий. Финансовые инвестиции оборачиваются развитым интеллектом, такой культурой человека, которая обогащает не только его самого, но и все общество. Теория человеческого капитала ознаменовала самостоятельное течение мировой экономической мысли в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Однако в научном сообществе не случилось единодушного признания предложенного варианта концепции человеческого капитала. Прежде всего обнаружилось сохраняющееся и до сих пор сопротивление со стороны гуманитариев, увидевших риск утраты возможности воплощения многовекового гуманизирующего идеала, ориентированного на полноту и гармоническую целостность человека [Мозговых, 2018]. Возникло сомнение относительно правомерности самого словосочетания «человеческий капитал», образованного разнопорядковыми понятиями, принадлежащими несовместимым научным областям, и нацеленного на значимость категории в эпистемологическом поле современной философской антропологии. В этом словосочетании усматривался и риск экономического детерминизма, смещавшего акцент в сторону формирования таких навыков и компетенций, которые в первую очередь необходимы для получения экономической прибыли.

Действительно, у гуманитариев были основания для тревоги, поскольку нередко в представленных экспликациях категории «человеческий капитал» явно доминировал именно экономический критерий, или в схематике аргументации М. Вебера – модель инструментальной рациональности. По убеждению немецкого теоретика, в западном обществе сложилось два типа рациональности:

инструментальная, по своему характеру нацеленная на успех, и ценностная, подчиненной морали. Поборники человеческого капитала видели в нем определяющий масштаб и меру прибыли в экономической деятельности. Оппоненты же полагали, что абсолютизация инструментальной рациональности человеческого капитала парадоксальным образом как раз и отрицала человекомерность экономического развития.

Однако, признавая небезосновательную настороженность гуманитариев, нельзя не учитывать аргументы основоположников теории человеческого капитала, которые, как это ни парадоксально, разделяют позицию своих оппонентов. Так, Т. Шульц полагал, что понятие человеческого капитала должно способствовать более широкому пониманию человека, благодаря отличию от традиционной трактовки самого капитала. Его, как целое, необходимо разделить на две части: одна представляет ресурс навыков и компетенций, обеспечивающих материальное богатство, а другая — знания, благодаря которым только и возможно приобрести, сформулировать и развить плодотворные способности. Именно эти знания Т.Шульц называет *капиталом человеческим*, в отличие от нечеловеческого [Schultz, 1961]. Принципиально важно, что уже в своей первой публикации «Высшее образование и его роль в экономическом развитии» (1958), свидетельствующей о новаторской разработке, он радикализирует значение высшего образования и его продуктивное следствие — знания, которые и образуют человеческий капитал [Поздняков, 2012].

Осмысливая противоречивую ситуацию, спровоцированную рассматриваемым концептом «человеческий капитал», нужно учитывать, что не все гуманитарии отрицают его понятийную продуктивность, имея в виду существующую аналогию. Известно широкое употребление «бездушного» понятия «капитал» в таких связках, как: «культурный капитал» (П. Бурдье), «капитал доверия» (Ю. Хабермас), «гуманитарный, символический, социальный капитал» (Х. Шрадер), которые используются в качестве метафоры. Проиллюстрируем приведенное заключение примером из сферы художественной культуры. Столкновение различных интересов в экономическом пространстве художественной культуры подкрепляется инвестициями разных видов капитала, значимость которого придает ему властные функции. Власть того или иного капитала обменивается на достижение цели интереса. Нередко разрешающей инстанцией производства определенных художественных ценностей становятся не владельцы экономического капитала, имеющие легитимное право на тиражирование художественных произведений, или соответствующие социальные институты художественной культуры, а обладатели социального или культурного капитала. Социальный капитал — принадлежность социальной структуры и действий внутри нее. «Точнее говоря, личные связи и клиентура представляют собой социальный капитал» [Шрадер, 1999. С. 23]. Публикации произведения неизвестного литератора или поэта, записи альбома начинающего музыканта, созданию видеоклипа провинциальной талантливой певицы помогает покровительство известного писателя, музыканта, певца, то есть власть символического капитала, под которым понимается престиж, репутация, имя и т. п. [Бурдье, 1993. С. 57]. Символический капитал не исключает культурного. История развития художественной культуры знает множество примеров, когда произведения будущих талантов (и даже гениев) были опубликованы, экспонированы, представлены социальному миру благодаря авторитету, имени больших мастеров.

Уместно отметить особенность дискурса в постнеклассической науке (В. Степин) и постнеклассической философии. Эту особенность мы видим в *метафоричности*, которую авторы используют как для постановки проблем, так и в качестве инструментария их исследования. Этот прием не нов. Он широко использовался античными мыслителями и в последующей историко-философской традиции доказал свою эвристическую значимость и эпистемологическую ценность. Постмодернистская философия, как никакая другая, говорит языком метафоры. Перефразируя Ж. Бодрийяра, можно сказать, что ее характеризует

«буйная поросль метафорики». Обильное использование последней — существенный показатель того внимания и принципиально нового отношения к языку, которые характеризуют современную неклассическую философию. В горизонте лингвистического поворота — «язык есть дом бытия» (М. Хайдеггер), а следовательно, постижение бытия возможно на «путеводной нити языка». Однако постмодернистская философия полагает, что язык сковывает и искажает мысль, вгоняя ее в прокрустово ложе правил и порядка оформления. Она пытается найти способы и средства выражения мысли до ее логического и грамматического оформления. В общее направление поисков нового философского языка вписывается метафорическая образность как эвристическая и аргументативная сила языка. Это в полной мере относится и к науке. Как замечает Х. Ортега-и-Гассет: «Метафора — незаменимое орудие разума, форма научного мышления» [Ортега-и-Гассет, 1991. С. 203]. Ученый нередко прибегает к этой форме, когда, открывая новое явление, подыскивает ему название, выраженное в понятии, образованном путем сближения слов на основе их переносного значения. Допускаем предположение, что для образования словосочетания, обозначившего новый концепт, слово «капитал» использовано не совсем по прямому назначению, хотя и через посредство его обиходного смысла, в результате чего оно приобрело новый смысловой оттенок. Метафорическая образность как эвристическая и аргументативная сила языка «не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания» [Ортега-и-Гассет, 1991. С. 206].

Анализ понятия «человеческий капитал» свидетельствует о его сложности и многосоставности, что стало импульсом экспликации различных его аспектов, обусловивших различие подходов в определении его сущности и содержания. Большинство теоретиков расширили рамки компетенций и условий, детерминирующих воспроизводство успешного экономического роста, что нашло воплощение в разветвленной структуре человеческого капитала, разработанного Ф. Нойманом [Поздняков, 2012].

Экскурс в историю становления теории человеческого капитала показывает, что ее основоположники и последователи не претендовали на создание новой антропологии, целерациональность их новаторской деятельности была ориентирована на выявление и обоснование условий и средств, способных обеспечить прибыль и успех экономического развития. Представляется весьма конструктивной отправная идея дифференциации *целого* капитала на человеческий и нечеловеческий. По отношению к человеческому капиталу, в формировании его ключевая роль принадлежит гуманитарному знанию. Однако, настаивая на этом аргументе, оправдывающем плодотворную продуктивность исследуемого феномена, необходимо, на наш взгляд, сместить акцент в сторону не только гуманитарного знания, но и в сторону *гуманитаристики*, и обосновать ее в качестве *гуманитарного фундамента* человеческого капитала. Гуманитарное и экономическое знание выражают разные цели и обладают различным диапазоном. Смещение акцента в базовой парадигме человеческого капитала не означает умаления роли негуманитарного знания, оно лишь предупреждает о рисках, чреватых утратой полноты и целостности человека. Гуманитаристика позволяет высветить горизонт, выходящий за пределы всех ограничений, создающих препятствия для гармоничного развития универсально осуществляющего себя человека.

Следует заметить, что до недавнего времени в условиях доминирования технической рациональности даже в научном сообществе сохранялось скептическое отношение к гуманитарным наукам, явно или неявно отмечалась их якобы неравноценность естественным и техническим областям знаний. Но в настоящее время осознается масштаб гуманитарного поворота, совершенного софистами и Сократом, от космоса к человеку и ставшего импульсом понимания соразмерности гуманитарного и иного знания. Эпоха Возрождения укрепила это осознание, вычленив в статусе самостоятельных гуманитарные науки: грамматику, риторику, философию. Их изучение было на-

целено на новое понимание человека как сотворца бога. Достоинство человека виделось в его способности активно утверждать себя в мире и быть творцом своей индивидуальности, обосновывая тем самым «самоценность отличия» (Л. Баткин). Само же Возрождение было осмыслено как художественно-эстетическая эпоха благодаря признанию творческой власти искусства. Художественные интуиции, художественный опыт, теоретико-философское осмысление возрастающего масштаба гуманитарных феноменов провоцирует на адекватный социокультурный ответ – легитимацию «наук о духе». Как известно, В. Дильтей, предвосхитив революционизирующее, исключительно плодотворное значение гуманитарных наук, один из первых обосновал их предмет, методологию и существенное отличие от наук о природе (от естествознания). Легитимация «наук о духе» образовала эпистемологическое поле, центрированное проблематикой специфики гуманитарных наук, прояснением критериев их научности и ценности. Это проблемное поле трансформируется и усложняется вследствие различия подходов, теоретико-философских интерпретаций, включения в его размерность новых областей гуманитарного знания, что позволяет признать его полем гуманитаристики. Феномен гуманитаристики, являющийся одним из ключевых концептов в предложенном исследовании, фиксирует в качестве ядра гуманитарные науки, но не сводится только к ним, поскольку включает и вненаучное гуманитарное знание. Понятие гуманитаристики можно определить как знание о духовной сути человека, «его внутреннем мире, выраженном в материальных и идеальных культурных образованиях, наделенных человеческими значениями, ценностями, смыслами» [Афанасьев, 2013].

Конструктивное значение гуманитаристики коррелирует с оправданно обретающим широкое признание заявлением К. Леви-Стросса: «XXI век будет либо веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще». Исключительно прозорливое и глубокое по смыслу выражение теоретика убеждает в возможности существования антропологической перспективы, если ее критерием будет служить гуманитарность, которая «в целом утверждается в самоопределении через свое отношение к человеку» [Фролов, 1989. С. 42].

Гуманитарность задает человекомерный критерий самодетерминации всех субъектов, участников исторического процесса, обеспечивает свободу мысли, принятия решений и одновременно ответственности как за жизненный путь отдельного человека, так и за судьбу всего человечества.

Однако гуманитарности приходиться защищать и отстаивать свои позиции в условиях новых реалий и тенденций динамично изменяющегося современного мира: инструментализации человеческой жизни, трансформации человека вследствие генных цифровых технологий, цифровизации всех сфер общества. Научные изыскания и прогнозы мирового сообщества ученых, а также реальные факты, безусловно, убеждают в невиданно плодотворном потенциале цифровизации, открывающей завораживающие перспективы будущего человечества, ошеломляющие возможности преобразования общества и человека. Но чем эффективнее мощь цифровизации, тем значительнее риски ее освобождающей и преобразующей силы. К числу наиболее существенных относятся: возможная дегуманизация общества, инструментализация человеческого существования, «расчеловечивание» человека, деформация его идентичности, распада ее на фрагменты и даже сведение к профайлу («цифровому человеку»), девальвация ныне существующих морали и этики, обеспечивавших прежде убеждение о наличии незыблемых морально-нравственных устоев человека и общества.

Благодаря генным цифровым технологиям евгеническое вмешательство в природу человека обещает ее улучшение, совершенствование, предотвращение смертельных заболеваний. Но одновременно евгеника рождает риск утраты человеком самотождественности, ответственного авторства истории своей жизни.

Следствием «хитрости» человеческого разума — новейших цифровых технологий — стал неоднозначно трактуемый и вызывающий широкий обществен-

ный резонанс проект трансгуманистов, реализовать который предполагается к середине XXI века. Согласно радикально ориентированным трансгуманистам, цель развития человека – неочеловечество. Следствием создания искусственного интеллекта, изменения телесной природы человека станет его бессмертие. Трансгуманистическая медицина, основанная на технологиях искусственных органов и систем, обещает перенос индивидуального сознания человека на небиологический субстрат – искусственное тело. Возникает вопрос: а где место совести, можно ли ее «оцифровать» и поместить на «тело» без органов? Данные обстоятельства не просто предупреждают, а взывают к необходимости обязательной человекомерности всех форм и способов, обеспечивающих человеческое бытие. Только будучи фундированными гуманитарностью они способны сохранить антропологическую перспективу, ориентированную на полноту и целостность человека.

В настоящее время – время нестабильного и противоречивого состояния общества – и экономические элиты в лице своих экспертов осознают роль и значение гуманитарной культуры в успешном развитии экономики. Обстоятельный и убеждающий анализ этой продуктивной рефлексивной позиции развернут стратегическим консультантом крупнейших компаний, в том числе Ford, Adidas, Chanel, Кристианом Мадсбьергом в работе, которая манифестирует и подтверждает ключевой смысл нашего исследования, «*Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов*». Скрупулезно рассматривая обширный круг эмпирических фактов жизни и бизнеса, автор убедительно доказывает их успешность благодаря тому, что они имели опору на гуманитарное знание. Лидеры прорывных инноваций, мудрых политических и финансовых решений черпали эвристические идеи, находили оригинальные революционные выходы, надежные ориентиры нестандартного поведения в гуманитарной культуре. Именно она формирует критическое мышление, которое в мире, где правят алгоритмы, едва не была отправлена в утиль. К. Мадсбьерг аргументативно настаивает, что ценность гуманитарных наук не подлежит сомнению, ибо интенсивная вовлеченность в знания, которые они дают, лежат в основе практики, называемой им *осмыслением*. Осмысление, противостоящее чарам «пения сирен», обещающих, что технологии спасут человечество, позволяет понизить их «до хорошо обученного помощника». Только человеку дано выяснить, что делать, когда благодаря технологиям цели постигнуты. Люди нужны «*для производства и интерпретации смысла*. Сфера гуманитарных наук идеальна в качестве учебной площадки для таких начинаний» [Мадсбьерг, 2018. С. 191].

Нельзя не видеть, что сегодня наша высшая школа не в полной мере соответствует обоснованным утверждениям К. Мадсбьерга: приходится констатировать истончение гуманитарного фундамента высшего образования. Платон — «великий Учитель человечества» (А. Лосев) утверждал, что в процессе усвоения индивидуумом знаний, умений и навыков происходит становление человеческой личности. Благодаря пайдейи (образованию) осуществляется «восхождение человека к самому себе», к полноте и универсальности своего бытия. Образованный человек, стремясь объединить в себе духовные достижения предшествующих поколений, тем самым становится хранителем единства и целостности всего человечества. Идея достоинства гуманитарного знания прочно укоренилась и в русской философии. Животворящая сила гуманитарного знания инициирует и движет различные явления, как духовные, так и материальные. Убедительно характеризует М. Мамардашвили непреходящее значение «того гуманитарного знания или гуманитарной искры ее какой-то производящей духовной клеточки, которая *описывается* в понятиях философии и связана с духовным развитием личности» [Мамардашвили, 1990. С. 14]. Тревога авторитетного философа, вызванная фундаментальными просчетами в деле приобщения студентов к философскому знанию, не лишилась своей почвы и в настоящее время. Вследствие довлеющей образовательной прагматики

(изучение этой дисциплины на первом курсе, резкое сокращение часов на семинары) сжался хронотоп философских занятий, смысл которых в диалоге (полилоге) развивать и оттачивать критическое мышление, рефлексивную позицию. Эта цель, значимая и прежде, приобретает особую актуальность в настоящее время, которое востребует личность, способную адекватно, осмысленно и ответственно отвечать на вызовы усложняющегося современного мира. В достижении поставленной цели фундаментальное значение имеет *философия*, статус которой осмысливается в современном обществе *как образовательный и воспитательный институт, как образ жизни, как особый способ мышления* [Преподавая философию, 2016].

Незаместима роль искусства в формировании и упрочении гуманитарного фундамента человеческого капитала. Объяснительным аргументом может служить суждение эксперта в области экономики А. А. Аузана: «Чтобы быть конкурентноспособным в эпоху искусственного интеллекта, нам надо наращивать интеллект в тех направлениях, где искусственный интеллект не справляется – развивать правое полушарие, которое отвечает за эмоциональный интеллект» [Аузан, 2022]. Мощным стимулом развития правого полушария является вовлеченность человека в художественное творчество. Признание этого стимула было осмыслено в Древнем Китае, о чем свидетельствует «правополушарный экзамен». Знание философских учений, произведений художественной литературы, умение слагать стихи считалось необходимым для чиновников и включалось как обязательное условие сдачи экзамена на государственный чин. Эта экзаменационная система, складывавшаяся в период превращения конфуцианства уже со II века до н.э. в официальную идеологию, актуализирована в настоящее время и представляется не только как оправдавший себя способ развития интеллекта, но и как «спасение» от технократизма и экономического детерминизма.

Плодотворную силу искусства в развитии интеллектуальных способностей, продуктивного воображения признавали и акцентировали и философы, и ученые, и художники. По Канту, результатом воздействия художественных произведений является игра познавательных сил, которая приводит человека к самопревышению [Кант, 1994]. Суждение А. Эйнштейна «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель» стало классическим, философско-теоретически отрефлексированным и удостоверенным духовным опытом человечества. При этом необходимо учитывать в силу концептуальной значимости эксплицируемой идеи, что человек *свободно* вверяет себя власти искусства, право которого обусловлено его сущностным содержанием. Гегель убедительно раскрыл причины доверия искусству: «Всеобщая потребность в искусстве проистекает из разумного стремления человека духовно осознать внутренний и внешний мир, представив его как предмет, в котором он узнает свое собственное «Я» [Гегель, 1968. С. 38]. Искусство генерирует смыслы, соизмеримые по масштабу с философскими, но воспринимаемые человеком особым образом, ибо оно «призвано раскрывать истину в чувственной форме» [Гегель, 1968. С. 38].

Универсальные возможности искусства, в том числе и дальневосточного, средствами только ему присущего уникального потенциала органично, ненавязчиво, без насилия, благодаря своей содержательной глубине и выразительной художественно-образной форме пробуждают «чувства добрые» (А. Пушкин). Как убедительно и полнозвучно заметила Людмила Миланич, дальневосточный поэт:

Слова вставали крепкими строками
И приносили доброе зерно
[Миланич, 2006, С. 139].

Прорастая, «доброе зерно» проявляло экзистенциалы, феноменально обнаруживавшие, чем является человек по сути. Человеческое бытие, отличное от бытия другого сущего, согласно экзистенциальной философии, невозможно определить категориально, его можно постигнуть посредством экзистенциалов. Экзистен-

циалы – такие формы жизни, признаком которых является неположенность, т. е. они не детерминированы внешней необходимостью, а проявляют специфически человеческое самоосуществление в мире. Л. Миланич утверждает экзистенциал любви во всем его многообразии. Своим проникновенным поэтическим словом, без ложного пафоса, она признается в любви к родному краю так, что «сжимает сердце» (К. Паустовский), возбуждает это чувство и в читателе:

…Не надо лишнего часа,
Прошу лишь: пока я здесь,
Как самого личного счастья —
Дай Родину разглядеть,
Чтоб на последней тропинке
Мне помнились до конца
Цветы ее и травинки,
Веснушки ее лица
[Миланич, 2006, С. 82].

Дальневосточный поэт Петр Комаров благодаря дару художественного таланта, сердечного уважения к своим предкам, безмерной любви к «краю суровому, краю родному» оживил героическую историю освоения Дальнего Востока в поэме «Серебряный кубок» [Комаров, 1977]. Художественное творение нашего земляка оказывает не только выверенное духовным опытом воздействие поэтического слова, но и силу глубины скрытого в нем философского смысла.

Сопряженность смыслов «Серебряного кубка», открывающаяся при попытке погружения в него до самого дна, все больше убеждает, что эта поэма как кладезь мудрости, из которого чем больше берешь, тем он глубже становится. Вдумчивый читатель — «поэта неведомый друг» (А. Ахматова) обнаруживает неизвестное прежде *диво дивное*. В глубине этого художественного творения нам видится и *исток дальневосточной мечты*. Ее манящим светом пронизаны сегодня проекты, программы перспективного развития Дальнего Востока, дискуссии, ведущиеся как на солидных международных форумах, так и в молодежных аудиториях, на различных дискуссионных площадках.

Выводы

Дальневосточная мечта — сделать окраину России центром такого перспективного развития, в котором бы осуществлялась гармония материального и духовного, экономического и социального, личностного и общественного. По мнению академика РАН П. Минакира, Хабаровскому краю и в целом Востоку России принадлежит роль «в формировании гипотетического полюса национального экономического развития» [Минакир, 2021]. Реализация этой амбициозной цели потребует генерировать конструктивные идеи, научные разработки, потенциал экспертной аналитики. Но совершенно очевидно, что осуществление этого грандиозного замысла возможно благодаря людям. Именно в представлении конкретного человека экономическая мощь не самоцель, а условие счастливой полнокровной жизни. Человек созидает и изменяет жизнь, и, изменяясь сам, становится подлинным историческим субъектом, несущим ответственность за свои деяния, свои мечты и их воплощение. Мечта «прорастает», если у нее будет не только благодатная почва, но и крепкие корни, дающие пышные всходы: «… если бы дуб не оставил корней — не вырос бы лес после бури» (П. Комаров).

Дальневосточная мечта уходит своими корнями в XVII в., когда русские люди двинулись «встреч солнцу» заселять и осваивать просторы Дальнего Востока. Конечно, первоначально ими руководили разные побуждения: одни шли за свободой, волей вольной, другие спасались от державного гнета, были среди них и просто искатели удачи. Но этот поток землепроходцев был крепок людьми «ко всякому труду и ратному делу способными». Дерзкая безудержная инициатива, честолюбивое усердие, личные притязания, жизнелюбивая сила упрочили предпринимательскую мотивацию и обернулись общественным благом: фундаментом экономического, социального развития Дальнего Востока, легитимно защищенными границами. Но, пожалуй, самое главное, что в этом очень сложном и трудном движении и обживании «земель изобильных», когда «многих застигла короткая смерть», и «многие спят безовременным сном в своей неуютной

постели» [Комаров, 1977] выкристаллизовывался особенный дальневосточный характер.

Думается, что мощь дальневосточного региона будет «прирастать» благодаря характеру его главного богатства – людей, уверенных в своей созидательной силе, крепкими узами связанных с дальневосточной землей, питающей их живительными соками, и не сомневающимися в том, что мечта станет реальностью:

Солнце Дальнего Востока
Я в крови своей ношу,
От рожденья, от истока
Здешним воздухом дышу.
И, хотя не против странствий,
Но собою быть могу
Лишь средь этого пространства,
Лишь на этом берегу
[Миланич, 2006. С. 124].

Благодаря акцентированию реального значения парадигмы гуманитаристики, фундирующей человеческий капитал, стало возможным обновление его понимания посредством аннигиляции экономического редукционизма и утверждения ориентира на полноту и гармоническую целостность человеческого бытия.

Список источников:

1. Аузан А. А. Человеческие жизни или локдаун. URL: https // daily. afisha.ru (дата обращения 6.09.2022)
2. Афанасьев А. М. Гуманитаристика: научные притязания // Гуманитарные научные исследования. 2013. №5. URL: http // humansnauka.ru/2013/05/3232 (дата обращения 26.01.2019).
3. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio- Logos, 1993.
4. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. Т. 1. М.: Наука, 1968.
5. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
6. Комаров П. С. Серебряный кубок // Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1977. С. 389–394.
7. Мадсбьерг К. Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов / Науч. ред. Д. Романовский. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
8. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 14–26.
9. Миланич Л. И. Музыка нового дня. Хабаровск: Хабаровское отделение Союза писателей России, 2005.
10. Минакир П. А. «Формула счастья» для Дальнего Востока // Тихоокеанская звезда от 19.03.2021.
11. Мозговых А. В. Теория человеческого капитала Г. Беккера // Журнал прикладных исследований. 2018. №2. С. 27–30.
12. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 203–218.
13. Поздняков В. В. Сущность и содержание категории «человеческий капитал» // Фундаментальные исследования. 2012. № 11 (часть 3). С. 572–575.
14. Преподавая философию. Рефлексия : сборник научных статей. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016.
15. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1989.
16. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.
17. Schultz T.W. Investment in Human Capital. The American Economic Review. Vol. 51, No. 1(Mar., 1961), pp. 1–17.

References:

1. Auzan A. A. Chelovecheskie zhizni ili lokdaun. [Human lives or lockdown.] Available at: https // daily. afisha.ru (Accessed 6.09.2022) (In Russ.)
2. Afanas'ev A. M. (2013) Humanities: scientific claims *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific research]. № 5. URL: http // humansnauka.

ru/2013/05/3232 (Accessed 26.01.2019) (In Russ.)

3. Burd'ye P. (1993) Sotsiologiya politiki [Bourdieu P. Sociology of politics]. M.: Socio-Logos. (In Russ.)

4. Gegel' G. V. F. (1968) Estetika. [Aesthetics]. Vol. 1. M.: Nauka. (In Russ.)

5. Kant I. (1994) Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of the power of judgment]. M.: Iskusstvo. (In Russ.)

6. Komarov P. S. (1977) Serebryanyj kubok [Silver goblet] Stihotvoreniya i poemy [Poems]. M.: Hudozhestvennaya literature: 389–394. (In Russ.)

7. Madsb'erg K. (2018) Osmyslenie. Sila gumanitarnogo myshleniya v epohu algoritmov [Making sense. The power of humanitarian thinking in the era of algorithms] / Scientific editor D. Romanovskij. M.: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)

8. Mamardashvili M. K. (1990) Kak ya ponimayu filosofiyu [How I understand philosophy]. M.: Progress: 14–26. (In Russ.)

9. Milanich L. I. (2005) Muzyka novogo dnya. [Music of the new day]. Khabarovsk: The Khabarovsk department of the Writers Union of Russia. (In Russ.)

10. Minakir P. A. (2021) «Formula of Happiness» for the Far East *Tihookeanskaya zvezda* dated 19.03.2021. [Pacific star from 03/19/2021.] (In Russ.)

11. Mozgovyh A. V. (2018) G. Becker's theory of human capital *Zhurnal prikladnyh issledovanij* [Journal of Applied Research]. №2: 27–30. (In Russ.)

12. Ortega-i-Gasset H. (1991) Two main metaphors Estetika. *Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. M.: Iskusstvo: 203–218. (In Russ.)

13. Pozdnyakov V. V. (2012) The essence and content of the category "human capital" *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. No. 11 (Part 3): 572–575. (In Russ.)

14. Prepodavaya filosofiyu. Refleksiya.: sbornik nauchnykh statey [Teaching philosophy. Reflection.: collection of scientific articles]. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2016. (In Russ.)

15. Frolov I. T. (1989) O cheloveke i gumanizme: Raboty raznyh let [About man and humanism: Works of different years]. M.: Politizdat. (In Russ.)

16. Schrader H. (1999) Economic Anthropology. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. (In Russ.)

17. Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. The American Economic Review. Vol. 51. No.1(Mar.): 1–17.

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

Информация об авторе

М. А. Маниковская – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры психологии Педагогического института Тихоокеанского государственного университета

Information about the author

M. A. Manikovskaya – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor, the psychology chair, the Pedagogical institute of the Pacific National University

Научная статья
УДК 331.108
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-171-183

К управленческому дискурсу «человеческого капитала»

Маргарита Павловна Арутюнян
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
mpa@email.su

Аннотация. *Понятие «человеческий капитал» широко используется современной наукой и практикой при обсуждении как общих стратегических задач трансформации индустриальной цивилизации на пути становления постиндустриального, информационного социума, так и практических ориентиров роста постиндустриальной экономики, актуальных социальных преобразований и соответствующих этим общим задачам систем управления социумом. Широкий межпредметный управленческий дискурс человеческого капитала касается всех этих направлений. Особое внимание в нем отводится вопросам индекса развития человеческого капитала и индикаторам качества жизни. Вместе с тем возникает множество проблемных ситуаций, связанных с практическим функционированием понятия «человеческий капитал» и неясностями в попытках его рефлексии. Соответственно, не менее актуальной автору статьи представляется философско-методологическая рефлексия понятия «человеческий капитал». В контекстах диалектики исторического и логического, традиции и новации, логики «транзитивного» перехода, трансдисциплинарного подхода, философско-лингвистического анализа и др. автор включается в сложившийся межпредметный дискурс человеческого капитала и делает акцент на прояснении сущностных смыслов лингвистического конструкта «человеческий капитал». Анализ логики его исторического становления и соотносимости с закрепившимися в научном тезаурусе понятиями «человек», «целостность человека», «человеческий потенциал», «трудовой ресурс», и др. позволяет поставить вопросы уточнения научного статуса и предметных границ данного понятия (таковой представляется сфера экономики). При выходе за пределы сферы экономики понятие «человеческий капитал», по мнению автора, обретает статус метафоры, либо оксюморона. Об этом свидетельствуют как позиции дискурса, так и экзистенциальные риски его научного использования в гуманитарной сфере.*

Ключевые слова: *дискурс, человеческий капитал, человеческий потенциал, «капитализация человеческого потенциала», цивилизационный «переход», логика технократизма, «сущее» человека, экзистенциальная целостность*

Благодарность: исследование проведено по итогам работы регионального экспертного круглого стола, состоявшегося 2 июня 2022 года в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС по теме: «Человеческий капитал: проблемы инвестиций в развитие»

Для цитирования: Арутюнян М. П. К управленческому дискурсу «человеческого капитала» // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 171–183. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-171-183

Managerial discourse of «human capital»

Margarita P. Arutyunian
The Pacific National University, Khabarovsk, Russia
mpa@email.su

Abstract. *Modern science and practice widely uses the concept of «human capital» when discussing both the general strategic tasks of transforming an industrial civilization on the way to the formation of a post-industrial, information society, and practical guidelines for the growth of a post-industrial economy, current social transformations and social management systems, corresponding to these general tasks. A broad interdisciplinary managerial discourse of human capital concerns all these areas. The issues of the human capital development index and quality of life indicators are paid special attention to. At the same time, practical functioning of the concept "human capital" and ambiguities in attempts to reflect it cause many problematic situations. Accordingly, the author of the article considers the philosophical and methodological reflection of the «human capital» concept no less relevant. In the context of dialectic of the historical and logical, tradition and innovation, the logic of «transitive» transition, transdisciplinary approach, philosophical and linguistic analysis, etc., the author joins the established interdisciplinary discourse of human capital and stresses the importance of clarifying the essential meanings of the linguistic construct «human capital». Analysis of logic of its historical formation and correlation with the concepts of "man", "human integrity", "human potential", "labor resource", etc., fixed in the scientific thesaurus, allow us raise questions of clarifying the scientific status and subject boundaries of this concept, which is the sphere of economy. According to the author when the concept of «human capital» is beyond its limits, it acquires the status of a metaphor or an oxymoron. This is evidenced by both the discourse positions and the existential risks of its scientific use in humanitarian sphere.*

Keywords: *discourse, human capital, human potential, "human potential capitalization", civilizational "transition", logic of technocracy, "existence" of man, existential integrity*

Acknowledgments: *the study was conducted following the results of the regional expert round table work on the topic: "Human capital: development investment problems ", which took place on June 2, 2022 at the Far Eastern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*

For citation: Arutyunian M. P. Managerial discourse of «human capital» // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 171–183. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-171-183

Введение

Понятие «человеческий капитал» прочно вошло в современный научный тезаурус и речевые практики сферы повседневности; широко используется в управленческой деятельности и различных предметных областях познания. Появившись изначально в сфере экономики и став за свою более чем шестидесятилетнюю историю одним из базовых концептов её модернизации, сегодня данное понятие обретает междисциплинарное значение, претендуя на общенаучный статус. Наряду с экономикой к феномену «человеческого капитала» обращаются, давая ему ту или иную рефлексивную оценку, представители социологии, политологии, философии, психологии, менеджмента, сфер образования, экологии, здравоохранения и др. В разных предметных областях происходит не только использование, но и рефлексивная оценка понятия, прояснение возможных форм проявлений феномена человеческого капитала и особенностей его практического функционирования. При этом особое внимание отводится вопросам индекса развития человеческого капитала и индикаторам качества жизни.

Вместе с тем исследователями отмечается сложный характер феномена и недостаточная проясненность научных смысловых значений его понятия, отмечаются и методологические затруднения в складывающихся практиках его рефлексии. Все это отражается в основных направлениях дискурса человеческого капитала.

Метологические позиции исследования

Дискурс человеческого капитала проходит, как правило, в общей логике обсуждения ключевых проблем современной цивилизационной модернизации, выработки социальных стратегий, тактических ориентиров становления постиндустриальной экономики и соответствующих этим общим задачам систем управления социумом. Ментальный знак «человеческий капитал» сумел завоевать заметный статус в общественном сознании, а факторы эффективности инвестиций в его преумножение, рост и развитие – роль значимых векторов оценки результативности самих цивилизационных трансформаций. Вместе с тем возникающие в практике использования и функционирования данного понятия проблемные ситуации и сложные вопросы его межпредметного дискурса побуждают исследователя к выбору «надпредметной» обобщенной аналитики – рефлексивного взгляда, погружающего исследование феномена «человеческий капитал» в контексты трансдисциплинарного подхода и потенциала философской методологии познания. В таком сочетании, на мой взгляд, оказывается возможным, прежде всего, углубленное понимание сущности *феномена* «человеческий капитал», а также прояснение его ведущей практико-ориентированной – *управленческой функции* в сложных условиях многомерной цивилизационной модернизации.

Важной позицией в данных методологических контекстах представляется определение «начала», или проблемной ситуации, задающей исходную точку аналитики. Таковой в отношении понятия «человеческий капитал» является объективная историческая ситуация *«перехода»* – коренного перелома в эволюции индустриального общества на пути к новой цивилизационной ступени развития. В ереходе с необходимостью преодолеваются состояния «цивилизационных разрывов», и встреча с «новым» сопровождается сопутствующими переходным состояниям вызовами *социума транзитивности*[1]. Учитывая тот факт, что транзитивное состояние саморазвития с такой же необходимостью порождает возможное присутствие «следов» старого в обновляющихся процессах саморазвития социума и преодолеваемых им парадигм мышления, можно предположить наличие подобных следов в понимании и интерпретациях феномена «человеческий капитал».

Контексты становления идеи «человеческого капитала»

Изначально практико-ориентированная, идея «человеческого капитала» (как и «родственный» ей концепт «человеческих ресурсов») была нацелена на *улучшение функционирования сложных цивилизационных систем* индустриального общества (производственных, социальных, технических, коммерческих и т. п.) и на *улучшение их управляемости* путем использования особенных, *специфических качеств человека.* При этом сам человек оценивается данной концепцией, как отмечает Б. Г. Юдин, не просто как «один из функциональных элементов, но *как такое начало, которое никак не может быть жестко встроено в эти системы, то есть редуцировано к чистой функциональности*»[2] (выделено

[1] *Общество транзитивности характеризует переходными состояниями со свойственной им «синергийной» атрибутикой – свойствами неустойчивости, кризисности явлений; неравномерности социальных процессов; экзистенциальными разрывами; трансформациями массового сознания и мира ценностей; размытостью норм и установок; расширением информационных полей, пространств межличностного общения и т. д. И вместе с тем – формированием «нового мышления, «новой морали», обновляющихся тенденций стабилизации социального саморазвития.*

[2] *Юдин Б. Г. Человеческий потенциал // Глобалистика: Энциклопедия /Гл. ред. И.И. Мазур, АН. Чумаков. Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 1159–1160.*

мной – М. А.). Позиции преодоления подобных редукций, как мы увидим далее, во многом сопровождают проблематику человеческого капитала и направляемые ее решением основные линии методологического дискурса.

Обсуждая вопросы генезиса понятия «человеческий капитал», трансформации его смысловых значений и аналитики, соотносимых с историческими контекстами выработки общих стратегий мирового развития, нельзя обойти деятельность Римского клуба. В своей работе «The Human Quality» («Человеческие качества») его основатель и первый президент А. Печчеи задает исходные ориентиры этой деятельности и, обсуждая пути саморазвития техногенной цивилизации, ставит ключевые задачи определения дальнейшей судьбы человечества. При этом он делает особый акцент на необходимости трансформации цивилизационных стратегий от доминантных приоритетов материальных ценностей в пользу ценностей самого человека, изменения его «внутренней сущности». Именно в усовершенствовании человеческих качеств, привычек, нравов и поведения мыслитель видит важные пути преодоления цивилизационных кризисов техногенного мира. Внутренние человеческие качества стратег называет «самым важным ресурсом человечества», сравнимым разве что с «энергией Солнца», и формулирует цивилизационную идею принципов «нового гуманизма» с общечеловеческими ценностями в его основаниях [Печчеи, 1980]. Что же представляет собой «сущее» человека? В какой мере самосохранение внутренних человеческих качеств может быть соразмерным трансформации цивилизационных стратегий? Возможно ли, и в какой мере возможно, удержание «внутренне сущего», гуманистического потенциала целостности человека в его системной соотносимой связи с феноменом «капитал»?[3]

Метафоры образа техногенной цивилизации. Для техногенной цивилизации (исторически сменившей достаточно консервативный культурно-исторический тип традиционного общества) характерен, как известно, технико-технологический динамизм саморазвития. Он ориентирован на научный разум и приоритетную ценность науки; на практическое освоение действительности и логику прогресса с его целеустремленной направленностью от прошлого к будущему; на перманентное воспроизводство новых технологий как в экономике, так и в сферах социального управления, социальных коммуникаций. *Метафора «власти над объектами»*, природными и социальными, с целью господства над ними отличает данный тип цивилизации и во многом объясняет (наряду с другими порожденными ею ценностями) механизмы *технологического манипулирования* в особенностях ценностного мира техногенной культуры. Данные механизмы, характеризующие своеобразие «культурно-генетического кода техногенной цивилизации», становятся ключом и к пониманию свойственных ей закономерностей глобализации, тотального характера её множественных рисков и глобальных кризисов. Также они становятся основанием для поиска альтернативных, свободных от техногенных практик «власти над объектом» и «технологического манипулирования», «антропомерных» цивилизационных путей развития.

Постиндустриальная модель общества, как «один из возможных сценариев будущего», переходного этапа к новому типу цивилизационного раз-

[3] *Действительно, «человеческое начало» в любой системной организации не может быть редуцировано к чистой функциональности без рисков утраты самой целостности «человек». Человек как онтологическая целостность «телесного», «социального» и «душевно-духовного» – особенное качество бытия. И сама эта целостность с необходимостью задает «системе, включающей человека» особенные меры и формы системообразования, организационные принципы, свойства и качества функционирования и саморазвития. В ней с необходимостью проявляются: сложный характер, открытость, нелинейность, бифуркационные процессы, способность к саморегуляции, самоорганизации и другие «синергийные» системные качества.*

вития, ориентируется, как известно, на *потенциал информационных, творческих возможностей человека.* В. С. Степин характеризует такой переход цивилизационной установкой на доминирование «нематериалистических ценностей», «сдвигом от экспоненциально растущего вещно-энергетического потребления к информационному» [Степин, 2003. С. 1144–1146]. Подобный тип общества призван качественно изменить и характер труда человека, его содержание, сферу ресурсов, экономику в целом и, что принципиально важно, призван изменить *цивилизационный статус самого человека* сообразно «существенно персональной модернизации», сопряженной, как отмечается в исследованиях, «человеческому измерению всемирного модернизационного процесса» [Веряскина, 2012. С. 7]. Вопросы здоровья и качества жизни, экзистенциалы счастья и творческого саморазвития человека в разных жизненных сферах декларируются значимыми ценностными ориентирами в «сборке» моделей будущего постиндустриальной цивилизации. В контекстах аналитики концептуальной, дисциплинарной и практической логики рефлексии они широко представлены в аргументативных полях дискурса человеческого капитала [Антоненко, Антонов, 2016; Веряскина, 2012; Гимпельсон, Зудина, Капелюшников, 2020; Каравай, 2021; Латов, Тихонова, 2021; Нуреев, 2009; Чернов, Чернова, 2016]. Вместе с тем эта концептуально заявленная и управленчески заданная гуманистическая стратегия общих установок цивилизационных модификаций в действительности стала сложно реализуемой практической задачей. Логика технократизма прозрачно и узнаваемо проявилась и в дискурсе человеческого капитала.

Управленческие акценты актуального дискурса человеческого капитала

Линия технократизма. Достаточно убедительно, в разных контекстах на доминанту экономической интерпретации человеческого капитала обращают внимание многие исследователи. При этом чаще всего и наиболее обстоятельно анализируется наиболее распространенный концепт его ресурсной трактовки, когда человек в связке с понятием «капитал» оценивается сферой управления, прежде всего, в качестве важнейшего цивилизационного производственного ресурса. Связывая функционирование понятия «человеческий капитал» со становлением парадигмы «постиндустриального общества» Ю. В. Латов и Н. Е. Тихонова, к примеру, характеризуют образ «нового социального субъекта» – «протокласса профессионалов или специалистов высокой квалификации». На экономической арене, пишут авторы, он отличается особенностью получения дохода – «человеческого капитала, т. е. знаний, навыков и компетенций» [Латов, Тихонова, 2021. С. 6]. Концепт человеческого капитала в данном случае связывается «с комплексным пониманием воплощенных (инкорпорированных) в человеке ресурсов», полученных в процессе социальной жизни и экономически значимых, в плане повышения результативности труда – значимых как для самого человека, так и для общества в целом [Латов, Тихонова, 2021. С. 6]. Обсуждая вопрос о готовности России к «транзиту в будущее постиндустриальное общество», авторы констатируют парадоксальное противоречие – имеющийся разрыв между популярностью в России постиндустриального дискурса, с одной стороны, и слабостью изучения человеческого капитала – социальных групп, или «протокласса интеллектуалов», – с другой. Хотя с ростом значимости именно данных групп, полагают авторы, связывается формирование постиндустриального общества [Латов, Тихонова, 2021. С. 6].

Экономический спрос на человеческий капитал как квалифицированный труд отмечают и другие исследователи и, ставя новые проблемные вопросы, вводят в управленческий аргументативный дискурс контексты институциональной интерпретации. В. Е. Гимпельсон, к примеру, констатирует зависимость процветания любого общества от двух основных факторов – «накопленного человеческого капитала» и «качества

действующих институтов». Обращаясь при этом и к проблемам роста человеческого капитала в современной России[4], он рассматривает эти проблемы через призму имеющихся ограничений институционального, управленческого характера. Апеллируя к социальной сфере, автор обращает внимание на необходимость осознания того факта, что «в неблагоприятной институциональной среде человеческий капитал не накапливается, а деградирует и растворяется», а также на бесплодность «восприятия его (человеческого капитала – М. А.) в качестве новой мантры, очередного «спасительного чуда» российской экономики». Приведенные исследователем критические аргументы дискурса завершаются постановкой общего проблемного вопроса: Нужен ли российской экономике человеческий капитал? [Гимпельсон, 2016. С. 129–143].

Анализируя сложившиеся позиции межпредметного дискурса человеческого капитала, Г. Е. Чернов и Е. В. Чернова отмечают ограниченность и проблематичность сложившейся в исследованиях доминанты технократического подхода, включаясь в дискурс, расширяют смысловые поля рефлексии понятия, рассматривают человеческий капитал в качестве «действующей части человеческого потенциала», «способной самовозрастать и приносить ее владельцу доход». Авторы анализируют позицию понимания человеческого капитала как *«формы капитализации человеческого потенциала»,* не соглашаясь вместе с тем и с таким узким подходом, методологически задействующим, как полагают они, принципы «ограниченной рациональности», «индивидуализма» и «утилитаризма» [Чернов, Чернова, 2016. С. 54–61].

Нельзя не согласиться с критическими позициями приведенной аргументации авторов, и уместно вспомнить в этом плане оценочные суждения Л. Мамфорда. Как никогда актуально звучат следующие слова из его известной книги «Миф машины»: «Ритуал, искусство, поэзия, музыка, танец, философия, наука, миф, религия – все это является для человека столь же насущным, как и хлеб: подлинная жизнь человека состоит не только в работе, непосредственно обеспечивающей его выживание, но и в символической деятельности, наделяющей смыслом как процессы труда, так и их конечные продукты и потребление последних. “Удел человеческий (1944)”» [Мамфорд, 2001. С. 9.].

Управленческие ошибки логики редукционизма и методологических подмен в аргументации. С ключевыми противоречиями логики редукционизма проявляющейся в технократической позиции интерпретации человеческого капитала явно или неявно, в разных смысловых контекстах, сталкиваются и практики, решающие, в первую очередь, многогранные вопросы управления человеческим капиталом, и аналитики. По своему существу логика редукционизма оказывается родственной ситуации «методологического парадокса». Он может быть охарактеризован, с одной стороны, практически возникающей несоизмеримостью (смысловой несоразмерностью)[5] функционирующих понятий и, с другой – попытками аргументатора обосновать заданный тезис исходя из позиции «мни-

[4] *В систематизированном перечне позиций роста человеческого капитала фиксируются разноплановые показатели: структуры занятости; структуры профессий; создания рабочих мест; «влияния неформальной занятости»; «предпринимательского человеческого капитала»; «практики воспроизводства человеческого капитала через переобучение на рабочих местах»; факторов «недоиспользования человеческого капитала»; «миграции талантов»; «состояния финансирования важнейших сфер воспроизводства человеческого капитала – образования, науки, здравоохранения»; «функционирования в сфере социального т. н. «превращенных форм», подменяющих компетенции, знания и умения подлогом, связью и обманом» [Гимпельсон, 2016. С. 129–143]. Многие из этих показателей, характеризующих показатели «человеческого капитала» отмечаются и в других исследованиях.*

[5] *Речь идет о невозможности их научной смысловой корреляции, либо затруднительностью и необоснованностью предлагаемой в функционирующих научных текстах корреляции, требующей дополнительных уточнений, либо прояснений и коррекции исходных тезисов аргументации.*

мой достоверности» и «правомерности» практик таких совмещений[6]. Подобная аналитика происходит, как правило, в форматах логики редукционизма, существенно искажающей и опрощающей картины и образы исследуемых феноменов. В нашем случае, как мы увидим далее, это касается прежде всего аналитических практик искусственного соединения в смысловой идентификации *гуманистических* и *технократических* форматов рефлексии феномена человеческого капитала (Редукция человекомерного к техническому). Образ же человека, формирующийся при таком подходе, оказывается не способным выразить ни искусственно соединенной с универсалией «капитал» понятийной сущности «человек»; ни соответствовать исходным проективным замыслам и запросам цивилизационной модернизации, способной удерживать меру человечности в общих ориентирах постиндустриальных трансформаций.

Вновь акцентируя внимание на сложности современных процессов цивилизационной модернизации в переходных состояниях общества транзитивности, обратим внимание и на тот факт, что, как справедливо отмечает в своем исследовании А. М. Старостин, на уровень глобальных взаимодействий, конфликтов и конкуренций сегодня выходят не только экономические, политические, идеологические процессы и институты, но и *«мировоззренческие образы, методологические и мыслительные процессы и стили управления»* (выделено мной – М. А.). При этом актуализируются вопросы «мировоззренческого сопровождения и мировоззренческой поддержки современных глобальных трансформаций», необходимость обращения к российскому философско-мировоззренческому опыту, приоритетно нацеленному на обоснование и подготовку «условий для смысложизненной и идентификационной рефлексии» [Старостин, 2015. С. 16]; на самосохранение вписывающихся в глобальные процессы многополярного цивилизационного мироустройства уникальных «миров малого»; мировоззренческого опыта гармонизации «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности; воссоздания цивилизационного культурно-исторического социокода и национального суверенитета России [Арутюнян, 2006].

Методологические позиции расширения смысловых значений понятия «человеческий капитал». Аргументация в исследованиях, обосновывающих необходимость видеть «неразрывную связь сущности человеческого капитала с духовностью и нравственностью», концептуально выстраивается в дискурсе человеческого капитала исходя из позиции «расширительной» трактовки понимания феномена. Констатируя возможность интерпретации человеческого капитала в его созвучии и соразмерности с духовно-нравственными ценностями общества и обосновывая его суть и назначение именно в противостоянии вышеприведенным позициям утилитарной социально-экономической функции человека исключительно как работника, Г. Е. Чернов и Е. В. Чернова выстраивают свою линию аргументации. Авторы полагают, что музыка Моцарта может характеризоваться как «музыкальный капитал», и «… если бы большинство людей понимали, что в человеческом капитале заключен еще и «музыкальный капитал, – аргументируют они, – то в обществе стало бы значительно меньше варварства, а в экономике – кризисов…» [Чернов, Чернова, 2016. С. 54–61].

Нетрудно заметить, что данная и подобные ей «расширительные» позиции в трактовке понятия оказываются демонстрацией формы проявления так называемых «миграционных процессов» в функционировании понятия. В подобных «миграциях», искусственно расширяющих сферы предметной применимости

[6] *Однако в действительности подобные практики демонстрируют нарушения законов логического мышления, правил логического вывода, соотношения и функционирования взаимодействующих научных понятий (по их объему, совместимости, объединениям, пересечениям, и. т. д.). И становятся результатом некорректного интерпретационного приема совмещения объективно различающихся по своему категориальному смысловому содержанию понятий.*

понятия, узнаются и процессы «методологических подмен», «методологических превращений». В результате понятию, в данном случае «человеческий капитал», могут приписываться неаутентичные его предметному денотату смысловые значения. Понятие начинает функционировать в особых, порой непредсказуемых «превращенных формах». С особой проблематичностью и остротой это проявляется в гуманитарных сферах, ориентированных на перманентность воспроизведения, воссоздания и самосохранения целостностей «онтоса» человека и человеческой экзистенции.

Управленческая идея человеческого потенциала в дискурсе человеческого капитала также широко представлена и обсуждается в разных контекстах аргументации. Она имеет свою предысторию, историю и традицию обсуждения [Юдин, 2003. С. 1159–1160]. Изначально категориальное значение и широкое распространение данное понятие обретает в контекстах его использования в обосновании стратегий человеческого развития как главной цели и критерия общественного прогресса в программной концепции ООН (ПРООН)[7], а также в результате выработки в ней количественного показателя – *«индекса развития человеческого потенциала»*, или *«индекса человеческого развития»*. Данный показатель характеризуют три его основные составляющие: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и реальный внутренний валовой продукт, приходящийся на душу населения[8]. В последующем именно данные индексы, наряду с другими показателями, становятся определяющими для характеристик и измерений собственно человеческого капитала.

В этом плане весьма показательны проявляющиеся в дискурсах факты смешения, либо понятийного объединения и даже смыслового отождествления понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал». Обсуждая, к примеру, стратегию развития человеческого капитала в обстоятельном социальном проекте «Доктрина человеческого капитала Российской Федерации», авторы рассматривают её в качестве «*стратегии государства* в сфере развития *человеческого потенциала* страны и *его капитализации*, обеспечения гуманитарной безопасности» (выделено мной – М. А.) [Алексеев и др., 2016. С. 10–12]. При этом «интересы личности в сфере человеческого потенциала и капитала»[9] рассматриваются авторами сопряженными «индивидуальному человеческому капиталу», который понимается и определяется как «доля конкретного работника в акционированном человеческом капитале предприятия, на котором он трудится, административной территории, где он функционирует, и страны, гражданином которой он является» [Алексеев и др. 2016. С. 10–12].

Вполне понятно, что в логике стратегий государства и доминанты государственных интересов данная позиция «капитализации человеческого потенциала» выглядит обоснованной. Однако с её категоричностью вряд ли могут согласиться многие гуманитарии. В своих особенных значениях концепции «человеческого потенциала» представлены и обосновываются в гуманитарных текстах, в историко-научных исследованиях. При рефлексии проблемных

[7] *Человеческое развитие при этом «представляет собой как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей» (United Nations Development Programme (UNDP), 1990; «Human Development Report 1990». N.Y. P.10); [Юдин, Там же].*

[8] *При этом сами по себе эти показатели не рассматриваются в качестве определяющих при оценке человеческого потенциала. Главным в них оказывается то, насколько они используется в целях человеческого развития: «…до тех пор, пока общество не осознает, что основное его богатство – это люди, излишняя озабоченность производством материальных благ будет заслонять конечные цели обогащения жизни людей» (Программа развития Организации Объединенных наций (ПРООН), 1994; «Отчет по человеческому развитию 1994», Нью-Йорк. С. 15).*

[9] *К ним авторы относят и реализацию свободного духовно-нравственного выбора человека, и наиболее полное раскрытие позитивных личностных качеств, и проявление талантов, способностей человека, др., наряду с гарантированностью неуклонного роста личного человеческого капитала при условии постоянного совершенствования личности и т. д. [Алексеев и др. С. 12].*

полей практик использования понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» при обращении к «целостностям» человека и миров его экзистенции, в том числе в сфере образования.

Обосновывая ведущую роль ценностей самореализации и саморазвития человека в социокультурной модернизации образования и общества, А. Г. Асмолов и М. С. Гусельцева в своем исследовании «Генерирование возможностей: от человеческого капитала – к человеческому потенциалу» очень обоснованно и не менее категорично ставят вопрос о необходимости смены «методологической оптики» в социокультурной модернизации образования. И связывают её с переходом аналитической оптики «от политико-экономического детерминизма к приоритетности культурно-психологических факторов», по существу – к оптике «антропологической». В этом плане «парадигма человеческого потенциала, по мнению авторов, отличается от парадигмы человеческого капитала приоритетом гуманистических установок над утилитарными прагматическими…» и обоснованно полагают, соглашаясь с другими участниками дискурса, что «прорывная методология человеческого потенциала требует ментального переоснащения прежде всего управленческой элиты» [Асмолов, Гусельцева, 2019. С. 7–8].

Можно и далее продолжать демонстрацию (во многом, как мы видим сходных и дополняющих друг друга) аргументативных позиций рефлексии феномена «человеческий капитал». Однако в заключении работы и в качестве основных её выводов приведем ряд доводов философской аргументации в обсуждении этой сложной темы.

Основные выводы

Философско-методологические акценты рефлексии человеческого капитала. Одним из серьезных рисков нарушения методологической установки целостности в концептуальном и практическом дискурсе человеческого капитала, как мы видели, становится использующаяся в рефлексии понятия позитивистская позиция методологической редукции. По существу, это позиция «опрощения» явного либо неявного сведения «сложного», «сущего» «онтоса» к «простому», «фрагментарному», «элементарному», «цельного» к одной из возможных форм его проявления – к «опрощенному» «своему-иному». В данном случае – редукция «сущего человека» – к «капиталу». В дискурсе человеческого капитала представлены, как мы видели, разные трактовки этой общей методологической установки, разные демонстрации её апологетики, либо критической оценки.

При этом общим основанием дискурса в данном обсуждении является демонстрация разных проявлений важнейшей грани «сущего» человека – его деятельностной природы. В формате производственной деятельности эта грань изначально абстрагируется от системной целостности онтоса человека, (целостности его телесной, социальной и ментальной, душевно-духовной природы) и затем возводится в абсолют до доминантного восприятия человека именно как производителя, ценного трудового ресурса. С данной ментальной установкой, как было показано в работе, может быть связана и такая методологическая уловка, как неоправданная «экспансия понятия», его необоснованная «миграция» в иные предметные сферы познания и практики функционирования. Мигрирующее понятие попадает в стихию «языковых игр» (Л. Виттгенштейн) и его функционирование может сопровождаться существенной трансформацией исходно заданных в предметности науки, смысловых значений, подвергаться влияниям функциональных назначений и зависимостей новояза. В подобных условиях языковой стихии и возможных отклонений от перманентности научной рефлексии, исходное, появившееся в научной сфере понятие, может трансформироваться в новоязе (с его собственными, в том числе несовпадающими с научной ценностью ориентирами словообразования) и обрести статус оксюморона. По-видимому, и сквозь данную методологическую призму возможно по-своему прояснить сложившуюся и отраженную в методологи-

ческом дискурсе, драматургию понятия «человеческий капитал».

Мигрируя и ментально вписавшись в ёмкую языковую структуру актуального общественного сознания, как «дома бытия» (М. Хайдеггер), понятие «человеческий капитал» проросло свою колыбель сферы экономики, расширив заданные границы изначального предметного функционирования. И в качестве влиятельного элемента «новояза» обрело статус обобщенного, цивилизационно признанного понятийного конструкта с возложенными на него перспективными модернизационными цивилизационными надеждами.

По существу же, при посредстве функционирования данного понятия осуществилась виртуальная трансформация социальной составляющей онтоса человека. В своеобразной ментальной «сборке» обновленного социально и экономически выверенного образа человека оказался «управленчески задан» инновационно и цивилизационно значимый его денотат. Доминантно он характеризует человека в качестве цивилизационного субъекта, способного и готового выстраивать свои жизненные стратегии на пути самореализации в качестве творчески-активной, созидательно-успешной и социально-значимой личности. В качестве субъекта, подготовленного к самообучению и осуществлению себя в плодотворной, многомерной инновационной производственной деятельности. Соответственно, именно наука, образование, культура становятся в данной модели максимально ценными факторами как социализации личности, так и стратегий общего цивилизационного развития.

Нельзя не заметить, что в понятийной связке «человеческий капитал», доминантное смысловое значение обретает именно составляющая «капитал». А *человек*, как мы видим, равно как и *наука, образование, культура* по факту воспринимаются и признаются прежде всего выполняющими своё основное функциональное назначение – быть ресурсной базой непрерывного роста капитала. Становясь таким образом своеобразными «превращенными формами», они («человек», «образование, «культура») обретают свойство угасать в собственной аутентичной связи и цельности, утрачивая системное единство и онтологическое экзистенциальное качество. Онтологическая целостность «семейного родства» понятий (Л. Виттгенштейн) «человек» – «мировоззрение» – «образование» – «культура», выражающая это единство, при таком подходе разрушается [Арутюнян, 2006]. А функционирующие «разрывы» и экзистенциальные «превращения» этой целостности в свою очередь не могут стать основанием для понимания и дальнейшего прояснения самой сущности феномена «человеческий капитал».

Понятие «человеческий капитал», на мой взгляд, несомненно имеет свое цивилизационно значимое смысловое значение и научное содержание, однако лишь в изначально заданной ему экономической сфере функционирования и сопряженных ей предметных областях. В них данное понятие задает свои смыслы и может быть раскрыто в качестве важнейшего инновационного ресурса постиндустриальной экономики. Вместе с тем складывающиеся практики «расширительной» трактовки использования понятия не могут не снижать его научного потенциала, и ставят множество проблемных вопросов, о чем свидетельствует сложившийся актуальный дискурс человеческого капитала.

Таким образом, принципиально значимой для функционирования понятия «человеческий капитал» и дальнейшего хода его междисциплинарного дискурса представляется выработка общей исходной концептуальной управленческой позиции в уточнении и определении его предметной сферы и категориальных смысловых значений. То же, в каком понятийном статусе действительно заявляет себя ментальный конструкт «человеческий капитал» – научного понятия, метафоры, или оксюморона; и существуют ли экзистенциальные риски естественного прорастания метафоры «человеческий капитал» образами и атрибутикой «служебного человека»? На сегодня эти вопросы во многом остаются открытыми.

Список источников:

1. Алексеев Ю. В., Белокур В. М., Белокур Д. В., Плаксин В. А., Семенец Н. В. Доктрина человеческого капитала Российской Федерации // Человеческий капитал. 2016. № 9 (93). Т. 2. С. 10–33.

2. Антоненко В. В., Антонов Г. В. Инвестиции в человеческий капитал российской молодежи: кому выгодно? // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 3. С. 96–110.

3. Арутюнян М. П. Феномен мировоззрения: историко-философский и методологический анализ. Монография. Хабаровск: КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2016.

4. Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Генерирование возможностей: от человеческого капитала – к человеческому потенциалу // Образовательная политика. 2019. № 4 (80). С. 6–16.

5. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация: пер. с англ. Науч. ред. и предисл. А.И. Фурсова. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД. 2018.

6. Веряскина В. П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика // Экономика и социальное знания ФН. 2012. № 6. С. 7–21.

7. Гимпельсон В. Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.

8. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А., Капелюшников Р. И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5–31.

9. Каравай А. В. Состояние человеческого капитала российских профессионалов // Terra Economicus. 2021. № 19 (1). С. 124–137.

10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000.

11. Киященко Л. П. Постнеклассическая философия – опыт трансдисциплинарности // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография. СПб: Издательский дом «Міръ», 2009. С. 137–169.

12. Латов Ю. В., Тихонова Н. Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. № 19 (2). С. 6–27.

13. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Пер. с англ. М.: Логос, 2001.

14. Нуреев Р. М. Человеческий капитал и его развитие в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 5–20.

15. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

16. Рэнд А. Капитализм: Незнакомый идеал / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер. 2021.

17. Синицкая Н. Я. Развитие теории человеческого капитала: научный обзор// Научное обозрение. Экономические науки. 2016. №. 2. С. 182–190.

18. Старостин А. М. Мировоззренческий опыт в системе социальной практики: цивилизационный контекст // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 16–22.

19. Степин В. С. Цивилизационного развития типы // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, АН. Чумаков. Центр научных и прикладных программ «Диалог». М..: ОАО Изд-во «Радуга», 2003. С. 1144–1146.

20. Цуркан Д. А., Евстефиева Е. А. Риск-факторы потери человеческого капитала в цифровом мире // Вестник ТвГУ «Философия». 2020. № 1 (51). С. 173–179.

21. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И. Т. Фролова. М.,1999.

22. Чернов Г. Е., Чернова Е. В. Человеческий капитал как определяющий вектор развития экономики в XXI веке // Общество: политика, экономика, право. 2016. С. 54–61.

23. Юдин Б. Г. Человеческий потенциал //Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: ОАО

Изд-во «Радуга», 2003. С. 1159–1160.

References:

1. Alekseev Yu. V., Belokur V. M., Belokur D. V., Plaksin V. A., Semenets N. V. (2016) The doctrine of human capital of the Russian Federation *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital]. No. 9 (93). Vol. 2: 10–33. (In Russ.)

2. Antonenko V. V., Antonov G. V. (2016) Investments in the human capital of Russian youth: who benefits? *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and practice]. No. 3: 96–110. (In Russ.)

3. Arutyunyan M. P. (2016) Fenomen mirovozzreniya: istoriko-filosofsko-metodologicheskiy analiz [The phenomenon of worldview: historical, philosophical and methodological analysis]. Monograph. Khabarovsk: KGBNUK Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov. (In Russ.)

4. Asmolov A. G., Guseltseva M. S. (2019) Generating opportunities: from human capital to human potential *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy]. No. 4 (80): 6–16. (In Russ.)

5. Wallerstein I. (2018) Istoricheskiy kapitalizm [Historical capitalism]. Capitalist civilization: trans. from English. Scientific ed. and preface by A.I. Fursova. 2nd Ed., ispr. M.: URSS: LENAND. (In Russ.)

6. Veryaskina V. P. (2012) Human capital development management: management models and practices *Ekonomika i sotsial'nyye znaniya FN* [Economics and Social Knowledge FN]. No. 6: 7–21. (In Russ.)

7. Gimpelson V. E. (2016) Does the Russian economy need human capital? Ten doubts *Ekonomicheskiye voprosy* [Economic issues]. No. 10: 129–143. (In Russ.)

8. Gimpelson V. E., Zudina A. A., Kapelyushnikov R. I. (2020) Non-cognitive components of human capital: what the Russian data say *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 11: 5–31. (In Russ.)

9. Karavai A. V. The state of human capital of Russian professionals *Terra Ekonomikus* [Terra Economicus]. 2021. No. 19 (1): 124–137. (In Russ.)

10. Castels M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and culture] / Translated from English. Under the scientific editorship of O. I. Shkaratan. M.: Higher School of Economics. (In Russ.)

11. Kiyashenko L. P. (2009) Postnonclassical philosophy – the experience of transdisciplinarity // Postnonclassics: Philosophy, Science, culture: A collective monograph. St. Petersburg: Publishing House "Mir": 137–169. (In Russ.)

12. Latov Yu. V., Tikhonova N. E. (2021) New society – new resource – new class? (To the 60th anniversary of the theory of human capital) *Terra Ekonomikus* [Terra Economicus]. No. 19 (2): 6–27. (In Russ.)

13. Mumford L. (2001) Mif o mashine. Tekhnologii i razvitiye chelovechestva [The Myth of the Machine. Technology and the development of mankind] / Translated from English M.: Logos. (In Russ.)

14. Nureyev R. M. (2009) Human capital and its development in modern Russia *Sotsial'nyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. № 4: 5–20. (In Russ.)

15. Pechchei A. (1980) Chelovecheskiye kachestva [Human qualities]. M. (In Russ.)

16. Rand A. (2021) Kapitalizm: neznakomyy ideal [Capitalism: An Unfamiliar ideal] / Translated from English. M.: Alpina Publisher. (In Russ.)

17. Sinitskaya N. Ya. (2016) Development of the theory of human capital: a scientific review *Nauchnyy obzor. Ekonomicheskiye nauki* [Scientific review. Economic sciences]. No. 2: 182–190. (In Russ.)

18. Starostin A. M. (2015) Ideological experience in the system of social practice: civilizational context *Obshchestvo i vlast'* [Society and power]. No. 6 (56): 16–22. (In Russ.)

19. Stepin V. S. (2003) Types of civilizational development *Globalistika: Entsiklopediya* Globalistics: Encyclopedia / Ch. ed. I.I. Mazur, AN. Chumakov. Center for Scientific and

Applied Programs “Dialogue”. Moscow: OAO Raduga Publishing House: 1144–1146.

20. Tsurkan D. A., Evstefieva E. A. (2020) Risk factors of loss of human capital in the digital world *Vestnik TvGU “Filosofiya”* [Bulletin of TvSU “Philosophy”]. No. 1 (51): 173–179. (In Russ.)

21. Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podkhoda [Human potential: the experience of an integrated approach] / Edited by I.T. Frolov. M.1999. (In Russ.)

22. Chernov G. E., Chernova E. V. (2016) Human capital as a determining vector of economic development in the XXI century *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]: 54–61. (In Russ.)

23. Yudin B. G. (2003) Human potential //Globalistics: Encyclopedia /Gl. ed. I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Center for Scientific and Applied Programs “Dialog”. Moscow: Raduga Publishing House: 1159–1160. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 02.09.2022.

The article was submitted 09.08.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 02.09.2022.

Информация об авторе

М. П. Арутюнян – доктор философских наук, профессор кафедры психологии Педагогического института Тихоокеанского государственного университета

Information about the author

M. P. Arutyunian – Doctor of Philosophy, Professor, the psychology chair, the Pedagogical institute of the Pacific National University

Научная статья
УДК 331.101.26(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-184-193

Стратегия развития человеческого капитала Дальнего Востока России

Елена Юрьевна Костина[1], Надежда Александровна Орлова[2]
[1,2,] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
[1] kostina.eyu@dvfu.ru
[2] orlova.na@dvfu.ru

Аннотация. *Дальний Восток России – это территория, имеющая особое значение для стратегического развития страны. Дальневосточный федеральный округ является во многом уникальным для России по ряду социальных, экономических и демографических показателей. Цель настоящей статьи заключается в анализе государственной стратегии развития человеческого капитала на Дальнем Востоке России, сформировавшейся в настоящее время. Объектом исследования является человеческий капитал дальневосточного региона России, предметное поле охватывает вопросы, связанные со стратегиями развития человеческого капитала на данных территориях. Отмечается, что главным вызовом для развития дальневосточных территорий России выступают демографические проблемы (естественная убыль и миграционный отток населения) и существующий дисбаланс на рынке труда, характеризующийся дефицитом квалифицированных кадров. Проведен анализ публикаций и статистических данных в поле изучаемой проблематики, приведены результаты, полученные авторами в ходе исследования, направленного на выявление миграционных намерений и стратегий молодежи конкретного региона (на примере Приморского края). Акцентируется внимание на потребности параллельно экономическому развитию обеспечивать развитие и поддержание на высоком уровне социальной защищенности и безопасности населения, качества и уровня жизни. В статье рассмотрены различные государственные инструменты, направленные на привлечение и закрепление населения на территориях Дальнего Востока России. Показана необходимость разработки стратегии привлечения, развития и сохранения человеческого капитала в дальневосточных регионах Российской Федерации, учитывающая специфику функционирования данных территорий и трендов трансформации экономической системы в целом.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, стратегия социально-экономического развития, факторы развития региона, трудовые ресурсы, демографическая политика, социальная политика*

Для цитирования: Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Стратегия развития человеческого капитала Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 184–193. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-184-193

Strategy for the development of human capital of the Russian Far East

Elena Yu. Kostina[1], Nadezhda A. Orlova[2]
[1,2,] The Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
[1] kostina.eyu@dvfu.ru
[2] orlova.na@dvfu.ru

Abstract. *The Russian Far East is a territory of particular importance for the strategic*

development of the country. The Far-Eastern federal district is in many respects unique for Russia in terms of a number of social, economic and demographic indicators. The purpose of this article is to analyze the state strategy for the development of human capital in the Russian Far East, which has been formed at the present time. The object of this study is the human capital of the Far-Eastern region of Russia, the subject field covers issues related to the strategies for the development of human capital in these territories. It is noted that the main challenge for the development of the Far-Eastern territories of Russia is demographic problems (natural decline and migration outflow of the population) and the existing imbalance in the labor market, characterized by a shortage of qualified personnel. The analysis of publications and statistical data in the field of the studied problems is carried out, the results obtained by the authors in the course of the study aimed at identifying the migration intentions and strategies of young people in a particular region (on the example of the Primorsk territory) are presented. Attention is focused on the need to ensure the development and maintenance of a high level of social security and safety of the population, quality and standard of living in parallel with economic development. The article considers various state instruments aimed at attracting and securing the population in the territories of the Far East of Russia. The necessity of developing a strategy for attracting, developing and preserving human capital in the Far-Eastern regions of the Russian Federation is shown, taking into account the specifics of the functioning of these territories and the trends in the transformation of the economic system as a whole.

Keywords: *human capital, socio-economic development strategy, regional development factors, labor resources, demographic policy, social policy*

For citation: Kostina E. Yu., Orlova N. A. Strategy for the development of human capital of the Russian Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 184–193. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-184-193

Введение

В настоящее время возможность страны или региона занимать лидерские позиции в экономическом развитии базируется на степени развития у них инновационной экономики (экономики знаний), обеспечивающей технологическое совершенствование производства, производство и экспорт высокотехнологической продукции и самих технологий, которые обладают высокой добавленной стоимостью. Развитие такого типа экономики невозможно без соответствующего уровня и качества человеческого капитала, которым обеспечивается экономика. И тут у стран, конкурирующих за лидерские позиции есть два пути: привлечение специалистов из других стран или подготовка их из своего населения. Но при любом выборе необходимо параллельно экономическому развитию обеспечивать развитие и поддержание на высоком уровне социальной защищенности и безопасности населения, качества и уровня жизни. Люди осуществляют выбор места жительства и работы, основываясь не только на предлагаемых интересных профессиональных задачах и уровне оплаты труда, но и на том насколько качественной и безопасной будет их жизнь и жизнь их семей в том или ином регионе. Соответственно, необходима комплексная государственная стратегия, направленная на развитие человеческого капитала страны и ее отдельных регионов.

Человеческий капитал: предпосылки создания и проблемы современной трактовки

Предпосылки к появлению теории человеческого капитала начинают прослеживаться в трудах классиков XVII–XVIII вв. Так, впервые о человеческом капитале заговорил В. Петти, акцентируя внимание на том, что способность людей к труду и характер их занятости непосредственно показывает богатство самого общества. Дж. Милль считал, что сам человек не является богатством, однако все производственные способности, приобретенные им посредством трудовой деятельности, которые он применяет в своей работе, можно причислить к категории богатства. «Мастерство, энергия и настойчивость рабочих страны в такой же мере считают-

ся ее богатством, как и их инструменты и машины» [Милль, 1980. С. 139].

Следующий этап уже более предметного зарождения современной теории человеческого капитала пришелся на середину XX столетия. В это время были опубликованы статьи Т. Шульца «Образование как источник формирования капитала» [Schultz, 1960] и «Инвестиции в человеческий капитал» [Schultz, 1961], а также работы Г. Беккера «Инвестиции в человеческий капитал: теоретический анализ» [Becker, 1962] и «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ» [Becker, 2009]. Т. Шульц ввел в научный оборот первое определение, касающееся человеческого капитала: «Концепция капитала исходит из наличия нечто реально существующего, что обладает экономическим свойством оказывать будущие услуги, имеющие некоторую стоимость. Понимание капитала, как нечто такого, что оказывает будущие услуги, позволяет приступить к последующему делению целого на две части: на человеческий и нечеловеческий капитал» [Schultz, 1960].

В настоящее время Организация экономического сотрудничества и развития определяет человеческий капитал как «знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние»[1]. Человеческий капитал признается важнейшим фактором экономического роста страны и приоритетом социально-экономической политики. Как замечает В. А. Аникин [Аникин, 2017], традиционная трактовка человеческого капитала как сумма знаний и навыков не соответствует сегодняшнему развитию общества и экономики, надо быть осторожным, чтобы ее основные постулаты не легли в основу социальной политики государства, так как тогда предпринимаемые государством меры могут только навредить развитию общества.

Действительно, зародившаяся в 50–60-х гг. XX в. теория человеческого капитала исходила из положения о том, что более высокий уровень формального образования населения выступает основой социально-экономического развития государства, что определяло своеобразный запрос системе высшего образования и социальной политики. Но последние годы в развитых странах складывается парадоксальная для данного тезиса ситуация: рекордный уровень образования населения на фоне снижения темпов экономического развития, а также общая нестабильность социальных структур и институтов общества. Сложившаяся ситуация показывает, что необходимо изучение потенциальных умений и навыков, которые позволят человеку быть успешным и приносить пользу экономике страны в данных исторических условиях. Сложно не согласиться с мнением, высказанным П. С. Сорокиным и Т. А. Поповой [Сорокин, 2022. С. 157], что в последние десятилетия происходит принципиально новое, качественное изменение социальной реальности, порождающее новые запросы к человеческому капиталу во всем мире, а также бросающее вызовы социальной политике, которые необходимо учитывать.

Стратегическая основа формирования человеческого капитала регионов России

Эффективное развития региона основывается, по мнению Г. Р. Юнусовой, на квалифицированных рабочих и специалистах по приоритетным отраслям производства [Юнусова, 2021. С. 190]. Российский рынок труда на сегодняшний день во многом характеризуется не показателями безработицы, а проблемой дефицита квалифицированных рабочих кадров. Так, в 2021 г. стабильно не хватало 2,2 млн работников, что является максимальным показателем за последние годы[2] и не позволяет развиваться экономике и бизнесу с максимальной скоростью и результативностью. Если сменить устаревшее оборудование можно довольно быстро, то найти и обучить кадры для работы в новых условиях занимает значительно больше времени,

[1] *The Well-Being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Education and Skills. OECD (2001) Available at: http://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf (accessed 25 September 2020). С. 17–18.*

[2] *https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/trudovoy-golod/*

особенно когда перед этим еще надо найти желающих. Внутри Российской Федерации обостряется конкуренция регионов за человеческий капитал, тем самым усиливая существующий разрыв в их социально-экономическом развитии, что ведет только к росту дифференциации в их развитии и потенциале сообщества, необходимо государственное вмешательство в сложившуюся ситуацию, чтобы ее переломить и настроить равномерность потоков человеческого капитала.

По данным FinExpertiza[3], особенно сильно нуждаются в притоке специалистов Москва, Красноярский край, Ростовская, Амурская, Иркутская, Московская области, Краснодарский и Приморский края, Нижегородская область, а также Республика Татарстан. Насколько две самые удаленные от центра страны территории (Амурская область и Приморский край) могут на равных бороться с центральными регионами вопрос риторический. Без государственной стратегии развития человеческого капитала Дальнего Востока России не обойтись. П. В. Галкин и И. Е. Светлов еще в 2018-м г. призывали сделать данный регион пилотной зоной для реализации стратегических решений в области человеческого капитала [Галкин, 2018. С. 56].

Человеческий капитал на Дальнем Востоке России: особенности и потенциал

Дальний Восток России – это территория, имеющая особое значение для стратегического развития страны. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) является во многом уникальным для России по ряду социальных, экономических и демографических показателей. Его площадь составляет 6952,6 тыс. км^2 (40,6% территории России)[4]. В состав округа входят 11 субъектов: Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Камчатский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Республика Бурятия и Республика Саха (Якутия).

Человеческий капитал региона складывается из двух составляющих: количество человеческих ресурсов и, если можно так сказать, их «качество» (состояние здоровья, уровень образования, трудовой потенциал).

Дальневосточный федеральный округ «прославился» постоянным снижением численности населения, которая складывается из естественной убыли (за счет, с одной стороны, низкого уровня рождаемости, а с другой – высокого уровня смертности) и миграционного оттока населения.

Несмотря на то, что ДФО входит в число округов, демонстрирующих отрицательное значение естественного прироста, общие коэффициенты рождаемости в регионе выше общероссийских (в 2021 г. округ находился на 2 месте по данному показателю), общие коэффициенты смертности ниже (в 2021 г. регион занял 2 место по

Таблица 1

Численность населения ДФО в 2010–2021 гг.[5]

год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Численность населения	8363	8337	8319	8291	8276	8260	8246	8223	8189	8169	8124	8091

[3] *https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/trudovoy-golod/*

[4] *Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/ bgd/regl/ b20_14p/Main.htm*

[5] *Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/ b20_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели –2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283*

Таблица 2

Основные демографические показатели ДФО за период 2010–2021 гг. [6]

Год	Рождаемость, ‰	Смертность, ‰	Естественный прирост, ‰
2010	13,2	13,8	-0,6
2011	13,2	13,5	-0,3
2012	14,0	13,1	0,9
2013	13,9	12,6	1,3
2014	14,0	12,6	1,4
2015	13,9	12,6	1,3
2016	13,3	12,5	0,8
2017	12,1	12,1	-0,05
2018	11,9	12,0	-0,1
2019	11,1	12,2	-1,1
2020	11,1	13,9	-2,8
2021	10,6	15,6	-5,0

данному показателю)[7]. Существует территориальная дифференциация в показателях естественного прироста: в целом в динамике низкие показатели рождаемости наблюдаются в Магаданской области, высокие – в Республики Саха (Якутия), на территории которой стабильно фиксируются и самые низкие показатели смертности. А самые высокие показатели смертности – в Амурской области и Еврейской автономной области, Приморском крае.

Если говорить о качестве жизни в каждом конкретном субъекте ДФО, то в соответствии с «Рейтингом регионов России по качеству жизни – 2021», лидирующие позиции занимают Сахалинская область (28 место в списке всех регионов) с показателем 52,6 и Хабаровский край (29 место) – 51,7. На несколько пунктов ниже (33 место) в списке регионов располагается Камчатский край – 50,1. В середине рейтинга, занимая 43 место, находится Приморский край – 48,0, за ним на 55 месте с показателем 44,5 и 59 месте с показателем 42,9 Магаданская область и ЧАО. Нижние строчки списка занимают Амурская область (68 место), Якутия (70 место), Республика Бурятия (78 место), с показателями 39,6, 39,2 и 33,0 соответственно. В последней пятерке регионов с худшими показателями 30,0 и 28,9 находятся Забайкальский край (81 место) и ЕАО (83 место). Указанные позиции четко показывают привлекательность/непривлекательность тех или иных регионов для постоянного проживания и миграционных намерений населения. Только три из одиннадцати субъектов находятся по показателям качества жизни в первой половине списка, в первую четверть не входит вообще ни один из них, вряд ли предлагаемое данными регионами качество жизни можно считать конкурентным преимуществом в привлечении человеческого капитала внутри страны. Показательными выступают данные, полученные авторами при исследовании миграционных намерений молодежи Приморского края, который находится на «экваторе» данного списка. Так, миграционные ориентации и установки респондентов показали высокий уровень готовности переехать из Приморья. Из опрошенных 78,3% хотели бы покинуть край. Выразили желание переехать в другой регион Дальнего Востока 6,5%, в другой регион Россий-

[6] *Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm; Социально-экономическое положение федеральных округов 2021 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260.*

[7] *Социально-экономическое положение федеральных округов 2021 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260*

Таблица 3

Общие итоги миграции населения в ДФО за период 2010–2021 гг.[8]

Год	Число прибывших, человек	Число выбывших, человек	Миграционный прирост (+), убыль (-), человек
2010	96874	124318	-27444
2011	187335	205101	-17766
2012	232140	252021	-19881
2013	238122	271164	-33042
2014	240862	265614	-24752
2015	247597	271259	-23662
2016	251030	268397	-17367
2017	256662	273776	-17114
2018	328466	361609	-33143
2019	330375	342106	-11731
2020	289323	309248	-19925
2021	311864	303851	+8013

ской Федерации – 50,2%, в другую страну – 43,3% [Костина, 2020. С. 19]. Можно предположить, что в остальных семи регионах, находящихся в нижней половине списка, данные миграционных намерений молодежи будут еще выше.

Вопросы, связанные с миграцией, всегда были актуальны для Дальнего Востока России, так как заселялись данные территории в основном за счет миграционных программ царского или советского правительства. И, если ранее она являлась источником притяжения трудовых ресурсов, то в начале последнего десятилетия XX-го в. ситуация коренным образом изменилась – население начало массово покидать данные территории. Статистические данные свидетельствуют, что такая негативная тенденция сохранялась на протяжении долгого времени, впервые за этот период миграционный прирост был зафиксирован в 2021 г., что, по мнению Эльвиры Нургалиевой, первого заместителя генерального директора Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики по социальному развитию, «является подтверждением эффективности как экономической, так и социальной политики развития макрорегиона»[9]. Стоит отметить, что миграционный прирост наблюдался не во всех субъектах ДФО, положительные показатели по данным на 2021 г. характерны только для четырех из них – Якутия, Камчатский и Хабаровский края, Сахалинская область и ЧАО.

О некоторых тенденциях стратегии развития человеческого капитала Дальнего Востока России

Соответственно, главными направлениями деятельности по развитию человеческого капитала на данных территориях являются демографическая политика и поддержка в трудоустройстве и переезде. Так, демографическая политика, стратегическая цель которой заключается в стабилизации численности населения и его увеличения до 8,6 млн человек к 2025 г., направлена на обеспечение роста человеческого потенциала и воспроизводство населения, формирование миграционных потоков, адекватных задачам социально-экономического

[8] Социально-экономическое положение федеральных округов 2021, Социально-экономическое положение федеральных округов 2020, Социально-экономическое положение федеральных округов 2019, Социально-экономическое положение федеральных округов 2018, Социально-экономическое положение федеральных округов 2017, Социально-экономическое положение федеральных округов 2016, Социально-экономическое положение федеральных округов 2015, Социально-экономическое положение федеральных округов 2014, Социально-экономическое положение федеральных округов 2013, Социально-экономическое положение федеральных округов 2012, Социально-экономическое положение федеральных округов 2011 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260

[9] Из выступления на секции «Развитие человеческого потенциала Дальнего Востока: люди – главный капитал» на Восточном экономическом форуме-2022, Владивосток, 5–8 сентября 2022.

развития регионов ДВ, через повышение рождаемости, снижение смертности и миграционного оттока; привлечение внутренних и внешних трудовых мигрантов; создание условий и стимулов для закрепления молодежи на территории Дальнего Востока; привлечение молодых специалистов из других регионов и т. д.[10]. Вместе с тем в целях развития человеческого капитала особое внимание уделяется вопросам, касающимся образования, подготовки и повышения квалификации трудовых ресурсов. Также для решения задачи по обеспечению ДФО трудовыми ресурсами осуществляется поддержка в трудоустройстве и переезде (компенсация расходов на оплату стоимости проезда при переезде и провозе багажа, выплата подъемных и др.).

Именно с этим связаны различные государственные меры, направленные на привлечение и закрепление на территориях Дальнего Востока России населения. Из основных можно отметить:

- программу «Дальневосточный гектар» (за весь период действия программы «Дальневосточный гектар» 107949 граждан получили участок на Дальнем Востоке, 2,5 тысячи граждан воспользовались мерами поддержки на сумму 856,70 млн рублей[11]);

- программу по переселению соотечественников, проживающих за рубежом (предоставляемые меры поддержки проживающим за рубежом включают: ускоренное получение российского гражданства, повышенные подъемные в размере 10 прожиточных минимумов на каждого переселенца и члена его семьи, выплата жилищной субсидии – 6 м^2 на каждого переселенца и члена семьи и др.).

Особая роль в стратегиях развития человеческого капитала региона должна отводиться совершенствованию тех отраслей, которые определяют качество человеческого капитала, и тут речь не идет лишь о системе образования, необходимо, по мнению О. Д. Дигилиной, И. Б. Тесленко и Т. А. Никеровой, «обеспечение последовательного улучшения качества жизни населения» [Дигилина, 2010. С. 59]. В плане высшего образования как базы формирования качественного человеческого капитала в регионе отрадно осознавать, что не только профильные министерства и ведомства, чья работа напрямую заточена на решение проблем, препятствующих развитию Дальнего Востока России, осознают необходимость разработки специальных программ развития, ориентированных на него. В след за программой «Приоритет-2030», куда пробилось лишь три дальневосточных вуза (Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток), Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск), Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск) и регион занял последнюю строчку), Министерство науки и высшего образования разработало и реализовывает программу «Приоритет-2030. Дальний Восток». В рамках данного трека планируется, что все вузы ДФО

Таблица 4

Прирост (убыль) численности участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом* (по ДФО за период с 2010–221 гг.)[12]

год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Численность участников	779	3 264	4 738	1 039	8 481	10 611	7 102	5 754	4 469	5 422	3 206	4 342

**) Включая членов семей участников Государственной программы*

[10] *Развитие человеческого капитала. URL: https://minvr.gov.ru/activity/razvitie-msp-i-konkurentsii/razvitie-chelovecheskogo-kapitala/*

[11] *Программа гектар на Дальнем востоке и в Арктике. URL: https://xn--80aaggvgieoeoa2bo7l.xn--p1ai/*

[12] *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283*

могут принять участие в конкурсе и получить дополнительное финансирование, которое позволит повысить качество образовательного процесса в них и снизить образовательную миграцию из региона, которая носит некомпенсируемый характер. Так, О. В. Санникова [Санникова, 2015. С. 19] отмечает, что большинство образовательных мигрантов стараются сделать свой отъезд из родного региона невозвратным, а миграционная убыль населения региона при этом не восполняется притоком человеческих ресурсов с других территорий. Возможно, это переломит направление образовательной миграции и сделает вузы Дальнего Востока России привлекательными для самых сильных выпускников школ из других регионов.

Постиндустриальные вызовы и демографические проблемы привели к краху «государства всеобщего благосостояния», и сегодня для всех развитых стран остро стоит проблема трансформации социальной сферы [Мау, 2015. С. 115]. Сейчас в реализуемых государственных программах наблюдается понимание, что люди «голосуют ногами», когда им негде жить, невозможно получить медицинскую помощь и обучить детей, что нашло отражение в законодательных инициативах последних лет, таких как:

- программа «Дальневосточная ипотека», предусматривающая ипотеку молодым семьям до 2% (за период действия программы «Дальневосточная ипотека» было заключено 46347 договоров, общая сумма кредитов по ДФО составила 190452,06 млн рублей, средняя сумма кредита – 4,1 млн рублей)[13];

- программа «Дальневосточный квартал», которая только стартует, направлена на развитие рентного жилья с фиксированной суммой аренды для специальных категорий граждан. Разработчики программы указывают, что за годы массовой приватизации жилья более 90% стало частным, соответственно, рынок аренды формируется рыночным спросом и в большинстве своем находится в серой зоне, не защищая арендаторов и делая рентное жилье недоступным для некоторых социальных групп. Строительство и развитие именно рентного жилья должно способствовать развитию цивилизованного рынка аренды: корпоративной – для работников предприятий, коммерческой – для тех, кто хочет и готов снимать жилье на рыночных условиях, социальной – для низкодоходных групп населения, студенческой – для учащихся.

Особое внимание традиционно уделяется разработке дополнительных мер по повышению рождаемости на Дальнем Востоке. Так, к общим традиционным федеральным и региональным выплатам на рождение первого и второго ребенка Корпорация по развитию Дальнего Востока и Арктики предлагает проект «Дальневосточный стимул» по выплате 1 млн рублей при рождении 3-го или последующих детей на Дальнем Востоке.

Вместо выводов

Отрадно наблюдать от представителей государственной власти понимание, что люди хотят жить в местах где не только есть работа, но и высоки уровень и качество жизни и окружающей среды, так Эльвира Нургалиева в своем выступлении на Восточном экономическом форуме – 2022 отметила: «Задача по росту числа жителей макрорегиона решается системно – мерами поддержки рождаемости, повышения продолжительности жизни и улучшения ее качества, через развитие культуры, образования и спорта. Принимаются меры по повышению трудовой мобильности, образовательные программы, проекты в области креативных индустрий».

Список источников:

1. Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 120–156. DOI 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156. – EDN NRBCPB.

2. Асалиев А. М. Человеческий капитал в контексте стратегии социально-экономического развития // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2017. № 6(96). С. 96–105. EDN YLULEQ.

[13] *Дальневосточная ипотека[Электронный ресурс] / Официальный сайт Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики государственной статистики. URL: https://erdc.ru/dv-ipoteka/*

3. Вохминцева М. В. Сценарии и стратегии развития человеческого капитала в России // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 10(78). С. 16. EDN ZRERXN.

4. Галкин П. В., Светлов И. Е. Стратегия развития человеческого капитала как один из приоритетов современного государственного управления // Вестник университета. 2018. № 1. С. 54–58. DOI 10.26425/1816-4277-2018-1-54-58. EDN YTFHRK.

5. Дигилина О. Б., Тесленко И. Б., Никерова Т. А. Человеческий капитал и стратегия социально-экономического развития региона // Качество. Инновации. Образование. 2010. № 1(56). С. 58–61. EDN MUYNBT.

6. Иванов О. И. Стратегия трансформации социального пространства развития человеческого капитала // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 12-1. С. 146–150. DOI 10.24411/2411-0450-2018-10237. – EDN VRPXLP.

7. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная мобильность в приграничье: взгляд молодежи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4(55). С. 16–22. DOI 10.24866/1998-6785/2020-4/16-22. – EDN HBKOWN.

8. Мау В. А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114–132. DOI 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132. – EDN OZZRGR.

9. Милль Дж. С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. М.: Прогресс, 1980. Т. 1. 496 с.

10. Санникова О. В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.

11. Сорокин П. С., Попова Т. А. Качество человеческого капитала -ответ на вызовы социальной политики в условиях деструктурации // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 1. С. 157–168. DOI 10.17323/727-0634-2022-20-1-157-168. – EDN IHONXL.

12. Юнусова Г. Р. Человеческий капитал в развитии экономики региона: высококачественное высшее образование как инвестиции в человеческий капитал // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. С. 190–203. DOI 10.24412/2070-1381-2021-88-190-203. – EDN GCYFJH.

13. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 2009. Chicago: University of Chicago Press.

14. Becker, G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962, vol. 70, no. 5, pp. 9–49.

15. Schultz T. W. Capital Formation by Education // The Journal of Political Economy. 1960, no. 68 (6), pp. 571–583.

16. Schultz T. W. Investment in Human Capital. The American Economic Review. 1961, no. 51 (1), pp. 1–17.

17. The Well-Being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Education and Skills. OECD (2001) Available at: http://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf (accessed 25 September 2020).

References:

1. Anikin V. A. (2017) Human capital: formation of the concept and basic interpretations *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. Vol. 18. No. 4: 120–156. DOI 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156 (In Russ.)

2. Asaliev A. M. (2017) Human capital in the context of the strategy of socio-economic development *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Bulletin of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov]. No. 6(96): 96–105. (In Russ.)

3. Vohminceva M. V. (2017) Scenarios and strategies for the development of human capital in Russia *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii* [Modern scientific research and innovation]. No. 10(78): 16. (In Russ.)

4. Galkin P. V., Svetlov I. Ye. Strategy for the development of human capital as one of the priorities of modern public administration *Vestnik universiteta* [Bulletin of the Uni-

versity]. 2018. No. 1: 54-58. DOI 10.26425/1816-4277-2018-1-54-58. (In Russ.)

5. Digilina O. B., Teslenko I. B., Nikerova T. A. Human capital and the strategy of socio-economic development of the region *Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie* [Quality. Innovation. Education.]. 2010. No. 1(56): 58-61. (In Russ.)

6. Ivanov O. I. (2018) The strategy of transformation of the social space for the development of human capital *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and business: theory and practice]. No. 12-1: 146–150. DOI 10.24411/2411-0450-2018-10237. (In Russ.)

7. Kostina E. Yu., Orlova N. A. (2020) Social mobility in the border area: the view of youth Ojkumena. *Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional studies]. No. 4(55): 16–22. DOI 10.24866/1998-6785/2020-4/16-22. (In Russ.)

8. Mau V. A. (2012) Human Capital: Challenges for Russia *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 7: 114–132. DOI 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132. (In Russ.)

9. Mill's Dzh. (1980) Osnovy politicheskoj ekonomii i nekotorye aspekty ih prilozheniya k social'noj filosofii [Fundamentals of Political Economy and Some Aspects of Their Application to Social Philosophy]. M.: Progress. Vol. 1: 496. (In Russ.)

10. Sannikova O. V. (2015) Uncompensated educational migration as a problem of development of the Russian region *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 24: 19–21. (In Russ.)

11. Sorokin P. S., Popova T. A. (2022) The quality of human capital – a response to the challenges of social policy in conditions of destructuring *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 20. No. 1: 157–168. – DOI 10.17323/727-0634-2022-20-1-157-168. (In Russ.)

12. Yunusova G. R. (2021) Human capital in the development of the regional economy: high-quality higher education as an investment in human capital *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [Public administration. Electronic Bulletin]. No. 88: 190-203. – DOI 10.24412/2070-1381-2021-88-190-203. (In Russ.)

13. Becker G. S. (2009) Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press.

14. Becker, G. S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis *Zhurnal politicheskoy ekonomii* Journal of Political Economy. Vol. 70. No. 5: 9–49.

15. Schultz T. W. (1960) Capital Formation by Education *Zhurnal politicheskoy ekonomii* The Journal of Political Economy. No. 68 (6): 571–583.

16. Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. The American Economic Review. No. 51 (1): 1–17.

17. The Well-Being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Education and Skills. OECD (2001) Available at: http://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf (accessed 25 September 2020).

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Информация об авторах

Е. Ю. Костина – кандидат социологических наук, доцент, директор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета

Н. А. Орлова – кандидат социологических наук, доцент, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета

Information about the authors

E. Yu. Kostina – Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the chair of social sciences, the Far-Eastern Federal University

N.A. Orlova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the Far-Eastern Federal University

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2022 г. № 3 (100)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

http//vlastdviu.ru/
http//elibrary.ru/
https//e.lanbook.com/
http//cyberleninka.ru/
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 04.10.2022 г.
Формат бумаги 60х84 1/8 А-4
Усл. печ. л. – 22,4
Учетн.-изд. л. – 24,2
Тираж – 500 экз.
Заказ № 10
Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: http://vlastdviu.ru/index.html